

Сто писем с войны

Валентина Фоменко

Вступление.

Когда писались эти письма я, конечно, не мог представить себе, что они будут публиковаться через 63 года. Да и сейчас, я неохотно согласился на это, т.к. публичность – это нескромность. Но меня уговорили сын и жена.

Начало войны застало меня на практике после окончания второго курса МВТУ им. Баумана. Поскольку я учился на факультете боеприпасов, практика была на заводе, производящем снаряды, в г. Бердянске.

13 июня 1941 г. Бердянск.

«Здравствуйте!

Из Москвы уехали в ночь с 3-го на 4-е. Домой не приехал, т.к. до последнего момента на руках билета на поезд не имел, и оба дня провел в ожидании его. Ехали с пересадкой. При пересадке потеряли целый день: с 4 часов утра до 2 часов ночи. Все опасения о холодной погоде, о неудобстве жизни в палатках, о трудности питания и пр. оказались напрасными. Погода стоит очень хорошая: тепло как днем, так и ночью Туземцы жалуется на холодную (относительно) погоду. Для нас, все же, около 25-30 днем и 15 ночью оказались достаточными, чтобы жить счастливыми.

На этом заводе (№258) студенты практически новосты. Может быть, этим и можно объяснить то заботливое отношение к нам, которое мы встретили здесь. Палатки довольно большие на 7 человек. Живем по 5-6 человек. Девушек поместили в арендованных заводом домах. Палатки стоят в бывшем парке полностью отданном нам. С одной стороны у нас завод, с другой виноградник. Палатки круглые сутки охраняются. В палатках поставлены кровати. Дали нам и постельные принадлежности, причем одеял дано два: одно байковое простое и другое теплое шерстяное.

Продовольствие. Слухи об голоде в провинциях частью ложны, частью раздуты. В месте пересадки (недалеко от Ростова по дороге в Симферополь) я ожидал увидеть пустые магазины и тощие столовые, или, по крайней мере, ночные очереди. Оказалось: с хлебом благополучно, правда редко можно застать черный, что, очевидно, объясняется все же вкусами юга. В столовой, куда мы зашли, оказался большой выбор, чем в нашей студенческой столовой, цены на все ниже, чем у нас % на 15, здесь тоже самое (в городе).

На завод нам дали пропуска на любое время суток и в любой цех (между прочим, рабочие имеют пропуск на одну смену и только в один цех, только начальники цехов имеют такие пропуска как у нас). Удивительно то доверие, которое нам оказывают. На заводе существуют оригинальные порядки. Нормы составляются такими, что при нормальной работе рабочие легко выполняют нормы > чем на 120%. Большинство же вырабатывает около 170-200%. Один из начальников цеха проговорился, что это является той поощрительной системой, которая применяется на всех военных заводах для улучшения состава рабочих. В столовой на заводе, очевидно, за счет дотаций цены в три раза ниже, чем в городских столовых (правда, это частично объясняется и тем, что завод имеет собственное, почти натуральное хозяйство). Порции примерно в 2 раза больше чем московские (примерно = маминому калибру). Поэтому все, и я в том числе, ходят обедать два раза в день.

Станным показалось то, что от нас ничего не скрывают из производственного процесса. Нас разбили по 5 человек и назначили каждую пятерку в отдельный цех. 2,5 дня

эта группа изучает технологию этого цеха. Я уже побывал в двух цехах: механическом обработки головки снаряда и термическом. Позволено все спрашивать (отвечают охотно) и требовать любые чертежи и описания. Работать начинаем с 7 часов, в 12 перерыв на час (на обед) и до 4-х.

Море от нас в 20 минутах ходьбы. После работы все отправляемся купаться, а потом опять обедать. После игры и развлечения. В 9 часов уже темно.

Вот и сейчас: уже трудно писать. Если что-нибудь важное случится – напишите».

Из воспоминаний. 22 июня 1941 г. день был воскресный, пасмурный и ветреный. Мы - группа друзей: я, Дима Цветков, Женя Лобанов, Рая Салехова, Кузнецова и Люся Парфенова решили пройти пешком берегом моря до санатория. Мы шли мимо рыбацкого поселка близко к морю по краю песка и ловили самую высокую 9-ю волну. И вдруг, эта самая высокая волна накрыла нашего старосту Диму Цветкова. Он приотстал от нас, чтобы отжаться. Вдруг, Дима бежит за нами и кричит: «Стойте, стойте!» Остановились. Оказывается, из одного дома выскочила женщина и сказала Диме: «Молотов выступил по радио. Началась война». Нас будто холодом окатило. От радостного, беззаботного настроения не осталось и следа. Дотащились в молчании до санатория. Там народ уже разъезжается. Безлюдно. Пустынно. Повернули назад. Сразу весь город и люди помрачнели.

23 июня 1941 г. Бердянск.

«Здравствуйте!

Только сегодня окончательно понял, что началась война...

Перспективы мои следующие: 1) буду продолжать практику до конца, а затем домой (20%), 2) В связи с расширением завода заставят в порядке трудовой повинности остаться на лето здесь работать (60%), 3) после практики отправят домой работать на предприятиях нашего наркомата до начала учебы (15%), 4) лишат отсрочки и призовут (5%). Последнее мало возможно, т.к. я видел, как рабочие с завода получают повестки явиться в военкомат, а затем возвращаются назад с отсрочками на 6 месяцев. Налетов на город не было. Очевидно, и не будет, хотя к ним готовятся.

Пишите скорее как обстоят дела с призывом Юрки и мобилизацией папы. Денег осталось 200 руб. Переводов не посылайте.

С питанием здесь обстоит все так же нормально. Если оставят работать здесь – жизнь будет не тяжелой.

Прошу за меня не беспокоиться. Жду известий от вас.

Валя. 23/VI 41 г.

Мой адрес: г. Бердянск Запорожской обл., Пролетарский проспект 17. Палатки»

Из воспоминаний: 23 июня пришли на завод. Нас студентов сразу же приспособили к зачистке ржавых пятен на ведущих поясах 120 мм снарядов, лежавших на складе. Через неделю после начала войны пришел вызов из МВТУ, и мы поехали в Москву. На вокзале тьма желающих уехать. Не долго думая, хватаем вещи и с другой стороны платформы покидали их в вагоны через окна. Затем таким же образом покидали и девчат. Но тут проводники спохватились, что студенты погружаются в вагоны и выбросили свой десант против нас. Но мы успели их опередить. На платформе последним остался организатор нашей посадки Женя Кантор. Он танцор и акробат стал подтягиваться в окно, а проводники ухватили его за ноги. Но тут мы навалились и под «раз, два» втащили его в вагон. Радости не описать. Особенно был доволен наш руководитель. Ребята шутили: «Едем, братцы, призываться».

В Москве нас послали помогать в починке военных автомобилей в мастерских в Автобронетанковом проезде. Их разбомбили в первый же налет на Москву (через месяц после начала войны). Мы пришли на работу и увидели, что немцы очень хорошо знали, где находятся военные объекты. Пожар был такой, что метал балок крыши стал мягким как воск. Но поразило то, что отсек, в котором в керосиновых ваннах отмывали разобранные моторы, остался несгоревшим, хотя он был в центре пожара.

В начале августа нас – студентов призвали в армию, направив в учебный зенитный полк, располагавшийся в г. Бронницы. Меня сделали младшим сержантом – командиром отделения, обучавшегося работе на ПАУЗО (приборах управления артиллерийским зенитным огнем). В отделении были студенты моей группы и ... дирижер из консерватории.

11 августа 1941 г. Бронницы.

«Приехал на место назначения (60 км от Москвы) на автобусе в тот же день. Попал в полковую школу зенитной артиллерии. В дальнейшем, очевидно, будут обучать на должность младшего лейтенанта. Моя будущая специальность начальник наблюдательного пункта зенитной точки. Срок обучения от 15 дней до 2-х месяцев в зависимости от обстановки. Запасы, которые я с собой поднабрал, излишни. Кормят здорово. С трудом съел, заплесневевшую было колбасу. Получил форму на III третий день. С сапогами получился казус: один сапог жмет, но слегка (подъем). Говорят - разносятся. Противогоазы выдают боевые, секретные. Очень удобные. Строевой подготовкой не занимаются совсем. Ходим на занятия в поле. Там лежа слушаем лекции командиров. Считаю, что мне здорово повезло, - даже больше, чем Юрке. Посмотрите в кармане брюк из прибывшей посылки. Напишите, как обстоят дела с Юркой и папой. Если можно достаньте целлулоидный воротничок.

Валя. 11/VIII 41 г.»

17 августа 1941 г. Бронницы.

«Здравствуйте.

Пишу это письмо на занятиях. Наш взвод роет окоп для зенитного орудия. Работаем в 3 смены. Отработаешь и 1 час отдыхаешь. Решил использовать время.

Я теперь стал настоящим красноармейцем: козыряю командирам, хожу в наряды и пр. Вчера досталось идти в наряд на вошебойку. Топил печь, рубил для нее дрова, вытаскивал из камеры продукцию. Побывал в воздухе 120-100 градусов. Ничего, жить, оказывается, можно и при такой температуре воздуха. После посыпался перетрумом. Придется побывать, очевидно, и на кухне и в др. местах.

Встаем в 5 часов, раздеваемся и бежим на зарядку. Раздеваемся, потому, что постелей нет и, очевидно, не будет, спим одетыми, но без сапог. Во время тревоги будят и заставляют одеть сапоги и шинель. После зарядки умываемся и завтрак. Чай пью из миски. Несколько дней назад я зазевался и оставил, выходя из-за стола, кружку. Когда я вернулся (четверть минуты) ее уже смахнули. Утром дают также суп или кашу. К чаю дают довольно много сахара (кусочка 3). После завтрака занятия до 13 час в поле. Лежишь и записываешь поучения лейтенантов. Обед. Щи или суп (с мясом), второе - каша или еще какое-нибудь блюдо с неизвестным названием. Довольно жирное. Опять занятия до вечера. Ужин - часов в 19. Чай и каша. После ужина до 10 часов мы свободны. Но уже тошно. Иду в лен. уголок и играю там в шахматы или домино. Так каждый день. Иногда попадаешь в наряды. Это неинтересно. Но в обычное время занятия проходят легко. Даже сегодня, когда я превратился из разведчика в саперы – нетрудно: покопаешь, полежишь. Здоровая работа!

Начальство и состав подразделения неплохие. В моем подразделении есть студенты: консерватории (дирижер), института изобразительных искусств, энергетического института, физико-математического факультета МГУ и т.д. Командир взвода имеет полтора высших образования, его помощник – художник. Нет «цука», который есть в пехоте. Но все же военная дисциплина с непривычки тяжела. Все передвижения (даже оправляться) приходится совершать в строю. Мучительно бывает быть около реки (занятия происходят на берегу реки) и не иметь возможности искупаться, когда обливаешься потом на солнце. По чернилам, очевидно, заметно, что не все письмо написано сразу. Письмо пишется урывками. С того момента, как я начал его писать прошло уже 2 дня. Сегодня я назначен в наряд: ночной дозор по городу. Мне дали 4 часа на подготовку. Только сейчас я пришел воротничок по Юркиному рецепту. Нельзя сказать, что получилось хорошо. Но это, очевидно, из-за недостатка ловкости в этом деле. Только сегодня кончил колбасу. Сегодня уже 17-е, мои первые письма, наверное, уже пришли. Жду письма от вас каждый день. Интересно, что сейчас с Юркой, как дела папы и где он, каковы дела с переездом тебя, мама, из-под Москвы.

Боюсь, что может получиться такая же штука, как с некоторыми др. ребятами, которые потеряли связь с родственниками и родителями из-за медленного хода писем. Если письмо от вас не придет до 20, пишу Лиде.»

25 августа 1941 г. Бронницы.

«Здравствуйте мама, Витька и Юрка! 25/VIII 41 г.

Наконец сегодня я получил письмо от вас. Сегодня у нас выходной день.

Вновь прибывшие бойцы (в их число вхожу и я) приняли присягу. С сегодняшнего дня я уже полноправный боец. На меня распространяется почетное право ходить в караул. Правда, я уже был вооружен раз винтовкой и снабжен патронами, для того, чтобы охранять спокойствие и порядок в городе. Но тогда я был подчинен младшему лейтенанту, который ходил со мной. Теперь я буду ходить на охрану объектов самостоятельно. Между прочим, в разговоре с этим лейтенантом (мы ходили вместе всю ночь: с 21 ч до 7 ч) выяснилось, что до войны он был начальником отдела техникумов в главном управлении учебными заведениями.

Командира нашего отделения перевели в другое место и я, неожиданно для себя, уже сейчас начал карьеру командира. Меня назначили командиром отделения. В этом отделении только 2 человека имеют среднее образование. Остальные – высшее или неоконченное высшее. Человек 6 из отделения имеют возраст около 30 лет. Как я справлюсь с ролью командира? Пока не представляю себе этого хорошо. Мой товарищ Дима тоже попал в подчинение ко мне.

Т.к. я в 1 дивизионе, 1 батарее, 1 взводе и должен ходить в строю 1-м в первом отделении, то теперь я стою впереди при всех построениях. Если до сих пор я сдерживал свой шаг, ориентируясь по переднему, то теперь я иду в переднем правом углу колонны. По шагу человека идущего на этом месте ориентируется вся колонна. Я предвижу скандал по поводу размера шага. В армии шаг, оказывается, короткий и частый. Вы, наверное, знаете, что я привык ходить «в некотором роде наоборот».

Эти дни перед принятием присяги нашему отделению пришлось три раза подряд (каждое утро) проводить уборку в казарме: подметать и мыть пол. Если я раньше работал грузчиком, то теперь мне пришлось поработать полумойкой. Считаю, что теперь я прошел «воду и медные трубы», осталось пройти только огонь. По слухам, ходящим в нашей среде, этот огонь придется проходить уже довольно скоро (поговаривают о сверхсрочном выпуске нас из школы и отправке на «точки»).

Папа, скептиков в армии не оказалось. Быть может, я не вижу их потому, что в нашей части люди с высоким образованием. В нашей среде, - я передружился здесь уже с многими – настроение хорошее. Люди изучают свою будущую специальность с рвением.

Выяснилось, что получать письма из дома очень приятно. Не получая писем от вас до 23-го, я начал беспокоиться и начал строить самые невероятные гипотезы о причинах по которым нет ответа на мои 3 письма. Я даже послал 20-го письмо Лиде, в котором просил известить меня о положении дома.

Интересно, получили ли вы посылку? Посмотрите в кармане брюк, там есть записка. Мама сможет приобщить ее к коллекции писем, которую она уже начала собирать.

Передайте привет москвичам. Посылку ко мне собирать не нужно. Выяснилось, правда, что некоторых предметов 1-ой необходимости не хватает, но я приспособился и обхожусь пока без них. Когда я перейду в действующую армию, я напишу вам о том, что мне нужно прислать.

Жду вашего ответа. Валя »

1 сентября 1941 г. Бронницы.

«Здравствуй папа, мама, Юрка и Витька! 1/IX 41 г.

Живу неплохо. Привыкаю. Условия улучшаются. Выпустят старшим сержантом 20-25 сентября. Должность – помкомвзвода. Наверное, после окончания пошлют на двухмесячные курсы подготовки младших лейтенантов – командиров взвода управления или огневого взвода. Из командиров меня разжаловали: приехал новый командир - с фронта, рассказывает успокоительное. Если, папа, можешь, - приезжай в воскресенье. Предупреждаю! Ехать трудно. Сегодня я был отпущен в город на 2 часа, под предлогом твоего приезда. Как ехать? Можно поездом, но идти почти 11 км со станции до Бронниц, или 1-м до Аптекарского пер., 28, до Новых домов любым трамваем в сторону противоположную мосту до Заставы Ильича. Идти влево и затем правее. Автобус «Бр». 60 км по рязанскому шоссе. Дальше язык доведет. Заявить в проходную. Курсант 1 батареи. Привезти, если не трудно что-нибудь разнообразящее стол. Хорошо было бы доставить сюда бинокль. Здесь он пригодится. Пришлите пару портянок, пару нижнего белья. Выкрадите в библиотеке книгу: «Силуэты германских самолетов» и тоже привезите».

Из воспоминаний: В начале сентября пришел приказ вернуть на учебу студентов третьего курса факультета боеприпасов. Значит, планировалось, что война продлится еще 2-4 года! Меня и Диму Цветкова демобилизовали. Мы учились, периодически по ночам дежурия на крышах. Как-то воздушная тревога застала меня в троллейбусе на улице Горького и я очутился на крыше рядом площадью Пушкина. До сих пор перед глазами стоит статуя Лепешинской, ярко освещенная упавшими рядом зажигалками.

15 октября, когда немцы под Вязьмой окружили все наши армии, и между немцами и Москвой не оказалось войск, в Москве началась срочная эвакуация учреждений и заводов. В воздухе реял пепел сжигаемых документов, кое-где грабили продовольственные магазины. На занятиях наш профессор Герке объявил, что МВТУ эвакуируется, но эшелон, предназначавшийся для эвакуации в Ижевск, передали Большому театру и предложили добираться до Ижевска самостоятельно. «Собирайтесь в группы и в дорогу. Кто как может».

Ребята нашей группы собрались в общежитии в Бригадирском переулке у Тамары Кузнецовой и, обсудив ситуацию, решили, что дальше отступать некуда и все вместе пошли записываться добровольцами в комсомольский батальон. Кто-то сказал, что на Большой Почтовой в школе собираются добровольцы. Договорились встретиться в 4 часа. Собрались все, кроме Жени Лобанова и Люси Парфеновой. Пошли на Большую

Почтовую. Народу много. Когда подошла очередь Раи Салеховой и Тамары Кузнецовой, мы с Димой вытащили их из очереди и сказали: «Война скоро кончится и вам нужно остаться, чтобы писать лекции для нас. И нет смысла всем вместе соваться на фронт». Они согласились, ведь финская война перед этим действительно быстро закончилась. Через пару дней меня назначили (т.к. я был членом стрелковой команды МВТУ) наводчиком пулемета Максим, а все остальные ребята из нашей группы стали номерами его расчета. Нам выдали пулемет, хранившийся со времен Гражданской войны на складе, и, чтобы снять с него загустевшую смазку, мы разобрали его до винтика, удивив этим прибывшего к нам командира взвода – участника Финской войны. Выдали нам и винтовки системы Гра-Корпачек, снятые с вооружения французской армии в 1888 г., с огромной длины шпагой-штыком и 20 патронами («Берегите их – больше нет»).

21 октября 1941 г. Москва.

«Здравствуйте папа и Юрка и, может быть, мама и Витька.

Наш институт эвакуируется. Я и все наши ребята попали в армию. Сегодня отправляемся на рубеж, отведенный нашему подразделению. Я и мои товарищи по институту в пулеметном взводе. Я наводчик станкового пулемета. Разобрал, почистил и собрал пулемет и на этом освоение материальной части окончено. Большого, пожалуй, и не нужно. Вещи пришлось бросить. Часть их в Лефортове, часть в общежитии у ин-та, часть здесь в рюкзаке. Ни в чем не нуждаюсь. Постараюсь в дальнейшем писать на Урал, к вам и в Горький. Не унываю.

Прощайте! Валя. 21/X 41 г.

P.S. Облигации у Ганцевых.»

Около 10 ноября 1941 г.

«Здравствуйте!

Может быть вы уже получили мои письма, но, т.к. ответа нет, то я, думая, что они не дошли, начну опять сначала.

16 октября стало известно, что наш институт эвакуируется. Позже узнал, что эшелон, поданный для нас, захвачен артистами ГАБТ'а. В этот день в Москве было, как вам наверное известно, настроение довольно паническое. Вечером и даже еще днем некоторые студенты и студентки начали удирать из города пешком. В нашем институте был объявлен набор в комсомольские батальоны. Записалось много народу. Вместе со всеми ребятами нашей группы записался и я. Записался я не из-за стадного чувства. Еще в начале войны я думал пойти на фронт добровольцем, если немцы дойдут до Москвы. В тот день я нашел, что больше ждать не стоит. Батальон, в который я попал, на 90% студенческий. Половина нашего батальона из моего института. В нашем взводе одни бауманцы. Первые дни думали идти на фронт сразу. Ребята из нашего института, попавшие в др. батальон, в тот же день получили оружие и на др. день утром отправились «на рубеж». Я оставался в месте сбора добровольцев (в одной из школ вблизи нашего института) еще дня 4-5. За это время я перешел из простой пехоты вместе со своими ребятами во взвод станковых пулеметов. Никто из нас не знал устройство пулемета. Но когда нам дали со склада пулеметы, пришлось их разбирать при чистке. За один день, разобрав, почистив и собрав пулемет собственным студенческим умом, мы изучили устройство пулемета. Кадровые командиры только руками развели. Через несколько дней и мы отправились «на рубеж» (Зачеркнуто цензурой. Ред.). Посидев возле него около недели, подежурив несколько раз ночью с пулеметом на дорогах возле завода, мы передвинулись на следующую точку (Зачеркнуто цензурой. Ред.). Задача на это гнездо возлагалась важная - обстреливать подходы к мостам Ленинградской ж.д. и

Ленинградского шоссе. Через несколько дней, не дав нам окончить строительство гнезда, нас перевели на др. место. Москва опоясывается укрепленными линиями. Мы имеем место своего расположения на одной из них. От Москвы это недалеко: километров 10. Наша землянка в 15 м от рельс Октябрьской ж.д. ДЗОТ в котором будет стоять наш пулемет расположен в 15 м от землянки. Все время, с тех пор как нам дали место, делаем для себя землянку и ДЗОТ (долговременную огневую земляную точку). Работы много, но много уже сделано. Через день приходится дежурить по ночам у пулемета на нашей точке (предосторожность против десанта). Возможно, что будем иметь ДЗОТ запасной позицией, т.к., наверно, дадут бетонной колпак с бойницей. С таким колпаком можно будет оборудовать и ДОТ. В 30 м перед точкой проходит проволочное ограждение, еще через 20 м противотанковый ров. Перед нами минные поля. Вокруг нас стоят орудийные точки, пулеметы и пр. Полоса крепкая и глубокая. Вряд ли немцы смогут взять полосу с налету. Это им будет крепким орешком. Только сейчас обменяли оружие. Винтовки были трофейные – польские и французские времен империалистической войны. Винтовки не плохие, но плохо, что патроны наши к ним не подходят. Сейчас дали отечественное оружие. Нам, пулеметчикам, обещают обменять пулеметы на крупнокалиберные.

Кормят хорошо. Каждый день на завтрак и обед мясо. Одели тоже хорошо. Когда я хожу на дежурство, то одеваю кроме нижнего белья – фуфайку, ковбойку, лыжную куртку, гимнастерку, ватную куртку и шинель. Снизу: бумажные брюки, галифе (их раньше давали в военных академиях), суконные ватные штаны. Портянки из байкового одеяла. Ботинки, очевидно, взяли из запасов спортивных магазинов: горные на толстой подошве. Обмотки теплые – трехметровые (вот возни как распустятся – баллон спустил, как говорят). В таком одеянии тепло, но очень неуклюжим себя чувствуешь. Скоро выдадут валенки.

Сегодня будет ночью мороз, иду на пост. Выдали первый раз 100 см³ водки. Чего доброго здесь и пить научишься.

Очень хочется узнать, как обстоит дело с отъездом мамы и Витьки. Не уехал ли папа? (Кстати, если папа не уехал. Передал ли тебе дядя Клавдий обратно небезызвестный тебе сверток. В последнюю минуту я его завез ему). Как дела остальных родичей? Где Шура? Какой новый адрес дяди Клавдия?

Недавно я зашел по адресу Шуры. Это недалеко от нас. К сожалению, адрес этот оказался устаревшим. Уже два месяца, как ее там не бывало.

Не знаю, что делать с деньгами – здесь они совершенно не нужны. Сообщите: по какому адресу я могу переслать 2600 рублей, данных мне на дорогу и на жизнь в Ижевске.

Так долго не писал из-за загруженности разными делами. Скоро, дня через три, кончатся строительные работы. И мы перейдем в землянку (сейчас живу в здании бывшего санатория). Тогда будет много свободного времени. Может быть, удастся приехать на денек домой. Взглянуть, как и что.

Через 20 минут нужно уходить. Остается еще переобуться: после работы днем, одеть сухие портянки.

Пока не чувствуется, что я в армии. Ограничений очень мало, живем дружно. Все ребята свои, с которыми учился 2 года. Весело. Атмосфера хорошая. Конечно, надеюсь из этой переделки выйти живым. После войны если потеряю вас из виду, сделаю, как собирался: напишу несколько сот писем во все более или менее крупные города на имя папы, Юрки и мамы. Пока не теряю надежды установить с вами связь. Пишите ответ скорее, пока адрес не изменился, а то у нас чересчур часто меняется почтовый ящик.

Пусть мама за меня не беспокоится – особенно опасно не будет, а если что и случится – товарищи выручат.

До свидания! Передайте привет всем.
P.S. Написал письмо Лиде, на случай если вас в Монино нет.»

19 ноября 1941 г.

«Здравствуйте!

Не знаю, какова судьба предыдущих писем. Поэтому опять начинаю сначала.

С 16 октября я в армии. Пошел добровольцем в комсомольский батальон, набор в который был объявлен в те дни – дни паники среди мирного населения Москвы. Еще давно я собирался в случае, если немцы будут близко к нашему дому, пойти и для защиты его сделать что-нибудь, например, убить десяток немцев или что-нибудь в этом роде. Когда я узнал, что отъезд в Ижевск ин-та отменяется, когда на вопрос: «Что делать?» отвечали: «Уходите, как хотите». Я решил, что дальше оставаться в таком положении не стоит и, что дальше ждать то время когда я понадобится - не стоит.

Долгое время я находился в Москве. Сейчас я на одном из оборонительных рубежей, построенных вокруг Москвы. Живем в землянке, сделанной своими руками, дежуриим по ночам у пулеметов. Одеты тепло, даже слишком тепло для этого времени года. Кормят хорошо, спим помногу. В общем – санаторий. Я первый номер – наводчик станкового пулемета. Мой пулемет стоит под тремя рядами бревен и полуметровым слоем земли. Точка со всеми усовершенствованиями на которые столь охочи студенты: наблюдательный пункт с откидным бронекозырьком соединен с дзотом переговорной трубой, бойница замаскирована доской поднимаемой и опускаемой автомобильным штурвалом, который мы нашли на дороге и т.д. Сегодня весь день возился с проводкой электричества в нашу землянку. Парня, который работал со мной, чуть не убило 6000 V. Сам я отделался легким ожогом от 220 V. Температура в нашей землянке не опускается ниже 22 C. Мои коллеги – пулеметчики, - ребята из нашей группы. Живем весело. Все оптимисты. Собираемся после войны жить не в общежитии, а построить такую же землянку. Все думали, что жить в землянке – значит опуститься на самое «дно». Оказывается, дело обстоит в некотором роде наоборот. Ну, хватит подробностей. В общем, в бой пойдем, очевидно, еще не скоро. Если удастся связаться с вами, напишу вам подробно о своей жизни.

Жду известий от вас. Пишите немедленно, как получите мой адрес, письмо с описанием вашего теперешнего положения. Живется вам, наверное, не сладко. Мы – армия, живем за ваш счет. Попытаюсь сделать все возможное, чтобы поскорее, хотя бы на секунду, пришла победа.

Будьте здоровы, как я сейчас.

Посылаю письмо с оказией. Бросят его в почтовый ящик в Москве, а не здесь. Может быть, оно придет раньше остальных писем.

Может быть дней через 10, числа 28 приеду домой – в Монино с ночевкой. Может быть. Постараюсь.

Жду. Валя. 19/XI 41 г.

Фронт. Ночь. Летят самолеты. Стрельба.

Постреляем!»

17 декабря 1941 г.

«Здравствуй Юрка!

Недавно я вырвал увольнительную и съездил домой. Там я узнал о твоей поездке. Говорят, что ты интересовался моей судьбой. Изволь!

Пошел 16 октября добровольцем в коммунистический батальон, прием в который был объявлен в те дни, дни наступления немцев и паники среди населения. После того, как

стало известно, что институт не эвакуируют, и что мы остаемся без призора властей, когда было объявлено в комитете: «Спасайтесь кто как может», когда декан бронетанкового ф-та, собрав группу студентов отправился пешком из Москвы, я решил, что лучше отступить, обороняясь, чем бежать. Пришлось с боем пройти в комбатальон. Какие-то сукины коты пустили слух, что прием в комбатальоны закрыт из-за недостатка оружия. Только после того как сходили к «начальству» удалось попасть в батальон. Первые дни обстановка была напряженной. Вооруженные французскими девятизарядными винтовками образца 1870 г, польскими гранатами и шкодовскими пулеметами, рвались в бой, но не пустили. Я пошел в пулеметчики, в звании наводчика оно же и состою до сих пор. После одного дня изучения пулемета мы были готовы к бою. С тех пор прошло два месяца. Постепенно передвигаемся с рубежа на рубеж, сначала на окраинах Москвы, а затем в Подмоскovie. После того как я узнал, что такое «кузькина мать» и какое удовольствие дежурить ночью сначала под дождем, а в последствии и под снегом у пулемета на перекрестках дорог, нахожусь уже с месяц на одном месте: на клинском направлении во втором эшелоне оборонительного пояса Москвы. 18 км до Москвы, 18-30 до фронта. Расстояние меняется сейчас в сторону увеличения. Живу в землянке. Имею ДОТ. Мой пулемет стоит под бетонным колпаком. Толщина стенок 20 см. От снаряда не спасет, но от мин и пуль обезопасился. Тесно, но уютно. Внутренняя оставшаяся опалубка по виду даже похожа на красное дерево. Колпак серийного производства. Строительство кончили с неделю тому назад. В дни наибольшего развития наступления немцев ходил в боевое охранение. Ждали немцев 3-е суток то на перекрестке двух шоссе, по одному из которых от Волоколамска шли немцы, то на 3-м этаже дома, стоящего на Ленинградском шоссе. Все обошлось благополучно. Не дойдя 10 км до нас, немцы повернули (вернее их повернули). Оказывается, в тылу очень интересуются вопросом экипировки немцев. Сам не видел, но очевидцы рассказывают, что одеты они плохо. Были случаи, когда отдельные группы замерзающих автоматчиков, попавшие в наш тыл, доведенные морозом до отчаяния, приходили в деревни и сдавались жителям. Большинство солдат одеты в белье снятое с красноармейцев. Вооружены они, правда, богато. Последнее время и у нас появилось много ППД. Сейчас меня послали учиться на курсы командиров пулеметных отделений. Занятия будут происходить в Москве. Пишу в будущем числе потому, что к занятиям пока не приступал, прошел только комиссию из чинов штаба дивизии, которая и приняла меня в сию школу. После окончания обещают вернуть в свой взвод командиром пулемета.

Как видишь, дошел до самого последнего, да и лист кончился. Поэтому, *ende!*
До свидания! Пиши и ты о своих приключениях. Як на транспорте? 17/ХІІ 41 г. Валька.»

23 декабря 1941 г. Химки.

«Здравствуйте!

Внезапно я был зачислен в школу младшего комсостава. Поэтому я не смогу 23 приехать к вам. Курсы одномесячные. После их окончания буду командиром того же пулеметного отделения, из которого я взят. Оказалось, что наш полк будет оставаться на том же месте, где он находится на всю зиму. За это время народ подучится и все военные науки превзойдет. Только теперь я узнал почему фунт солдатского лиха, - в день 8 часов строевой подготовки. Нудная топтология, да еще на ветру. Несмотря на теплую одежду - мерзнешь. По часу отводится на какое-нибудь вскидывание винтовки на плечо. Жизнь становится не мила, когда подумашь, что это еще цветочки, а ягодки – ползание в снегу, тактика с занятиями на местности, еще впереди. Ну, ничего, как-нибудь перетерплю, - сожмусь и перетерплю. Ну, ладно! Довольно отводить душу.

Живу сейчас в Москве на Беговой ул., проходящей мимо ипподрома (см. на карте). Трамвай: 4,13, 1в. Приезжать не советую, т.к. поговорить долго не удастся. Все время занят, все время в строю. Перерывы не больше 10 минут. Есть правда время самоподготовки с 19 до 20.30, но это время редко соблюдается. Твой приезд, папа, может оказаться напрасным. Вряд ли меня отпустят с занятий для свидания с тобой. Можно надеяться на то, что мне удастся все же вырваться под каким-нибудь предлогом к вам.

Написал письмо Юрке. Интересно, есть ли у вас что-нибудь новое от него. Как я узнал, наш институт в Ижевске только в декабре начал полностью работать. Всем ребятам пришлось работать по 6 часов на местных заводах. Им сейчас там нелегко учиться.

Приходится писать письмо, урывая по 10 минут от перерывов. Сегодня узнаю свой новый почтовый адрес и, наконец, отошлю. Письмо это писалось 3 дня.

Сегодня начались ягодки, о которых я писал выше. Сижу сейчас с мокрыми ногами... Ну ладно! Осталось еще только 27 дней. Пишите мне. Сейчас, именно, чувствуешь, что совсем оторван от старого, тем более, что и товарищей здесь со мной нет.

Обещаю со своей стороны писать почаще.

До свидания! Валя. 23/ХІІ 41 г.»

28 декабря 1941 г. Химки.

«Здравствуйте!

Пытался получить сегодня, в воскресенье, увольнительную, чтобы поехать к вам. Не вышло. Очевидно, не удастся вырваться к вам и в будущем – до 20-го января. После этого срока я, став командиром, надеюсь что-нибудь сделать в этом направлении. Положение здесь улучшилось. Я писал вам вначале, что кормят хорошо, но через день я заметил, что и этой довольно хорошо приготовленной пищи, количеством не уступающей тому, что я получал раньше, стало не хватать. Очевидно, сказались усиленные упражнения на улице. Настроение от этого, и так плохое от такой собачей жизни (казарменное обращение, цук и напряженная муштра), еще больше ухудшилось. Я уже стал подумывать, как бы уйти назад, в землянку к своим ребятам. Это можно было осуществить, серьезно нарушив, каким-нибудь образом, установившийся здесь порядок. Из нашего взвода отправили уже двоих по этим причинам. Я и собрался последовать их примеру. Но... Повесили программу занятий, из которой стало видно, что такое усиленное внимание строевой подготовке, которое было до того, постепенно уменьшалось. Кроме того, порции, вследствие жалоб комиссару, были увеличены в полтора раза. Кроме того, стало известно, что ребят нашего взвода, оставшегося в землянке, стали переводить из пулеметчиков в стрелки, причем разбросали по разным взводам. Впрочем, ребята из моей бывшей группы пока остались в старом положении. Надеюсь все же попасть через 20 дней к ним. Подумав, решил, что не стоит скандалить.

Стал понемногу привыкать. Только здесь, в школе, понял все хорошие стороны гражданской жизни. Не для того я пошел в армию, чтобы жить опять в казарме, достаточно надоевшей мне еще в Бронницах. Даже обидно! Пишите, что нового стало известно о Юрке, которому я уже, между прочим, уже писал, Клавдии Павловиче, Марии, Лиде, Клаве и ее чаде. Вот им там, в Горьком приходится, очевидно, возиться с ним! Встречался ли папа с Васей? Где Оля и Андрей? Несмотря на то, что я оторван от вас уже 3 месяца и мало жил с вами последние 2 года, интересы мои совпадают с вашими. Частенько вспоминаю нашу уютную квартирку, вечера проведенные вместе со всеми. Сейчас меня убедили, что конец войны не так далек. Не знаю, заставят ли меня после войны служить положенные 3 года или отпустят кончать институт, но, все же, день, когда мы будем опять вместе, не так далек, как я думал.

До скорого свидания. 28/ХІІ 41 г. Валя.»

31 декабря 1941 г. Химки.

«Здравствуй Юрка!

Поздравляю с наступившим новым годом! Нахожусь сейчас в школе младшего комсостава, живу в Москве. Тяжело. Занятия ведутся в духе Суворова. Может быть это и нужно, но, с точки зрения объекта такого воспитания, это чрезвычайно неприятно. Курс обучения – 1 месяц. Осталось 20 дней. После окончания обещают вернуть в те же подразделения - откуда нас взяли. До сих пор они расположены на том же рубеже, что и раньше. Говорят, что наша дивизия (часть) остается здесь всю зиму с целью окончательного обучения.

Был дома. Там все благополучно. Ну, ты, наверное, все знаешь из их писем. Знаешь, очевидно, и о том, что они решили пока не ехать с к-том, и о том, что дядя Вася вернулся из окружения.

Настроение у меня паршивое. Повторяется обстановке Бронниц - казарма. С нетерпением жду того времени, когда опять вернусь к прежней вольной жизни на рубеже, к своим ребятам.

Последние дни в Москве стоят сильные морозы. Но этим тебя теперь, наверное, в Сибири не удивишь.

Надеюсь, что это письмо дойдет до тебя.

Напиши что-нибудь взаимно. Интересно, получил ли ты от меня ранее написанное письмо.

Ну, кончаю. Опять гонят на занятия на улице.

До свидания! Валя. 31/ХІІ 41 г.»

14 января 1942 г. Химки.

«Здравствуйте!

Положение мое опять изменилось. Выпуск курсов будет не 31, а 25 января. Если папа не сможет приехать ко мне до этого, то неизвестно, сумеем ли мы увидиться? Ходят слухи, что дивизия наша может быть отправлена на фронт в феврале. Ходят и другие слухи: будто бы опять начинают возвращать студентов из армии на учебу. Случаются такие казусы, что за месяц работы на станке, некоторые зарабатывали 20-30 рублей.

Варежки замечательные!

Никаких вещей привозить не нужно (кроме зеркальца и пасты ГОИ).

Стекло на часах разбито на занятиях (опять!)

Привет. Валя 14/І 42 г.»

21 января 1942 г. Химки.

«Здравствуй Шура! 21/І 42 г.

Надеюсь, что мое письмо успеет предупредить тебя от поездки, о которой мы договорились. Я уже в другом месте! Курсы срочно ликвидировались. Кажется, нас собираются отправить вскоре на фронт. Попал я не по специальности – стал командиром минометного отделения. Прошу твоей помощи! У меня сейчас нет ватных брюк, надежда получить их здесь невелика. Дома для меня приготовлены хорошие теплые брюки. Без них на фронте сейчас будет трудно. Если ты еще располагаешь свободным временем, то съезди, пожалуйста, возможно скорее в Монино и привези оттуда брюки и немного сухарей (около 1 кг). Я, если смогу, зайду к тебе через 2-3 дня (23-24) за ними. Если ты сможешь, то принеси их ко мне. Пройти ко мне можно так. Проехать до конца на 29-м или 9-м, идти по улице, идущей через мост около 2-х км к Химкам. Когда пройдешь линию надолбов, то метров через 200-300 увидишь дорогу, отходящую вправо и, пройдя по ней

100м, и, свернув направо, попадешь к месту, огороженному забором с проволокой, с башнями по углам (бывший концлагерь). Попроси вызвать командира 1 отделения 2 взвода 1 роты Ф.В.Н. Надеюсь, что эта просьба выполнима. Если тебе трудно будет это сделать, то не надо приносить никаких жертв для ее выполнения. Жму руку.»

21 января 1942 г. Химки.

«Здравствуйте! 21/1 42 г.

Мое обучение неожиданно закончилось. Курсы, по пришедшему приказу свернулись в один день. Нас досрочно аттестовали и отправили в свои полки. Когда мы пришли в полк, выяснилось, что не хватает командиров-минометчиков. Всех пришедших на курсы из III батальона отправили во вновь организующийся минометный батальон. Я стал командиром минометного отделения: 82 мм батальонный миномет, 1 повозка и 6 человек находятся под моей командой. Нам говорят, что через несколько дней будут многодневные учения всей дивизии и, что к ним нужно готовиться как к настоящему бою. Поэтому все приводится в боевую готовность. Возможно, что вместо учений предстоит отправка на фронт. Жалею, что в свое время не взял у тебя ватные штаны. В школе получить их не успел, а здесь вред ли дадут из-за нехватки времени. Если в ближайшие дни к вам заедет Шура, то передайте штаны ей. Может быть, я успею зайти к ней за ними (я живу вблизи от ее новой квартиры). Шансов выжить у минометчиков, между прочим, гораздо больше, чем в других родах вооружения. Пусть мама и папа не волнуются за меня. Буду писать часто!

27 января 1942 г. Савеловский вокзал.

«27/1 42 г. Привет вам!

Сожалею, что послал вам предыдущую открытку с просьбой о брюках. Я уже получил их здесь, когда происходила ген. репетиция отправки на фронт. После этого я через 3 дня в ночь на 24 вместе со своими товарищами-студентами, находившимися в др. батальонах отправился на Савеловский вокзал. Погрузились в эшелон. С отправкой тянут. Некоторые эшелоны нашего полка стоят здесь уже третий день, я – уже почти сутки. Едем, очевидно, на Ленинградский (южнее Новгорода) или Калининский фронт. Специальность минометчика за 5 дней освоить успел. Успел даже подтянуть своих бойцов. Почти все они уже бывали на фронте, их возраст 40-30 лет. Перезнакомился с ними – люди неплохие. Экипирован я – лучше нельзя. Несмотря на несоответствие обстановки зачитываюсь худож. литературой.

Настроение неплохое. Валя.»

31 января 1942 г.

«Здравствуйте!

Эшелон наш вышел с Савеловского вокзала только 30 января. Почти 4 дня просидели в вагонах на станции. В вагоне 82 человека, вагон 4-х осный, 50-тонный. Тесновато, но не особенно. Едем медленно – коммерческая скорость меньше 10 км/час. Эшелон подолгу стоит на станциях. Проезжали через зону боев (возле Яхромы, Дмитрова). Рассматривал разбитые танки и автомобили немцев. Танки в большинстве легкие и средние.

Автомашины самые разнообразные: от офицерских и санитарных малолитражек до автобусов – ремонтных мастерских. Нельзя сказать, что немецкие машины сделаны аккуратно, прочно и красиво, как обычно представляются заграничные вещи. Наши легковые машины выглядят куда лучше немецких. Грузовики наши имеют менее современный обтекаемый вид, но зато прочнее.

Немецкая армия, очевидно, воспитана в духе романтики по отношению к войне. Многие танки украшены изображениями драконов и других рыцарских символических

изображений. На радиаторах встречаются подковы, подвешенные очевидно «на счастье». На машинах много значков. Конечно, машины разбиты, а танки обгоревшие. Особенно больших разрушений среди построек не видно, очевидно потому, что здесь были только передовые части немцев.

Едем мы, как сказал нам политрук, на помощь Ленинграду. Приедем туда, наверное, еще не скоро, если судить по темпам нашего движения сейчас. Сегодня мы стоим на станции Савелово–Конечная ст. савеловской дор. – стоим уже 12 ч. Только что нас «встряхнули» - объявили боевую тревогу. Все команды у нас сейчас объявляются трубой. Из-за этого, конечно, путаница. Было сыграно «в ружье», а подумали, что подается сигнал «по вагонам». В результате произошла суматоха, в которой чуть-чуть не потерял мои перчатки. Кстати, скоро я получаю меховые рукавицы, в которых никакие холода не страшны. Но, все зимние приготовления, кажется, окажутся напрасными. Возможно, что мы вступим в бой к весне. Воевать весной под Ленинградом будет удовольствие небольшое. Места там болотистые, а война перешла в позиционную. Может быть, я буду свидетелем нового Вердена (по обстановке). Моя роль, как минометчика, довольно безопасна. Под огнем винтовочным, по крайней мере, мне бывать, очевидно, не придется, т.к. мой миномет будет стоять в укрытии, в близком тылу, или разъезжать на автомашине вдоль фронта, останавливаясь только для стрельбы.

Пишите мне сюда почаще. Письма ко мне в дороге, очевидно, приходят не будут, но когда я доеду они посыпятся все сразу». Сам я буду писать более или менее аккуратно, в зависимости от ситуации. Количество новостей будет достаточным, кажется, для того, чтобы писать вам каждые 3-5 дней. Ждите писем. Жду ваших писем.

Жму руку папе, Юрке, целую маму и хлопаю по спине Витьку.

Валя. 31/І 42 г.»

6 февраля 1942 г.

«Здравствуйтесь! 6/ІІ 42

В нас, очевидно, не сильно нуждаются на фронте. 7 суток стоим на разъезде в 250 км от Москвы. Говорят, что стоим из-за перегрузки дороги, на которую мы должны свернуть (Калининской дороги (?)). Неизвестно, когда двинемся дальше, очевидно, прибудем на фронт еще не скоро – может быть, даже простоим здесь еще полмесяца.

Используем стоянку в поле для тренировки стрельбы из минометов и винтовок. Жизнь спокойная, свободного времени много, спим от захода до 6 часов. Посылаю письмо это с оказией – составом, идущим в Москву. Пишите по новому адресу – изменился № полка – теперь 271 с.п. Надежды, правда, на скорое получение ваших писем нет, но рано или поздно они придут и обрадуют меня.

Всего наилучшего!

Мамина душегрейка греет!»

10 февраля 1942 г.

«Здравствуйтесь!

Отъехав из Москвы 26/І - 10-го февраля, достиг, двигаясь кружным путем ст. Бологое. Ехал без приключений. Впечатления от станции, на которой мы были, красочные. Много различных открытий. Я думал, что провинция живет довольно голодно. Оказывается, здесь существуют столовые, в которых можно питаться без особых ограничений, на станциях торгуют молоком, сметаной, творогом, мясом и маслом. Молоко - 10 р/л. Последние же перечисленные продукты идут только в обмен на мыло, табак, сахар. Много встречается разбитого порожняка. Почти все станции разбиты (вблизи от Бологого).

Дальнейший путь следования, конечно, неизвестен. Пишите мне - как я вам пишу. Это третье письмо с пути.»

11 февраля 1942 г.

«Привет вам – папе, маме, Юрке и Витьке!

Все еще еду. 11/II 42. Стоим в 3-х км от Бологое. Спокойно. Тревоги бывают, но бомбежек нет. Едем по направлению на Старую Руссу, где окружено, как говорят раненные, проезжающие оттуда, 6 немецких дивизий. Едем, как видите, медленно. Т.к. наш эшелон первый из нескольких десятков эшелонов, вместе с которыми мы должны выступить на фронт, то вполне очевидно, что много времени пройдет пока сбор и сборки будут окончены. Вряд ли придется повоевать зимой, а весной здесь будет несладко. Места болотистые, да и от талого снега придется натерпеться, тем более что подолгу придется сидеть на одном месте, где-нибудь в укрытии. Может быть, ко времени первого крещения фронт продвинется дальше, чем он сейчас. Тогда сказанное выше о болотах отпадает.

Начал собирать «трофеи», которые уже попадают (разные редкостные патроны, гранаты и пр.). В прошлом письме я неправильно указал мой адрес. Там был неправильно написан новый номер полка.

Желаю вам всего наилучшего.»

14 февраля 1942 г.

«Здравствуйте!

Путь почти окончен. Нахожусь у озера Селигер. Сегодня ночью пеший переход на 45 км. Завтра то же самое и мы на фронте. Нам повезло: наш эшелон первый на этой дороге (на Великие Луки), который не подвергся бомбежке.

Дела на фронте большие. По ж/д наши части уже дошли до Латвии. Мы будем отсекал образовавшийся выступ по направлению с юга. Послезавтра в бой. Надеюсь, что будет удача.

14/II 42. Валя.»

Из воспоминаний: Выгрузились и, построившись колонной, перешли замерзшее озеро и пошли по проселкам к Старой Руссе. Подошли к деревне Молвотицы в яркий солнечный день и вступили в бой. Перед началом 3 часа лежали в снегу. Помню, что в эти часы читал «Тараса Бульбу». На краю поля поставили минометы, дали нам дистанцию и направление на цель. В ответ на выпущенные нами мины немцы открыли огонь и снаряд, разорвавшийся на дереве, ранил меня в бедро. Боли не было (ощущение как от удара палкой, которое после перевязки прошло) и я после артподготовки пошел дальше со своим расчетом на лыжах. Когда шли по границе между полем и болотом, нас обстрелял снайпер, засевший в болоте. Он попал в голову солдата, шедшего передо мной, а затем и в того, кто шел за мной. Через пару часов, рана разболелась так, что я уже едва шел и меня направили искать медсанбат. Уже смеркалось и, когда я стал выходить от болота на поле, тот же снайпер стал стрелять по мне. Выстрелил раз 10, но в меня не попал. Каждый раз, видя фонтанчик снега, я падал и, претворившись убитым, лежал несколько минут. Когда стемнело, я пошел и через полкилометра мне попался солдат, который помог мне добраться до медсанбата. Там рану обработали, но осколок вытаскивать не стали (ношу его до сих пор). В медсанбате, наконец, накормили. С тем солдатом мы тогда на двоих съели ведро овсяной каши. Дальше везли на розвальнях и на автомашине. Страшно замерзла раненная нога. Потом погрузили на поезд и повезли в сторону Москвы. Госпитали в Осташкове, Бологом, Твери, Клину были переполнены и нас (легкораненных) не принимали, пока не доехали до Москвы. Очутившись на Ленинградском

вокзале, пересел на электричку до Монино и добрался до дома. Два дня пробыл дома, а затем пошел в госпиталь рядом с домом. Естественно, писем с момента высадки в Осташикове до окончания излечения не писал.

29 марта 1942 г. Ижевск. От Люси Парфеновой.

«Валя!

Получаем постепенно и от других ребят из армии известия, все больше раненые.

Повзарашвили ранен, но как и где он находится, неизвестно. Ранен Непомнящий, пишет, что - легко, и скоро опять вернется в строй. Вот силен тоже парень: он командир артиллерийского взвода. Ранен Женья Кантор, пишет, что – легко, что наслаждается сном на чистой постели и едой из тарелки. Он Левке Бурдюкову прислал письмо, так пишет, что ты (т.е. Левка) уже, наверное, инженер. Находится Женья в госпитале в Московской области, адреса его у меня сейчас нет (в конце письма напишу).

Да, сегодня Женья Лобанов говорит, что ему хочется умереть. Я говорю, зачем же так без пользы умирать, лучше иди на фронт, все твои товарищи там, как не стыдно, уехал в тыл, как девчонка. А Л. Бурдюков говорит, ты бы и шла на фронт. А я ответила на это, что пользы там с меня будет мало, а в, все-таки, ребята.

Валя, засела я в этом семестре с учебой. Графические работы по прикладной надо делать, а времени нет, выходные давать перестали. Первое задание по расчету момента инерции маховика я сдала, но в этот день спала всего три часа. Всю следующую неделю работаю в ночь, буду спать по часа четыре и постараюсь второй лист начертить. Трудно, очень трудно. Но ничего не поделаешь, война.

А к проекту и не приступала, у меня тема: спроектировать приводную станцию к сборочному транспортеру. Не знаю с чего начать - как баран. Срок сдачи первого листа 1, а сегодня 29. Вот инженер из меня выйдет!

Теперь у нас пом. декана Буженко М.Н., как военнообязанный он старший политрук. На днях было собрание, Горст и Буженко общими силами вырвали соц. обязательство для группы, по кот. мы должны быть идеальными студентами, сдавать в срок все задания и, как Горст оговорился, кроме первого, кот. никто не сдал в срок (по прикладной). К этому надо добавить: кроме второй и вообще кроме энного.

Прислала открытку Таня Назарова. Пишет, что жизнь у них «веселая». Она в разведке, ты знаешь наверно. Вот молодец девушка! Нас она обязывает стать хорошими инженерами. Горст ее открытку приложил к договору, за который, конечно, все голосовали единогласно. Рая Салехова в Москве, из Казани она благополучно эвакуировалась в Москву вместе с банком, в кот. работала. Я ей писала, не знаю, получила ли она мое письмо. Адрес ее Сретенский бул. Д.6, кв. 40.

До свидания, Валя. Крепко, крепко жму твои руки. Пиши. Люся.

P.S. Ты, наверное, сейчас читаешь все, что только возможно, художественную литературу? Это блаженство, право. Ты поправляйся на все 100% или даже больше.

Из воспоминаний: Когда выписался в конце апреля, поехал в Москву и там, на углу улицы Кирова, случайно встретился на улице с Раей Салеховой - моей будущей женой. Пошли с ней в кинотеатр Метрополь и посмотрели фильм «Машенька». По дороге, на Покровке меня остановил патруль проверить документы и повел в комендатуру, но там недоразумение уладилось и меня отпустили. Потом пошли к однокурснице Люде Кудрявцевой на Красные ворота. Там переночевали, пол ночи рассказывал о войне.

30 апреля 1942 г.

« Все идет нормально!

Когда я расстался с тобой, папа, я поехал к Юрке. Добиться свидания с ним я не смог: у них был митинг, который я застал в самом начале. Я покрутился у ворот и уехал, т.к. сей митинг должен был продолжаться не менее часа. Заходил в свой институт, где тоже застал сборище студентов, посвященное 1-му мая. Встретил много своих товарищей студенток, получил удовольствие от того, что вновь побывал в месте, где провел много времени. Съездил за Раей и случайно столкнулся с ней на улице. Был в Метрополе. Сидел в мягких креслах в мокрой шинели и с огромным вещмешком (хлеб я Юрке не передал и таскал с собой в страшно распухшем мешке), слушал джаз с сознанием того, что через 12 часов обстановка будет диаметрально противоположна. Переночевал у знакомой студентки. Пришлось опять рассказывать свои похождения на фронте. Сапоги раскисли, оторвались оба каблука, вода хлюпала при ходьбе. На их снятие было затрачено 15 минут. Утром я одевал их уже 30 минут, причем смог одеть их только на один носок от чего и стер уже ноги. Пришел на вокзал к 9 часам. Конечно, отправились не в 8 часов как обещали, а в 10. Приехав в Мытищи, пошли к распределителю. Жидкая грязь! Промок окончательно и уже, не выбирая дороги, зашагал по грязи. Санпропускник... Белье, правда, не сменили, чему я рад. Отдали назад справку о ранении. Привели на территорию бывшего заводика, где я пребываю и посейчас. Наконец, дали вместо моих «испанских сапог» ботинки с обмотками. Ноги уже стертые, но, несмотря на это, нахожусь на седьмом небе. Зарегистрировали. Заполнили новую красноармейскую книжку. Пообедал сегодня супом с пельменями – шайка, какие употребляются в банях - на четверых! Пойду, очевидно, в минометчики – киномеханики здесь не требуются, их посылают, поэтому, стрелками. Сначала я думал, что меня сегодня отправят отсюда, но только что узнал, что остаюсь здесь ночевать. После некоторого пребывания здесь поеду на фронт.

Новости о моем положении все.

Буду писать, как только произойдет что-либо существенное. Поэтому, если писем не будет, думайте, что все по старому.

Всего наилучшего.

Валя 30/IV 42 г.»

5 мая 1942 г.

« Письмо II

Здравствуйтесь!

Первое письмо я отослал через незнакомого человека. Очевидно, оно до вас не дошло, и вы сейчас, наверное, беспокоитесь обо мне. Из Москвы послали меня в Мытищи. Там был до 2-го мая. Записался киномехаником, был отнесен к разряду хозяйственников.

Одновременно получил документы – командира минометчика. Сейчас нахожусь в Болшеве. Здесь происходит окончательное распределение по частям. Пробуду здесь, наверное, несколько недель. Но не гарантирован от внезапной отправки с маршевым батальоном или маршевой ротой. В этом случае окончательное распределение произойдет уже на фронте – вблизи от передовой. В этом случае пойду опять в минометчики.

Этот вариант, конечно, возможен, но, скорее всего, буду находиться здесь пока не надоем, и пока меня не отправят в какую-либо инстанцию, чтобы она нашла мне применение. В двадцатых числах апреля вышел приказ Сталина: направлять кадры только по специальности. В связи с этим приказом на распределительных пунктах встречаются люди высланные с передовой на распределительные пункты с тем, чтобы пойти туда, где они нужны.

Нахожусь в бараке. Ничем не занимаюсь. День проходит в слонянии, спанье в лесу поблизости и в ожидании кормежек. Кормят хотя и грубо, но вполне достаточно. Наедаюсь здесь больше чем в госпитале. Ко мне сюда приехать вы можете, но пройти к

бараку и тем более найти меня невозможно. Попытаюсь сам съездить к вам. Это возможно, т.к. уйти с территории части легко, а отсутствие мое между завтраком с 8 и обедом в 13 ч. или до ужина в 7-8 ч. может пройти незамеченным. Если же заметят, то найду какую-либо причину для объяснения. Сильно скучаю от безделья. Впрочем, на мой приезд сильно не надейтесь. 5/V 42 г.»

8 мая 1942 г.

«8 мая.

Письмо это я опустил в ящик, висящий в казарме, еще пятого. Сегодня утром я обнаружил его на столике дневального. Писать нового письма я не стал – дописываю к уже отправленному письму.

Нахожусь в хозяйственном взводе. Сюда прибывает множество людей. Их сортируют. Из одних формируют маршевые роты, др. (свыше 45 лет) посылают на работу в колхозы, специалистов вроде танкистов и авиатехников отправляют куда-то, некоторых же вливают в хоз. взводы. Здесь скопились люди, которых намерены отправить по специальности: повара, пекаря, ездовые, кладовщики и пр. К ним-то я и попал. Люди малосимпатичные. Многие - воруны-профессионалы с удовольствием рассказывают о своих похождениях. Есть люди, находящиеся в этом взводе еще с 10 апреля. Повторяю – людей из этого взвода направляют только по специальности. Надо думать, что и мне может найтись место киномеханика где-либо. Нет гарантии, что меня не переведут, в конце концов, в строевики (хозяйственники – нестроевики из-за специальности, а не из-за физических недостатков) и отправят с маршевой ротой на фронт. Там я пойду в минометчики.

Письмо это я отнесу на станцию – не буду доверяться больше местным начальникам. О приезде домой. Т.к. здесь происходят отправления каждый день, то уехать отсюда опасно, т.к. обязательно именно в это время я понадобится (как это обычно бывает). Но отправка обычно происходит по утрам, так что я все же не оставляю мысли об поездке к вам. Поеду после обеда. Буду к вечеру у вас и часам к 11-12 вернусь обратно. Но может случиться, что меня отправят отсюда раньше, чем я соберусь съездить. Есть у меня одна мысль, о которой писать не буду, поговорим о ней когда увидимся.

Вы, наверное, уже обеспокоены отсутствием писем от меня. Получив это письмо – успокойтесь. Напишите мне по адресу на конверте. Интересуюсь, как разрешается продовольственная проблема. Выходит ли что-нибудь с синтезом и суррогатами. Папа! Запасись все же соляной и серной кислотами, если можешь, думаю, что пригодится (хотя бы в размерах нужных для опытов)

До свидания, Валя. 8/V 42 г.

14 мая 1942 г.

«Здравствуйте. 14/V 42 г.

В телеграмме, которую вы отправили в Мытищи сделана ошибка: нужно было написать не рабочий бат., а 4-й бат. Вообще ошибка незначительная, т.к. ожидается, что раб. батальоном я назвал именно тот бат., в котором я находился. 13-го вечером меня взяли от старичков, которыми я командовал, и, получив ночью продовольствия на 5 суток, я отбыл на фронт. Когда приеду, конечно, неизвестно. Поехал вместе с хозяйственниками. Ходят слухи, что нас направляют на формирование новой дивизии (во что я мало верю). В этом случае, может быть, пойду киномехаником. Состав эшелона показывает, что едем на пополнение убыли в частях действующих на передовой. Встретил в этом эшелоне двух старых знакомых. Один из них был со мной в Бронницах (и был уже ранен, работал зенитчиком), с другим воевал в одном взводе в феврале (вычеркнуто цензурой. Ред.)

Витька, накачивай велосипед.

До свидания через месяц. Валя.»

16 мая 1942 г.

«Здравствуйте! /письмо четвертое/

Содержание предыдущего.

Приехал «покупатель» и забрал всех, кто ему попался под руку и имел возраст ниже 45 лет. Естественно, что меня взяли без особых разговоров. Дали под начало 20 чел. хоз. сброда. Ночь с 13 на 14 ушла на дележ пятисуточного запаса продуктов, раздаваемого на руки на дорогу (1кг концентратов – пшено; 2,5 больших селедки, 2,1 кг сухарей, сахар и махорку). Утром пошли до Мытищ пешком, где и сели в эшелон. Еду уже третьи сутки. Сейчас еду по киевской дороге. Только что проехали Малоярославец. Разрушений много. Весь город завален «трофеями» - разбитые машины всех систем. Много «трофеев» везут навстречу. С нами вместе (в вагонах подцепленных к нашему эшелону) едут будущие партизаны, - ребята, начиная с 15 лет, девушки и немного взрослых мужчин. Говорят, что их будут высаживать десантом в тех местах, где они жили до эвакуации (вблизи Витебска). Куда идет наш эшелон - пока окончательно не выяснилось. В Тихоновой Пустыни от дороги идущей через Сухиничи, отходит ветка на Калугу. Из Калуги можно ехать дальше на юг. Скорее всего, поедем на сухиническое направление. Немцев отогнали километров на 35 за Сухиничи. Там он окопался. Бьет по Сухиничам из дальнобойных. Очевидно, готовится новое наступление – встречные говорят, что перед нами прошло много эшелонов с танками (это верный признак наступления). Наш эшелон будет еще не раз формироваться. Будут опять «покупать», но не представители армии, а представители ряда меньших соединений. Вполне возможно, что буду воевать не у Сухиничей, а южнее – у Брянска. Люди, с которыми я еду, говорят, что этот фронт лучший из всех остальных (а эти люди - стреляные воробьи и тертые калачи). Финский – холодный, крымский – жаркий, южный – голые места, ленинградский – голодный да мокрый, северо-западный – бездорожный, смоленский - имеет крупные деревни, которые трудно брать. Брянский фронт не имеет перечисленных неудобств. Распутица, затруднявшая подвоз, прошла - воевать теперь одно удовольствие. Запася я плащ-палаткой – замечательным средством, предохраняющим от сырости. Теперь могу быть уверенным, что ревматизм уже не получу. Ботинки я сменял: вместо разных по номерам и по качеству (один 40, - другой 41; один на резине, - другой на коже) получил новые английские. Мне повезло – подошва не особенно толста, всего 1 см. Поэтому ботинки относительно легки, при большой прочности.

Поехали к Сухиничам.

16/V 42. Валя.»

17 мая 1942 г.

«Здравствуйте! 17/V 42 г. Вечер.

Уже определился. Отныне я опять минометчик, но минометы уже не батальонные, а полковые – 120 мм. Это маленькие пушки 250 кг весом, стреляющие на 6 км миной в 16 кг. Возится лошадью или перекачивается всем расчетом. Но ... пока эти минометы только еще обещают дать нам. Ехали сюда спокойно – бомбежек не было. Высадились в 40 км за Сухиничами. Нахожусь в 30-40 км от передовой. Весь эшелон, в котором я прибыл, влили в дивизию, отдыхающую и пополняющуюся после двухмесячных боев. Я попал в особый минометный дивизион этой дивизии. Стоим в деревне. Будем здесь еще некоторое время (до недели) и затем вновь дивизия (и я) пойдем в бой. На местном фронте крупных действий не происходит. Немцы стоят в обороне. Наши тоже иногда переходят в

наступление. Местность не имеет следов боя – немцы отступали вдоль магистралей и удрали отсюда, не повредив почти ничего.

Вновь я командир отделения в 6 человек. Одновременно – помощник командира взвода. Ребята в моем отделении и взводе попались молодые – с ними будет легче, чем с теми старичками, с которыми мне пришлось воевать в феврале. Места лесистые, но лес очень мокрый. Почва глинистая, вода не впитывается, и будет стоять, пока не высохнет. Сегодня только второй день хорошей погоды, а уже, говорят, стало значительно суше. Полковой миномет стоит еще дальше от передовой линии, чем батальонный, след. за меня можете не беспокоиться. Пока нет полковых минометов, этот дивизион был вооружен батальонными минометами. Адрес я свой посылаю. Пишите по нему – может, и получу что-нибудь.

Всего хорошего. Валя».

27 мая 1942 г.

«Здравствуйте! (Письмо пятое)

Нахожусь на фронте. Но не на передовой, а в ближнем тылу – во втором эшелоне (резерв на случай прорыва, фактически часть, находящаяся на отдыхе). Может быть, вы уже получили мое письмо из прифронтовой полосы - на всякий же случай повторяю его содержание. Приехал и высадился в 40 км северо-западнее Сухиничей. При распределении попал в отдельный мин. дивизион. Должны быть вооружены 120 мм минометами (250 кг весом, мина 16 кг, перевозится на автомашине). Это уже не стрелковое оружие, а артиллерия. Стреляет он до 6 км. За прошедшее время сменили место раз 6. Живем в лесу в шалашах. Были и хорошие дни, были и плохие (плохие с точки зрения сухости). Стоим сейчас в 10 км от передовой. На местном фронте затишье, обе стороны находятся в состоянии обороны. Иногда происходят мелкие атаки, но решительного наступления ни одна из сторон пока не предпринимала. Дивизия, в которой я нахожусь, находится на отдыхе с начала мая. Сейчас занимаемся учебой. Изучаем материальную часть пока 82 мм миномета и др. оружия. Полковых 120 мм минометов пока не получили. Ждем их со дня на день. Я - командир 1 отделения 1 взвода и одновременно – «помкомвзвод один». Люди в моем взводе – народ обстрелянный - некоторые уже 3-4 раза на фронте. Возраст, в среднем, около 30 лет. Почти все уже имеют специальность минометчиков, так что с ними мне будет легко в бою.

Места здесь довольно мокрые, т.к. почва глинистая, во время недавно кончившегося двухсуточного дождя не было места не превратившегося в болото. Шалашаши, в которых мы сейчас живем, покрыли соломой, взятой с крыш близлежащей разрушенной деревни, и окопали канавами, так что не особенно промокли. Я пишу об этом в общем (сам я совсем не промокал, т.к. имею плащ-палатку). Появилось огромное количество комаров, отравляющих жизнь в лесу в остальном хорошую. Кормят хорошо. Сначала получали питание сухим пайком: концентраты, консервы, мука (из нее пекли нам в деревне деревенские огромные пшеничные караваи) – сейчас получили кухню и начали получать пищу из общего котла.

Хотя и находимся в прифронтовой полосе, видим малое против прошлого лета количество немецких самолетов. Тем летом они бомбили и штурмовали все прифронтовые леса и деревни, не было частей, не подвергавшихся хотя бы раз в неделю налету самолетов. Сейчас обо всем этом нет и речи. Видим в день 3-7 одиночных самолетов, причем пробираются они теперь уже не на 150 м как раньше, а на высоте не меньше 1,5 км. Изменилось и количество наших самолетов: иной день их видишь даже больше чем немецких.

В ближайшем будущем изменений в моем положении не предвидится. Пока освоим новые для нас 120 мм минометы достаточно хорошо, пройдет немало времени. Вступив на

передовую в условиях стабилизировавшегося фронта (окопы находятся уже на расстоянии 50 м), я буду подвергаться очень малому риску быть пораженным немцами. Опасность накрытия нашего миномета почти сводится к нулю тем, что наш миномет будет кочующим (огонь будем вести с автомашины). Так я могу провоевать несколько лет, не получая новых ран.

Пишите мне по моему стабильному теперь адресу. Как там Юрка? Как ваши дела? Что слышно нового от наших родичей?

Витька! Собираю тебе коллекцию разных «сокровищ». Если приеду, так уж не с пустыми руками.

Всего хорошего.

Жду писем от вас. Валя. 27/V 42 г.»

6 июня 1942 г.

«Здравствуйте!

Опять произошли изменения в моей жизни: нашу батарею временно, до получения мат. части, перевели дальше в тыл и поставили на охрану штаба дивизии («на всякий пожарный случай» вроде десанта). Вооружили нас до зубов: дали автоматы, автоматические винтовки, пулеметы, противотанковые ружья и пр. Мой взвод преобразован во взвод гранатометчиков. На вооружении у нас ручные гранаты всех видов и ружейные гранаты. Живем в лесу около штаба дивизии. Построили себе шалаши. Это уже не первая наша стройка, и шалаши, поэтому, модернизированы и не текут, как было раньше. Наше содержание улучшилось, т.к. находимся теперь непосредственно у базы снабжения, затруднений с доставкой, которые были в дни стихийных бедствий, теперь совсем нет. Стихийными бедствиями в наших местах являются дожди. Глинистые дороги совершенно раскисают, низменности превращаются в озера и реки, а остальное – поля и леса – болото. Я писал, что наше снабжение было хорошее, сейчас же оно стала прямо великолепным. Здесь, вблизи от штаба имеем даже часть той культуры, которой на фронте так не хватает. Вечером и ночью можно часто слышать музыку, бывает кино. Между прочим, музыка тут разносится километра на 2 в самые неурочные часы. Так, когда пришли мы сюда, а пришли мы в 4 часа ночи, во всю мочь ревела радиолоа, от чего я окончательно расчувствовался. Т.к. находимся у штаба, нам «подвинтили гайки»: нет уже почти свободного времени, все время занятия и разные священнодействия вроде переключек, осмотров, неуклонного соблюдения (до 1 минуты) распорядка дня и пр. Дали нам летнюю форму. По ночам стало холоднее спать, но зато лучше в походах. Вчера ходили на учения, которые продолжались сутки. Два раза занимали оборону, 2 раза ходили в наступление. Исходили километров 20, сделали до полутысячи перебежек и переползаний, по грудь форсировали реку и т.д. Такое времяпрепровождение будет продолжаться, очевидно, еще долго, т.к. минометы, которые нам нужны, хотя и приходят постепенно, но поступают пока в другие соединения.

Интересно, получаете ли вы мои письма. На всякий случай пошлю вам и открытку.

Получил вчера письмо из Москвы. Димка мой товарищ нашелся. Лежит в госпитале недалеко от Балогое. Очевидно, он ранен более тяжело, чем был ранен я, т.к. он не был эвакуирован далеко в тыл. Письма товарищам писаны не его рукой. Очень рад, что слух о его смерти оказался неправильным.

Пишите мне. Жду с нетерпением вашего письма.

До свидания. Валя

6/VI 42 г.»

19 июня 1942 г.

«Здравствуйтесь! (письмо шестое)

Наконец-то начал получать письма от вас и от других моих товарищей. Должен вам сказать, что вы ответили мне позже, чем другие адресаты. Очевидно, говорит традиция несколько задерживаться с ответами, проявления которой я заметил во время пребывания дома. Получаю письма на удивление товарищам буквально каждый день, начиная с 7 мая, иногда даже сразу два. Мне завидуют, а я получаю от каждого письма большое удовольствие. Особенно радуют письма получаемые от вас. Огромное значение, оказывается, имеют мелочи, восстанавливающие в уме полную картину домашней жизни. Думаю, что если и я буду писать письма, включающие мелкие детали, то и вы сможете полностью представить себе мою жизнь здесь.

Сегодня я в наряде - разводящим и, имея уйму свободного времени, решил закатить вам письмо побольше.

Как вы уже наверно знаете, я нахожусь сейчас в истребительной роте при штабе дивизии в роли пом. командира противотанкового взвода и командира отделения гранатометчиков. С первого взгляда это покажется странной специальностью, но ничего угрожающего моей жизни в этом нет. Во-первых, немцы уже потеряли охоту высаживать десанты, во-вторых, если они и высадят его где-нибудь здесь в расположении дивизии, то мы прибудем на место уже к развязке, т.к. здесь все забито войсками – во всякой деревне, в каждой роще и лесу стоят части, находящиеся на отдыхе, и части резерва; в-третьих, десанты с танками высаживаются редко, и дело до гранат может дойти только в исключительном случае. Можно рассматривать, поэтому, такое положение как «теплое место», из которого нас скоро изыять пока не собираются. Не хочу предсказывать что-нибудь, т.к. не имею для этого никаких приводящих сведений, но ходят слухи, что получили мы минометы и, после некоторого периода учебы, пойдем на передовую еще не скоро. Все это благополучие, конечно, до поры до времени. Если на этом участке фронта начнутся крупные действия, то события пойдут не по «нормальному» пути и превращение в минометчики произойдет быстро. Ну, о положении хватит. О жизни:

Живем в лесу в шалашах. Периодически жалею, что родились на свет – это происходит во время больших дождей, которые бывают здесь раз в неделю. Приходится ходить в караул, причем дождь приходится почему-то именно тогда, когда приходит наша очередь идти в караул. Разводим в шалаше костер и все свободное время сушимся у него. Так проходит ночь – днем дождь идет с перерывами, и сушимся на улице. Вообще же, не считая этого, жизнь в шалаше даже приятна. Обычный день таков: поднимаемся в 6 ч., зарядка, умываемся у вырытого у шалаша колодца (мылом не снабжают), утренний осмотр (огорчение номер один), политинформация на какую-либо тему. Завтрак, и на занятия с 9 до 16 ч (строевой подготовки теперь уже нет, часто ходим на стрельбу и практические гранатометания). Водят на тактику: это самые надоедающие занятия. Содержание их: наступление перебежками, ползком и пр. Это уже всем надоело. Командиру взвода тоже. Больше время «маскируемся». Заходим в лес и сидим у костра. Разговоры на военные темы. Приходим на обед. После опять два часа занятий. Остальное время не регламентировано. Много времени уходит на чистку оружия. Чистка уже превратилась в культ. Скандал из-за малейшего пятнышка ржавчины. Перед сном переключка и в 10 укладываемся. Подобным образом проходит половина всех дней. Остальные дни заняты караулом, работой и учениями. Работаем на оборудовании штаба дивизии, на починке дорог. Когда еще не были в истребительной роте и были поближе к передовой, ходили копать окопы.

Что я здесь испытал впервые? Уже два раза ходил в деревенскую баню и парился веником. Недоумеваю, зачем же все-таки применяют веники. Никакого дополнительного эффекта не заметил. Страшная жара не дающая мыться больше 10 минут. Отмываешься

главным образом собственным потом. Пришлось испытать бритые головы тупой бритвой. Ощущения сильные. Двое суток после этого нельзя было дотронуться до головы. Пилотку приходилось осторожно снимать, отдирая ее по краям. Эту операцию приходилось повторять каждые полчаса, т.к. под действием собственного веса она осаживалась и, чтобы не дать ей опуститься без надежды снять, приходилось все время следить за ней. Испытал и прелести передовой: повели на тактику во время очередного дождя (шел до этого момента сутки и после этого тоже сутки). Четыре часа переползаний, перебежек, окапываний и пр. Получили представление об окопной жизни. Читал об этом у Барбюса. Действительность не уступает тому, что написано у него

Стояли мы дней 10 вдали от передовой (примерно 30 км). Позавчера перешли вместе со штабом дивизии поближе (примерно 6 км) к передовой. Идти было тяжело: тащили по 150 патронов, по 2 ручных и по 2 противотанковых гранаты. Кроме того, наш взвод пулеметчиков, будучи не в состоянии самим тащить все свои магазины, спихнул 9 штук нашему отделению. По дороге видели в некотором роде парад – обгоняя нас, двигалось несметное количество артиллерии, «Катюш», танков всех родов и пр. Последние километры шли под акомпанимент наших батарей, начавших «утреннюю зарядку» и под треск зенитных пулеметов. Здесь самолетов видно больше чем на старом месте. Через каждые полчаса объявляется воздушная тревога. Ниши истребители патрулируют непрерывно. Чуть только немецкий самолет приближается, начинают работать пулеметы. За вчерашний день сбито два бомбардировщика. Стрельба поднимается такая, что даже не слышно свиста бомб, при котором бросаемся в щели, вырытые в 2 метрах от шалашей. Щели эти все время заливаются водой. Приходится все время откачивать ее котелками. Вокруг стоят дальнобойные батареи. Вздрагивает воздух и слышен шум удаляющегося снаряда. Разрыв не слышен. Немцы по нам (по нашему лесу) не стреляют, но по городу, находящемуся в 5 км от нас, делают огневые налеты. Лес, в котором стоим мы сейчас, лиственный, с редко встречающимися елями. Больше всего берез, затем идут осина, дуб, липа. Лес веселый – не то что наши сосново-еловые леса.

Такой курорт как сейчас, может быть (по последним слухам), скоро кончится. Вполне возможно, что здесь захотят поставить «компресс» вроде харьковского. В этом случае на передовую мы не попадем, а так и будем, не получив обещанных минометов, на охране штаба дивизии. Народ у нас постепенно разбирают в штат обслуживания штаба. Может быть, и меня заберут куда-нибудь.

Сейчас тот казарменный, не фронтовой образ жизни, какой я описывал в начале письма, кончился. Нет уже занятий, мы теперь полностью стали «пожарниками»! Вот и сейчас, пишу письмо, нарушая все уставы на посту. Только мы легли спать, как раздалась команда: «Дивизион в ружье!!!». Вскочили, навьючились, навесили на пояс гирлянду гранат, набили карманы патронами и отправились. Вышли во чисто поле, сгрудились и нам шепотом объявили, что на нас возлагается ответственная задача по приемке одной из десантных армий, выходящей из рейда, продолжавшегося несколько месяцев (отдельные дивизии гуляли у немцев до 9 мес.). Рано утром показались передовые конники, потом густо пошла пехота. Вид у всех довольно экзотичный. Вооружение самое разнообразное: от немецких пулеметов, до наших противотанковых «макаронных трубок». Сейчас поток прекратился. Привезли обед и письма. Мне пришло сразу 3 (одно из них от Юрки). Все авторы их требуют немедленного ответа. Подхлестнутый этим, дописываю, наконец, и это письмо (писалось около недели).

Рейдовики говорят, что немец в тылу (своем) очень слаб, не имеет ни резервов, ни укрепленных линий. Даже сама линия фронта состоит из одних автоматчиков, сидящих в окопчиках, малого количества пулеметчиков и кукушек на деревьях. Уговаривают нас прорвать фронт и толкнуть немцев километров на 300.

Писать можно еще очень о многом (о сегодняшнем ночном обстреле, о впечатлениях жителей от немцев, о том, что сегодня я выпил уже 2 л молока (20 р. за 1 л и т.д.)), но не хватает бумаги и времени. Извините за задержку с письмом. Вы, наверное, основательно перебеспокоились за меня.

Пишите. Привет! 19/VI 42 г.»

***Из воспоминаний:** В 20-х числах июня получил открытку от Раи Салеховой, в которой она сообщала, что завербовалась в армию и едет в район Сухиничей, где тогда находился я. Оказывается, ее вызвали в комитет комсомола Госбанка, где она тогда работала, из-за того, что она не успела встать там на учет. Оттуда ее послали в ЦК Комсомола на Маросейку, а там сказали или клади просроченный комсомольский билет или искунай «вину» - иди в действующую армию. Она спросила: кто из присутствующих офицеров-«покупателей» из под Ржева, откуда получила последнее письмо от меня. Так она оказалась в армии, недалеко от меня.*

25 июня 1942 г. Рае Салеховой.

Приветствую!

Новость меня обрадовала мало.

Попроси брата прислать тебе мое письмо, которое я написал накануне получения твоей открытки. Напиши подробнее, что и как. В моем положении существенных изменений не произошло. Ругаю себя за то, что не послал тебе письмо ранее. Что ты наделала! Кажется, скоро пойдем в наступление.

Всего наилучшего. 25/VI 42 г.

2 июля 1942 г.

«Здравствуйте, родные! (Письмо седьмое)

Сегодня получил от вас второе письмо (от 24 VI). Получил одновременно письмо и от Димки из Свердловской обл. Оказывается, ранен он был также как и я, но в правое бедро. Его беда заключается в том, что он сумел подцепить столбняк и находился на краю могилы. Сейчас он выздоровел и, очевидно, опять отправился на фронт. О моих письмах к вам. Дней десять тому назад написал вам огромное письмо. Т.к. я там написал некоторые вещи, которые, быть может, не пропустит цензура, вы рискуете не получить его. На всякий случай начинаю сначала. Все это время мы находились в резерве во втором эшелоне. Воевали лишь ночами. За прошедшие полтора месяца все время ходили, причем все эти стратегические и тактические перемещения совершались в одном районе 30x20 км. Не стояли на одном месте больше недели. Наш минометный дивизион из-за отсутствия тех самых тяжелых минометов, о которых я вам уже писал, до получения их превращен временно в истребительную роту при штабе дивизии. Ваш сын в этой роте помощник ком. взвода истребителей танков. Назначение истреброты – борьба с авиадесантами, которые могут быть высажены в районе расположения дивизии. Наш взвод вооруженный всеми противотанковыми средствами (кроме пушек) борется с танкетками, иногда применяющимися немцами в своих десантах. Наша боевая работа ограничилась до сих пор лишь одной операцией, описанной в предыдущем письме, во время нашей стоянки недалеко от передовой. К этой операции подготовились так, что, я, видя огромные силы которые стягивались к одному месту, решил, что именно в этом месте – где фронт наиболее приближен к Москве (примерно 400 км) и начнутся какие-либо наступательные действия. Оказалось, что все эти приготовления были сделаны на случай каких-либо эксцессов со стороны противника во время прорыва его фронта со стороны тыла воздушно-десантного корпуса, возвращающегося на отдых из девятимесячной «прогулки»

по немецкому тылу. Рассказывали они нам удивительные вещи. Оказывается, в немецком тылу существуют советские районы размерами 180 x 120 км. Ходили они по тылам совершенно свободно. Немецкие гарнизоны в деревнях исчисляются 8-10 солдатами. Никаких резервных укрепленных линий в ближнем и дальнем тылу нет. Линия фронта - слаба и состоит преимущественно из автоматчиков. Авиадесантники - удивительный народ: отощавшие, измученные люди, не видавшие хлеба 15 дней, пробирались через 15 заслонов, выставлявшимися немцами на их пути, и вытащили на себе станковые пулеметы, противотанковые ружья и др. тяжелые вещи. Мы стояли вроде как в кордоне, собирающем выходящих и направляющем на сборный пункт. Стояли около 5 дней в прифронтовой деревне. Побывал под бомбежкой и артобстрелом, но, несмотря на это, жизнь там показалась курортом. Все время до этого мы стояли в лесах, в этой же деревне впервые дорвались до деревенского молока (20 р. за литр). Пропил рублей 150. После этой операции опять отправились на восток и около недели стояли километрах в 30 от передовой в армейском резерве. Все это время я временно был работником штаба дивизии – потребовалось срочно привести в порядок все дела и меня взяли в политотдел дивизии выписывать партийные членские и кандидатские документы. Отдыхал в это время душой и телом – душа наслаждалась обществом образованных людей, а для тела канцелярско-чертёжная работа после караулов и тяжелой работы на рубке леса для наката штабных блиндажей была отдыхом. Дело в том, что после караула в кордоне, который мы несли днем и ночью, причем спать приходилось 3-4 часа, нам пришлось участвовать в аврале по постройке командного пункта дивизии (собирались, кажется, вступать в бой). Я с группой людей заготовлял 30-40 см бревна для наката блиндажей двое суток с отдыхом 4 часа. Измотались «в дым». Ну, и после ночного марша в 30 км работа писаря показалась раем. Наша «истребительная» рота все время находилась в непосредственном соседстве от штаба дивизии. Сегодня мы в первый раз оторвались от него. Снова дивизия пошла к передовой. На этот раз, кажется, уже окончательно. Стрелковые полки идут в наступление – мы пока остаемся в тылу. Получение минометов форсируется в связи с этим. В близком будущем получаем 1/3 минометов и начинаем их осваивать. Через несколько недель получим остальные минометы и ... «с богом».

Известная вам Рая прислала мне письмо из армии. Пишет, что мобилизована 15 июня и отправилась на тот же фронт, что и я. Там, где мы стояли, действительно находился женский полк связи. Очевидно, она в нем. Подробности, в общем, мне не известны. У меня катастрофа – кончается бумага (осталось 6 листов). Хорошо если бы вы посылали письма с почти чистыми листами бумаги (так их не вынут, и я ими воспользуюсь). Пишите в том же духе, как и пишете. Хорошо бы и от мамы получить приписку, как она справляется со своим хозяйством. За меня, мама, не беспокойся! Получив письмо от вас, я успокоился немного, а то все переживал несправедливость того, что вы, может быть, голодаете, а я катаюсь как сыр в масле. Получаю норму, в которую входит кроме обеда и завтрака - сахар, селедка (тебе бы ее мама, а не мне) жирная до невозможности ободрать кожу без отходов, и даже консервы из крабов, которые я и в мирное время не ел, как роскошь. Табак я коплю на случай, если повторится уже известная вам возможность увидеть вас. Накопил мешочек и теперь меняю вновь получаемый табак у страстных курильщиков на консервы – за банку – полбанки махорки. Напишите мне, нашелся ли документ, который мы искали при моем отъезде. Чем кончилось дело, возбужденное в Мытищах. Я думаю прислать вам на всякий случай справку, что я нахожусь в воинской части. На днях отказался (с маленьким скандалом) от посылки на курсы лейтенантов. Дело в том, что есть сейчас приказ о том, что средний комсостав остается в армии до 45 лет. Это меня не устраивает. Если это и не так, то все равно я не согласен 3 месяца терпеть мучения, и иметь после этого возможность сомнительного удовольствия помыкать

людьми и сознательно слать их на смерть. Единственная выгода, которой покупают, это лучшее питание. Я не хочу покупаться за это. Лучше я останусь тем, что я есть».

22 июля 1942 г.

«Здравствуйте!

Вы думаете там – дома, что я, находясь у самой передовой, уже давно участвую в боях проводимых нашей дивизией (не помню, писал ли я о том, что со 2 июля наша дивизия пошла в наступление). Нам так и не дали обещанных автомашин для перевозки минометов (а вес их с колесным ходом и передком 1100 кг) и боеприпасов, а без них мы воевать не можем. Так, что в бою, на сей раз, мне побывать не пришлось. Наступление началось с артподготовки. Мы оказались в самой середине нескольких артполков ведущих огонь. Сутки продолжалась стрельба – примерно выстрел в секунду. К этому времени, как я вам, кажется, писал, мы уже получили минометы и от рассвета до заката занимались их освоением. Все время ждали, что нам дадут автомашины, и мы поедем пострелять. Наступление носило характер местной операции. Фронт передвинулся на два десятка километров на запад. Целью наступления было, очевидно, отодвинуть фронт от города Кирова – он отстоял от него на 3-4 км. Бой шел до 13 июля, после чего нас сняли с фронта (нашу дивизию) и погрузили в эшелон. По этому случаю из автобата нам дали машины, и я испытал, что такое наши прифронтовые дороги. Ехать пришлось по гатям - машина идет со скоростью 10 км/час и трясет ее и кидает так, как никогда в жизни мне испытать не пришлось. Везли нас чрезвычайно быстро (по ж.д.) и никаких задержек по пути не было. Приехали к Москве (по Киевской дор.) и я смог еще раз лицезреть Москву с Воробьевых гор. Вид замечательный и волнующий. Куда нас везли мы, конечно, не знали и только гадали: попадем ли мы к Воронежу или к Ржеву – места, где по нашему мнению требовались подкрепления. Повезли нас по окружной сначала на север, - «на Ржев». Но, ... перецепляют паровоз на хвост эшелона. Только мы успели подумать: «на Воронеж!», как эшелон свернул на Белорусско-Балтийскую дор., и мы развели руками. Ночью высадились в Можайске и отправились через город на север. В поезде меня немного развезло, очевидно с пересыпа, и я шел с трудом. К моему счастью переход оказался небольшим, и только я собрался «лечь и помереть» как голова колонны свернула в лес. Здесь мы и осели, ждем, наверное, остальные части дивизии. Занялись пока приведением себя в порядок – баня, стирка, чистка винтовок, патрон, гранат и пр. В стремлении очистится от грязи и от возможных вшей дошли до того, что весь состав батареи гулял целые сутки в одном нижнем белье, - другая пара белья, гимнастерка и брюки кипятились в котле. Представьте себе часовых стоящих на посту, - вид у них нормальный, но когда ветер отнесет полу шинели, видны ноги обтянутые голубыми или сиреневыми кальсонами.

Здесь у Вязьмы более заметны следы боев, чем у Сухиничей. К ж.д. станции натащена целая гора «трофеев» - разбитые автомашины, сгоревшие танки, орудия и пр. Заметны следы боев в самом Можайске – дома побиты пулями, взорваны чем-то некоторые дома. В окрестных деревнях жители основательно пограблены. Если у Сухиничей в деревнях еще осталось много скота, то здесь его нет вовсе, не говоря о, ставших символом отсутствия немцев, курах.

По пути, видел днем Наро-Фоминск. Город разбит очень основательно. 4-х - 5-ти этажные дома стоят пустые, без рам и дверей. Весь фасад почти полностью сорван, - по зданиям била артиллерия прямой наводкой и через каждые 4-5 окон огромные дыры. Фронт от того места, где я нахожусь, находится в ближайшем случае не менее чем за 40 км, так, что мы не слышим даже стрельбы и только по ночам на горизонте видны вспышки ракет. Авиация немцев нас не беспокоит. Наших самолетов здесь множество.

Между прочим, только здесь я увидел наших бомбардировщиков летающих днем; до этого днем я видел истребителей, а бомбардировщики наши пролетали только по ночам.

По вашему совету развиваю товарообменные операции. За две горсти табаку получаю коробку мясных консервов или гр. 100 сахара. Можно применять и более ростовщический прейскуртант, но - совестно.

От судьбы, как говорят, не уйдешь: отказался я от школы лейтенантов (о чем несколько не жалею), но мне предложили в форме приказа стать замполитом или помощником политрука. На этот раз может обойтись без столь ненавистной мне казарменной обстановки школы. Хотят просто присвоить мне звание. Дальше разговора на эту тему, однако, не пошло. Замполит это 4 тр-ка со звездой на рукаве, масса свободного времени и почти никаких определенных обязанностей, если не считать бесед, читок газет и брошюр и пр.

22/VII 42.»

2 августа 1942 г.

«Добрый день!

Положение, очевидно, стало таково, что требует концентрации сил то на одном, то на др. участке фронта. Из под Можайска нас опять перебросили в др. место – ко Ржеву. При переброске мы были прикреплены к АРТДОП'у (дивизионный обменный пункт: туда - гильзы, трофеи, испорченное оружие; получают - боеприпасы, оружие). Несколько суток провели в разгрузке на станции прибывших туда машин со снарядами и патронами. Дело в том, что мой взвод попал на работу и его не меняли, т.к. остальные тоже были заняты (на охране разных объектов). Таскать 152 мм «младенцев» по 60 кг – удовольствие оказывается ниже среднего. В перерыве между машинами копался среди «трофеев» - металлолома собранного в окрестности и приготовленного к отправке. Туда бы тебе, Витька! Я собрал там замечательную коллекцию пуль, среди которых были и разрывные, и дум-дум с алюминиевым кончиком и даже эрзац-пули из пластмассы с металлическим сердечником. Все эти сокровища я отдал в Москве ребятишкам. Видел башню с КВ, пробитую снарядом знаменитой немецкой пушки «Кавур», копался в кишках «юнkersов» и «хейнкелей». Лазил в немецкие танки и пр. и пр. Каждый день увозится несколько эшелонов, но привозится не меньше, и куча не уменьшается. Мы уезжали, а на станции выгружались в то же время эшелоны тяжелой арт., танков и др. Очень много (сотнями) прибывает на фронт американских машин (грузовики). Ближний тыл, но «фрицы» не летают, а наших истребителей как собак нерезаных. Погрузили в эшелон боеприпасы и отправились с ними на Москву. Проехали почти по центру, - мимо Белорусского вокзала, провезли к Савеловскому вокзалу и свернули на Ржевскую дорогу. Провезли под окнами квартиры Ганцевых. У Волоколамска видел трубу высотой примерно 60 м, пробитую в пяти местах насквозь снарядами и все же не свалившуюся. Выгрузка ДОПа произошла к нашему удовлетворению без нашего участия. На станции опять огромная куча «трофеев» размерами 300 x 50 м. Опять стоим в лесу – ждем остальных. Мимо нас по дороге идут потоки машин. Относительно много развелось сейчас танков КВ, их проходит не меньше чем легких и средних вместе взятых.

Не верится, глядя на войска набитые в прифронтовую полосу, что можно сдвинуть всю эту махину. Не понимаю, почему не производится попыток на центральных фронтах возместить потери на юге. Ржевское направление наиболее нелюбимо бойцами. С начала зимы Ржев почти полностью окружен и все время предпринимаются попытки перерезать единственную дорогу, соединяющую его со Смоленской группировкой. Недавно сообщалось о том, что это удалось сделать. Возможно, что мы приехали дебютировать в штурме Ржева. Буду ли я принимать участие в этом неизвестно. Остановка за

автомашинами. Сделали переход к передовой. Нахожусь где-то между (Вычеркнуто цензурой. Ред.). Собираемся вступить в бой. Все это дни были оторваны от п.п.с., так что я не отсылал этого письма, потому, что оно лежало бы в сумке почтальона. Недавно на этом участке фронта проводилось наступление, в результате которого наши войска продвинулись на 25 км вперед. Нам, очевидно, придется выравнять линию фронта, расширяя клин. Получили сегодня почту, в которой и пришли письма ко мне и комбату. Прошу вас успокоиться – со мной ничего страшного случиться не может, а если случится что-либо, об этом придет письмо от товарищей. Посылал я вам письмо, не знаю, какое уже по счету, из Можайска. Чтобы ликвидировать путаницу с нумерацией, вновь начинаю счет с этого письма, считая его «первым». Сейчас начинается для меня беспокойное время, времени для писем будет мало, но я буду стараться писать вам хоть раз в неделю. А в письмах ваших ко мне пишите не только о том, что беспокоитесь обо мне, но и о том, чем вы сейчас живете, какое положение Юрки. Напишите от меня ему следующее: он может быть спокоен за то, что пойдет по своей специальности, а не стрелковым командиром. Когда он попадет по разверстке комсостава в штаб армии, там регистрируют их с их же слов о своей специальности и переправляют по данным этой регистрации. Желаю вам всего наилучшего! Привет остальным (если вы им пишете).
Письмо «первое». 2 августа 1942 г.»

2 августа 1942 г.

«Уважаемый тов. Фоменко.

Ваш сын жив и здоров и находится в том же подразделении. Письма он вам пишет, но низнаю почему вы не получали. Благодарю вас за ваше обращение и за вашего сына.
2/8 42 Ефремкин.»

Начало августа 1942 г.

«Здравствуйте!

С 3-го августа нахожусь в бою. Начали наступлению юго-восточнее Ржева, км. на 40, прошли уже около 30 км. Сейчас нахожусь в г. Зубцово близ Ржева. Ржев взяли числа 5-го. Отрезали путь на Вязьму и теперь ему деться некуда. Наступление началось с мощной артподготовки в которой участвовали и Катюши и Андрюши (те же ракетные снаряды выпускаются не с машин, а с рам стоящих на земле, залп состоит из 200 выстрелов). Стояли мы среди батарей и грохот стоял страшный, тем более, что батареи стояли очень густо. В наступлении участвуют очень много танков. Почти все американские и английские. Больше половины всех машин Ford, Dodge и Shevrolet. После прорыва фронта наступление идет не останавливаясь. Очень много авиации, причем наших истребителей не меньше чем немецких истребителей и бомбардировщиков вместе взятых. Несмотря на это немецкие бомбардировщики бомбят довольно интенсивно. Ежедневно на наших глазах сбивается несколько «стервятников». Немцы танков в бою не применяли ни разу. Как это не удивительно (для некоторых), потери убитыми с нашей стороны в несколько раз меньше, чем со стороны немцев. Идем по пятам пехоты. Направление движения параллельно Волге – там еще немцы. Они бьют по нас артиллерией (главным образом по деревням, которые у них очень точно пристреляны). Уже три раза лежал под осколками. Из моего отделения 1 убит и два ранены. Несколько раз засыпало землей от разрывов снарядов. Были разрывы на расстоянии до 2 м от меня. Одним из таких «удачных» попаданий меня царапнуло по затылку (повезло, что осколок не взял на несколько см. ниже). После этого обзавелся каской. Повезло и в др. случае, когда разрывы шагали по направлению ко мне и, когда осталось до меня 20 м (а я лежал на ровной дороге), огонь прекратили. Теперь народ мы ученый и деревни обходим, а если

этого сделать нельзя, пробегаем их бегом. Наши огневые позиции расположены на таком расстоянии, что к нам залетают лишь шальные пули. Немецкие минометы до нас не достают (у них нет тяжелых минометов тах калибр у них 80 мм). Бегут немцы, что называется, «теряя штаны». Остается много трофеев. Остаются склады с боеприпасами, обмундированием. Деревни они, если у них хватает времени, поджигают. Жителей в бывшей прифронтовой полосе нет, - они были отведены в тыловые деревни. Народ здесь страшно одичал и подавлен. Голодали. Показывают хлеб из травы и семян трав, но не из ржи. Посевов почти нет (съели все то, что немцы оставили зимой, а оставили они очень мало). Немцы им рассказывали, что дошли почти до Горького, что Ленинград они не берут потому, что там чума и пр. Войну они обещали закончить в этом месяце.

Обзавелся немецким автоматом. Собираюсь полностью экипироваться в немецкое (ранец, сапоги, брюки с кожаным задом и пр.). Жизнь пока неплохая. С питанием великолепно. Выдают водку (по спец. приказу войскам, имеющим успех, выдается ежедневно по 200 гр. С2Н5ОН). От возлияний воздерживаюсь. К моему удивлению, мои познания в немецком оказались достаточными для того, чтобы читать газеты и журналы. Обо мне не беспокойтесь. Люди здесь погибают, почти всегда, от собственной глупости. Уже освоился и могу дать вам обещание соблюдать все меры предосторожности. Ну, всего хорошего. Пишите. Времени для писем вам очень мало, поэтому не обижайтесь на редкие письма. Коллекция трофеев Витьке обеспечена (конверт тоже трофей)».

8 (10?) августа 1942 г. Рае Салеховой.

«Добрый день любимая!

Понимаю твое беспокойство – я сейчас нахожусь на передовой, хотя ты об этом, очевидно, не знаешь. Наступаем. Начали наступление 3-го из р-на расположенного на юго-востоке от Ржева в 30-40 км. Прошли на запад уже километров 25-30. Взяли город (Вычеркнуто цензурой. Ред.), находящийся в 12 км от (Вычеркнуто цензурой. Ред.) и продвинулись дальше. Впечатлений и тем столько, что теряюсь, о чем же писать тебе. Опишу последовательно все то, что пришлось узнать за эти дни.

Оказалось, что я способен холоднокровно ходить по грязи глубиной выше чем по колено, держа при этом на спине 50 кг ящик с минами. Оказалось, что можно спать в 20 метрах от нескольких батарей, ведущих ураганный огонь. Видел мотодивизию, целиком оснащенную английскими и американскими танками и американскими автомашинами. Участвовал в переправе через реку (брод по грудь), когда приходилось толкать повозки с минометами и стаскивать с обрыва высотой 30 м и крутизной 45 градусов, причем все это происходило под угрозой бомбардировки пикировщиками, летающими вокруг (правда наших ястребков было много и они здорово гоняли их). Шли по деревням, сожженным и изщепаным в дымину, мимо трупов врагов «приятно пахнувших». Несколько раз попадали в передраги – шли мы параллельно Волге, по ту сторону немцы, как только вылезли на возвышенность – попадаешь под артобстрел. Стрелковые карточки (видел я их в покинутых блиндажах) составлены у них очень точно и подробно. Несколько раз засыпало землей от разрывов снарядов. Отделался царапиной на затылке – пошел помочь раненому из своего взвода и на перекрестке попал под артналет, залег на чистой дороге у камня, защищающего с одной стороны, разорвался снаряд в 3 м впереди и сбоку – сорвало пилотку и слегка поцарапало. Рядом ранило пятерых. Перевязав их, получил с них мзду – плащ-палатки, которые представляют здесь наибольшую ценность (кроме касок). После этого случая снял с убитого каску и, отмыв кровь, ношу ее теперь (старую я бросил, когда шатались по тылам). В других подобных этому случаях мне более везло, и я оставался невредимым. Из моего отделения двоих ранило и одного убило. Много вышло из строя лошадей. Сейчас несколько дней стоим на месте – кончились мины, а подвозить их

трудно. Наступающие части ушли вперед уже км. на 15. Батальон, который поддерживает наша батарея, переправился через Волгу и ведет там сейчас бой. Ржев взяли по устным известиям еще дней 5 тому назад. Группировка, которую мы сейчас ждем, отрезана и разбита на части примерно в то же время. Близится время, когда она будет окончательно истреблена. Сегодня сдалось в плен 500 человек арийцев. Живем хотя и в тылу (ближнем) но все время под страхом арналета. Стараемся далеко не отходить от «могилок» - одиночных или на двоих щелях, в которых мы спим – по форме вполне оправдывающих свое название. Странно взглянуть на нас со стороны – ходим озираясь, все время стараясь держаться близь естественных укрытий, при малейшем отделенном свисте все движение прекращается на несколько секунд, а затем или рывок в укрытие ил распластываешься на земле или с удовлетворением отмечаешь: «Не в нас!». Пока я писал тебе письмо, у нас ранило двоих бойцов и трех лошадей. Ты, очевидно, уже совсем запугана и мысленно хоронишь меня. Но дело в том, что почти все жертвы – результат собственной беспечности и неосторожности. Я пока не очень хочу умирать, а в некотором роде – наоборот, так что прилагаю все усилия, чтобы избежать смерти. Тут целиком оправдывается положение из стих. «Жди меня»: «Не понять не ждавшим им, как среди огня ожиданием своим ты спасла меня.». Когда я не знал, что я любим тобой [хотя бы отчасти (в то время)], я дошел до полного согласия с Лермонтовым в его пессимистических взглядах на жизнь человеческую вообще и на мою в частности. Моим девизом стало «И скучно и грустно...», которое почти полностью совпадало с моими настроениями. Может быть, ты не имеешь его сейчас под руками, на этот случай приведу его по памяти. «И грустно и скучно, и некому слово сказать (друзей у меня уже не было). В минуту душевной невзгоды (а это состояние было все время, особенно от VII 41 до VII 42). Желанья (я читал как - «мечтанья»)! Что пользы бесплодно и вечно желать (мечтать). А годы уходят, все лучшие годы (правильно – черт возьми!). Любить! Но кого же? На время – не стоит труда, (я старался убедить себя, что:) А вечно любить невозможно (моя любовь - временное явление которое пройдет при длительной разлуке). В себя ли посмотришь, - там прошлого нет и следа (то, что мне пришлось, испытать подавило прошлое своей чрезмерной остротой). Что чувства? Ведь рано иль поздно их сладкий недуг исчезнет при слове рассудка (а он работает у меня в этом направлении тоже). И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка» (С последним я согласился в результате тех размышлений, о которых я тебе писал, кажется, перед отъездом зимой на фронт.). Я тоже, как и ты, большой любитель поэзии и зачитывался своими любимыми поэтами, похищая книги во время своих скитаний осенью в Подмосковье. Два тома Маяковского и томик Лермонтова я бросил (после 40 км перехода, перед 60 км) при следовании к передовой в феврале. На курсах, обстановка которых влияла на меня очень тяжело, они спасли меня от самоубийства или чего-либо вроде хулиганства с целью вырваться оттуда. Сейчас я сам удивляюсь, но перед самым боем я нашел на дороге «Тараса Бульбу» и читал его во время вынужденного бездействия, когда мины не давали подняться. Ну, я совсем отвлекся! Начнешь писать и, как в разговоре с хорошим другом, начинаешь говорить о том, что обычно скрываешь от других, хотя это к делу не относится. Самое главное, о чем я должен сообщить (из достоверных источников): наша дивизия после успешного окончания этой операции (уничтожение Ржевской группировки) возвращается обратно к вам в ту же армию. Значит встретимся! Ведь я не менее тебя жду встречи.

Милая! Я немного боюсь, но, по правде сказать, ведь когда человека долго не видят любя, его идеализируют, и при свидании возникает иногда разочарование: идеал не сходится с оригиналом. Не смотря на все твои письма, с каждым из которых моя вера в то, что ты меня любишь - растет (ведь вначале мне даже не верилось и я считал, что твой

ответ продиктован жалостью или еще чем либо в этом роде), я опасюсь непрочности того, что сейчас, когда мы вдали друг от друга кажется вечным (как всегда бывает, впрочем, в этих случаях). Твои письма - праздник для меня. Читая их, удивляюсь твоей памяти, восстанавливающей то самое золотое прошлое, которое сейчас отходит так далеко и в то же время так близко в силу нашей любви. Хотел, было, накатать тебе такое же автобиографическое письмо, как и то, что я получил от тебя, но нет времени для этого. Это письмо писалось целый день. Что будет завтра – не знаю. Думаю вложить бумагу в записную книжку и вести нечто вроде дневника. Замечательно яркие впечатления не могут быть переданы, когда пройдет некоторое время. Желая всего наилучшего.

Робко целую! Валентин.

13 августа 1942 г.

«Здравствуй Юрка! 13/VIII – 42 г.

Наконец-то сегодня выдался денек богатый свободным временем. Ты не обижайся, что я не писал тебе, - дело в недостатке времени и бумаги.

Может быть тебе уже известно, что я уже не на Брянском направлении. Оттуда, сняв дивизию с успешного наступления, нас перебросили к Можайску. Пробыли там недолго. Через несколько дней опять погрузили и ныне я у Ржева. Как только прибыли к передовой юго-восточнее Ржева, приняли участие в наступлении. Прорвали на довольно большом участке фронт и со всех сторон идем к вышеназванному городу. Времени и бумаги много, так что распишу тебе все подробности. Первый порох понюхали еще км. за 5 до передовой – немцы стояли здесь на одном месте 7 мес., так что пристрелялись здесь по всем опушкам и дорогам. Стояли мы на опушке. Какой-то дурак-командир вывел роту автоматчиков на поле перед опушкой и проводил с ней занятия по тактике. Ну, по ним и дали десяток снарядов. Ночью двинулись к передовой. Дорога была ужасна. Вода (Неразборчиво. Ред.) ... пришлось на руках переносить на себе всю матчасть и мины, и перевозить повозки (лошади не могли их взять даже пустые). По колено в воде и выше щиколотки в густой вязкой грязи. Я с одним ящиком мин (50 кг) влип настолько, что не мог вытащить ни одну ногу. Пришлось сделать сверхчеловеческое усилие, чтобы вырваться. В ту ночь я понял, почему падают лошади, не поднимаясь, даже когда их бьют. Утром началась артподготовка (4-го). Мы остановились к рассвету в леске и накопили себе могилки (длина в рост, глубина полметра) и моментально уснули. Проснулся я лишь через полтора часа отчаянной стрельбы, когда пустил очередь «Андрей Иванович» (ракетные снаряды выпускаются с рам установленных на земле – очередь 200 шт.). Батареи стояли вокруг очень близко, одна из них стреляла через нас, стоя метрах в 50-ти. Вот пример приспособляемости человека. Вскоре пошли вперед. Черт знает сколько войск. Преимущественно автоматчики и минометчики (эти рода войск сейчас почти преобладают количественно над стрелками). Нет, очевидно, не везет мне: продолжаю письмо после небольшого перехода. И так все время. Не было случая, чтобы удалось написать письмо сразу, обычно что-нибудь заставляет писать его несколько дней. Рубеж, на котором укрепились немцы – река с крутым нашим берегом и более пологим их. Через реку переправлялись вброд по грудь в быстрой воде. Все взрыто. Воронки по 2-3 м глубиной густо усеяли местность. С нами по полю движется рассыпанная пехота, идут танки. Танков много, сотни, все английские и американские. Тяжелые танки довольно неуклюжи на вид: очень высоки с толстой пушкой (очевидно 75 мм), еще малокалиберной пушкой и штук 7 пулеметов. Вообще, все иностранные танки очень неизящны по сравнению с КВ и БТ. Почти все автомашины, встречавшиеся нам по пути, американские. Позднее стали встречаться в большом количестве трофейные – немецкие (у них больше проходимость, чем у американских, т.ч. произошел естественный отбор). Весь день

изредка останавливались из-за авиации противника (много летает пикирующих бомбардировщиков противника), хотя и наших истребителей было немало. Нам повезло – мы еще не попадали под удар пикировщиков. Первые дни наступления переживали как цирковое зрелище. На земле и воздухе не умолкают ни днем, ни ночью моторы. Вот и сейчас 9 юнкерсов ходят над нами каруселью, поочередно пикируя (градусов под 60) недалеко от нас, и выбрасывают по нескольку бомб сразу. Страдаем мы из-за другого. В моем взводе из 14 человек выбило 6 от немецких снарядов (в других взводах гораздо меньше). Как только при движении приходится проходить через деревню, на нас летят снаряды. Сам я отделался пилоткой, которую унесло осколком, попутно поцарапавшим голову, и вещмешком, причем пострадала и спина – осколок ricochetировал от противотанковой гранаты, лежащей в нем, и вышеназванная граната слегка стукнула по копчику так, что некоторое время я ходил, изогнувшись в виде знака вопроса.

***Из воспоминаний:** Я шел по дороге. Сзади раздался взрыв, и я мгновенно приземлился от сильного толчка в спину. Оказывается, осколок попал в гранату и застрял в тротиле, а удар был такой, что меня повалило как кеглю. Граната была без капсюля, поэтому не взорвалась. Все 14 человек рядом со мной оказались ранеными или убитыми. У лейтенанта, который был с нами, лопнули барабанные перепонки. Меня осколок чиркнул по затылку, содрал немного кожи с волосами.*

Мы гнались за уходящими вперед войсками несколько суток. Несколько раз готовились открыть стрельбу. Раз ночью, только мы разложились, вывесили фонарики на вехи и зажгли фонари на огневой позиции, как черт принес немца, который спустил серию бомб, накрывшей нас. Одна бомба легла метрах в 100 впереди, следующая на столько же сзади. Но никого не задело. Тебе наверно трудно представить те ощущения, когда лежишь и снаряды или бомбы шагают по тебе. В этот момент не страшно. Но желания после попасть в подобный переплет очень мало. Сейчас мы напоминаем отчасти зайцев – все время насторожены. При свисте снаряда (а если он идет прямо на тебя время для встречи его исчисляется долями секунды) шлепаешься на землю и ползешь в ближайшую ямку (если в момент разрыва – в радиусе 15 м – не успел лечь - то направляешься или в тыл или в могилевскую губу (последнее реже)). Догнав, наконец, противника, мы так разогнались, что подошли к нему на километра полтора. Постреляли довольно успешно (впервые из этих минометов). Разбили несколько батарей, колонну тягачей, поколотили пехоту и ... кончились мины. К этому времени у нас вышло из строя 1/3 лошадей, и уже несколько дней ждем, когда привезут нам мины. Бой ушел вперед км. на 15-20. Но т.к. наступали мы параллельно Волге (в нескольких км от нее), а за Волгой еще немцы, то от этого нам не легче. Дело дошло до анекдота. Работа повара считается самой безопасной («Воевать, так воевать – пишите поваром!»), но повара у нас ранило, все-таки, причем, район кухни считался после этого самым опасным: туда три раза были сделаны налеты беглым огнем. Питаемся мы сейчас очень хорошо. Только вначале попостились двое суток – ушли от обоза, и он метался где-то сзади, спасаясь от обстреливаемых деревень. Получали паек на руки целиком, и только два дня как нас догнала кухня. У всех скопился солидный запас продуктов. Убитые лошади не выбрасываются, а отдаются на растерзание. Варим и жарим с картошкой, накопанной в сожженных деревнях.

Это личные впечатления и переживания. Как идет наступление, о котором, между прочим, нет ни слова в газетах масштаба крупнее калининского фронта. Наступление идет на Ржев со всех сторон, главным образом южнее (где я). Ржевская группировка отрезана где-то южнее нас от Вязьмы, и немцам деться некуда. Несмотря на это они бегут, теряя штаны. Вначале очень быстро. Трофеи. Сейчас согнали они сюда много авиации. Там где мы нашей авиации больше, но на передовой они беспрерывно бомбят. Танки наши отстали немного, переправляясь через Волгу, так что двигаются сейчас наши

относительно медленно – км. 5 в день. Скоро подтянется опять тяжелая арт. и танки, и они снова побегут. Уже сейчас был случай, когда в плен взяли полтысячи арийцев. Большинство молодежь. За мной уже укрепилась слава «трофейщика». Встречаются пулеметы, с которыми я вожусь, орудия. Обзавелся немецким автоматом. В деревнях немцы жили давно, обжились изрядно. Стены залеплены открытками (большей частью порнографическими), много книг, журналов. Мои знания немецкого языка, к моему удивлению, оказались достаточными, чтобы немного разбираться в их печати. Много встречается их писем, но почерка настолько ужасны, что ни одной буквы разобрать не удастся. Интересное узнаем от немногих оставшихся жителей (угоняет с собой тех, кто не успевает спрятаться, увозил ранее в Германию). Народ одичал и забит. Встречают со слезами. Показывают ярлычки с номером, фамилией и местом жительства. Без них расстреливают – «партизан». Из деревни, к которой были закреплены, их не выпускали ни на шаг. Голодали. Показывают хлеб из трав и семян трав. Все отобрали у них и увезли. Засеянные поля запрещали убирать без разрешения. Хлеб нового урожая собирались увести в Германию, помолоть там («в России плохие мельницы») и выдавать после по 200 гр. в день на человека. Были случаи насилия. Били и пр. Ходят слухи, что Ржев уже взят, но политрук заявил, что это болтовня, которая расхолаживает. Письма к нам ходят исправно: из Москвы доходят дней за 5. Газеты более быстро. Тяжело читать сводки с юга, но растет надежда, видя слабость немцев здесь, что и там их пресекут. А наступление готовилось на Западном фронте не только здесь, но и в др. местах, что я успел заметить при переездах по нему.

О твоих перспективах. Не знаю, как будет поступлено с лейтенантами гвардии, но с обычными лейтенантами бывает так. После окончания посылаются они в резерв зап. фронта. Там их тысячи. Затем разверстывание по армиям. Когда они прибывают в штаб армии, то регистрируются там (с их устных показаний) по специальностям. Там ты можешь заявить, что ты связист – тебе ничего не будет, и звания лейтенанта ты не потеряешь. В документ там глядят очень мало. Затем, когда приходит заявка от дивизии, «от сих до сих», в этом списке, разбитых по специальностям берут и отсылают в штаб дивизии, а затем в часть. Недавно прибывшие к нам лейтенанты – минометчики говорят, что они могли пойти в любой род войск, препятствием к чему служили только их малые знания (часть из них вместо минометчиков пошла в тяжелую и т.п. артиллерию, хотя в этих специальностях мало общего). Ну, не падай духом, скоро конец твоим мучениям и если ты даже попадешь в пехоту, то даже это тебе покажется раем (по теории относительности!).

Желаю всего наилучшего! Привет дому нашему. Валентин».

18 августа 1942 г.

«Сии деньги у меня сейчас лишние. Получаю, но не расходую. Могут пропасть. Пока вышли из боя. Скоро опять не передовую. Ничего существенного в моей жизни за период с последнего письма не произошло.

18/VIII 42 г.»

20 августа 1942 г.

«Привет!

Интересно, дойдет ли до вас эта открытка немецкого происхождения. Если дойдет – пишите об этом, напишите по получении вами и Юркой моих предыдущих писем. Нахожусь все там же. Продолжаем наступление, которое в последнее время замедлилось. Враг окапался на выгодном для него рубеже – на берегу Волги и одного из ее притоков. Реки глубокие - форсировать без брода трудно. Части войск наших все же удалось

переправиться на др. берег, где они и ведут сейчас бои. Захватили в этом месте большой подземный склад горючего и немцы, не успев поджечь его при отступлении, сейчас усиленной бомбежкой пытаются уничтожить его. Но появилось много наших пикирующих бомбардировщиков и очень много штурмовиков, т.ч. в долгу не останемся. Нахожусь в полутора км. от города. Половина его в наших руках. Река отделяет др. половину. Бьем по ней. Получили, наконец, автомашины и еще минометов. Оказалось, что вытаскивать машину с минометом из грязи, глубиной почти по колено, не легче чем повозку. Т.к. позиция находится недалеко от ж.д., подвоз хороший – автомашины наши идут по полотну по шпалам, что относительно дороги идущей рядом - асфальт. Жизнь наша находится в большей безопасности, чем в более глубоком тылу. Сидим в окопах, да еще в глубоком извилистом овраге. Благодарю – почитываю книги и газеты. Единственное что плохо, мало приходится спать, но с этим приходится мириться. Появляются надежды, видя такое ослабление немцев, на скорую встречу. Рад, что у вас условия жизни улучшаются. Желаю всего наилучшего! До свидания!
20/VIII 42. Валентин».

Август 1942 г.

«Витька, поросенок, ты, что же это! В какой это книжке написано, что самый лучший способ достижения цели обман. Возьми «техминимум сумасшедшего» и посмотри, что там написано об истериках. Смотри не скатись на эту дорожку. Цени свободу, которой ты сейчас обладаешь, развивай себя и в себе лучшие чувства. В трудную минуту это, как я убедился на собственном опыте, почти единственное спасение. Я не считаю себя плохим человеком. Замени меня в семье, в случае если я не вернусь. Да, на случай смерти я написал вам письма-извещения, которые дал товарищам. До получения этих писем вас не должно беспокоить ни мое молчание, ни повестки, которые могут прийти по ошибке, как это бывало. Надеюсь, что они исполнят то, что они обещали. Когда я дописываю письмо, уже темнеет. Начинается ночной концерт! К моменту написания этих строк надо мной провизжали 7 снарядов, причем из них разорвалось лишь 2!!!

Сегодня стирал барахло, и в первый раз за лето искупался в реке. Сегодня день был необычайно летний. Или лето в этом году холодное или климат здесь такой, но за все время было только дней 4-5 летних, остальные осенние – сентябрь прямо. Ну, всего хорошего!

До встречи! Юрке напишите, что нет бумаги и поэтому письма к нему писать не хочется. Лучше вы передавайте ему мои приездах или в своих письмах излагайте содержание их».

28 августа 1942 г.

«Здравствуйте!

Почти месяц наступаем. Писал вам за это время несколько раз, признаться, сколько точно не помню. Скорее всего - 3. Две недели уже нахожусь на передовой. Стреляем. Когда выпустим за день штук 300, а когда 20-30. Принимали участие в артподготовках. За это время моим минометом уничтожено: 2 батареи 75 мм пушек, 2 минометные 80 мм батареи, наблюдательный пункт, 3 тягача, с полсотни автоматчиков (били их мелкими группами) и N-ое, точно неизвестное, количество пехоты. Греха на душу принял уже порядочно. В расчете моем попались крепкие ребята, и он считается лучшим в дивизионе. 4 человека из него, в том числе и меня, представили к какой-то награде (очевидно – значок, «отличный минометчик»). Живем здесь хорошо. Чувствуем себя свободнее, чем в тылу. Меня уже утвердили в дивизии замполитом, и сейчас я совмещаю эту должность со старыми должностями – ком. миномета и помкомвзвода. Несмотря на то, что трудности с

варкой - питаемся хорошо. Получаем на руки сухой поек с веса и т.к. кухня не прикладывает к нему своей лапы, то даже остается (и не доедается, а идет в запас). Мое меню на сегодня: котелок, набитый кашей – на завтрак, хлеб с маслом – на ленч, каша в таком же количестве и котелок картошки на обед (все эти дозы на троих). Пожалуй, это все, что касается лично меня. Да, сведения о здоровье. Повреждений не имею, исключая царапины на голове, о которой я вам уже писал (зажило), да глухоты от нескольких контузий, главным образом от стрельбы. Как это ни странно, когда мы были в ближнем тылу – были потери, а на передовой не тронуло ни одного, хотя ни на минуту не прекращается гул мессершмиттов и не прошло минуты в которую не разорвался бы снаряд в радиусе 700 м. На маскировку тратим много труда и времени, и ни разу нас еще не обнаружили. А в тылу? Недавно. В 7 км от передовой. Находились в лощине заросшей кустарником, близь железной дороги. 12 юнкерсов уронили на нас по полутонной бомбе, мечтая, очевидно, попасть в высокую 15 м насыпь ж.д. (Зачеркнуто цензурой. Ред.) вышло из строя 2 машины и 10 лошадей. Какой-то француз спас мне жизнь, приложив руку к бомбе, упавшей в 6 м от моей «могилки» и не разорвавшейся. Пленные немцы обо всех неразорвавшихся снарядах говорят: «Франс!».

Из воспоминаний: *Под Ржевом нас как-то отвели на отдых. У нас были автомашины ЗИС-5 (3 или 4), на них ящики с минами и они стояли в небольшом овражке рядом с железной дорогой (метрах в 100-150). А по ней ездил наш бронепоезд. Подходил поближе и стрелял по немцам. И вот они решили разбомбить место, где была высокая насыпь, чтобы труднее было восстановить. Мы никого не трогаем, отдыхаем и, вдруг, летит куча самолетов. Все кричат: «Воздух!», прячутся кто куда. А я перед этим нашел трофейный немецкий пулемет с зенитной треногой и отремонтировал. Наш лейтенант, командир взвода сел под этот пулемет и начал стрелять. Он был молодой, мало обстрелянный. Все остальные разбежались кто куда. Я тоже нырнул в свою ямку (она была без крыши). Лежу на спине, чтобы видеть. Вижу, они уже снесли «яички» и летят белые такие шарики (так, снизу видится) прямо на нас. Они промахнулись и попали не по насыпи, а прямо по нашей батарее. Бомбы были здоровые. Дыра в земле от неразорвавшейся бомбы была в полметра диаметром, а воронки, там, где они разорвались, - метров 12. Выворачивало комья глины величиной с грузовик. И вот одна из таких бомб упала в 6 м от моей «могилки» и не разорвалась. Лейтенанту – бедняге стабилизатором бомбы снесло всю заднюю часть. Он потом умер от потери крови. От тех, кто оказался в воронках вообще ничего не нашли. От одного из них (помню, был такой сержант Ключников) остался только кусок фотографии из комсомольского билета. У нас там стояли оружейные пирамиды, так их избило так. Что мы остались без автоматов и т.п. Машины лежали вверх колесами. Прямых попаданий не было, но взрывной волной их опрокинуло.*

Теряюсь: о чем писать. Впечатлений столько, что тянет написать целый очерк, в стиле Барбюса. Сдерживают три фактора: бумага, карандаш, цензура. В данный момент над нами два десятка Ю-88. Пикируют они над нами, но бомбы ложатся в стороне - метров 200. Земля подпрыгивает, сыпется грязь, дым. От нечего делать постреливаю в них. Почему-то не падают, но из пулеметов тоже постреливают (очевидно, из уважения к моим пулям). В общем, состязание Моськи со слоном. Писал я вам о том, что (Вычеркнуто цензурой. Ред.) по слухам уже взят и, что (Вычеркнуто цензурой. Ред.) группировка отрезана. Оказывается: занята только северная часть (Вычеркнуто цензурой. Ред.) и ж.д., ведущая на Вязьму хотя и перерезалась, но сейчас снова в его руках. Я от (Вычеркнуто цензурой. Ред.) в 12 км с юго-востока. Бьют здесь его энергично. Вблизи стоит несколько дивизионов Андрюш и два десятка Катюш, их-то, кажется, и прилетели бомбить «пираты» (так здесь наз. пикирующих бомб). Еще одно фронтовое словечко – «короли воздуха» -

самолеты У-2 летающие по ночам (всю ночь беспрерывно тархтят). Спускают разную дрянь: 50 и 82 мм мины, противотанковые гранаты и пр. Вчера справа от нас наступали. Артподготовку делали Андрюши да Катюши. Эффектное зрелище: из тучи белого дыма вырываются искры, переходящие в черные нити. Тучей летят (их хорошо видно) головастые снаряды Андрюши и исчезают в дыме, заволакивающим горизонт. Эти орудия расплавляются за бомбы, сбрасываемые, переброшенными сюда для подкрепления с северного фронта, юнкерсами. Прибыли только что и вытягиваются гуськом одномоторные пикировщики – «с гармонью» - воюющие при пикировании. Пока писал фразу, сбросили по бомбе и отправились обратно. Интересно то, что немцы при отступлении своем не оставляют целой ни одной деревни. В редких деревнях можно увидеть хотя бы один целый дом. Если им не удастся (а это бывает в большинстве случаев) сжечь деревню при отходе из нее, то она поджигается зажигательными снарядами и бомбами. Не представляю себе, что же будет с (Вычеркнуто цензурой. Ред.). Можно, правда надеяться, что пока мы подойдем к нему, не останется достаточного количества «фрицев», чтобы поджечь его – после таких артподготовок, какие проводятся сейчас, в живых остаются только самые длинноногие немцы (говорят пехотинцы, что там, где станцевали Катюша с Андрюшей остаются только трупы). Личное: напишите, получили ли вы перевод, который я вам посылал (на 300 лишних здесь р.). Пишите подробнее об обстановке у вас, какие перспективы на запасы к зиме, как сейчас поживаете, как живет Москва и народ в ней. Витька осмотри конверт – пригодится тебе, наверное.

Всего наилучшего! 28/VIII 42 г.

P.S. Есть ли у Тамары место на меня? Кажется, в конце концов, оно понадобится.»

Первые числа сентября 1942 г.

«Добрый день дорогая Раечка!

Заждалась ты, наверное, обещанного подробного письма. Дело в том, что попал я из огня да в полымя. Писал я, что предвидится свободное время. Но, увы! Послали нас на артдоп нести его охрану. Я думал, что времени на писание писем будет достаточно. Оказалось, что кроме охраны мы и грузчики, и рабочие на допе. Приходится по ночам не спать (через сутки), и, кроме того, в день нагружать и выгружать (вшестером) не менее десятка автомашин снарядов, причем погрузка производится в самых неудобных условиях: ночью или под дождем, и, во всяком случае, по колено в грязи или H₂O. Остальное свободное от погрузок время чистим оружие. Сейчас я попросту «замаскировался», увильнув от чистки трех десятков противотанковых ружей. Но хныкать не стоит! Расскажу, что пришлось мне испытать с 8 августа, т.к. из письма из дома я узнал, что ты не получаешь от меня писем с 8 августа. Это для меня довольно сильный удар. Ведь я писал тебе после этого несколько раз. Очевидно, из-за своей подробности эти письма не дошли. Большой перерыв между моими письмами был с 28 августа по 15 сентября. Причины этому изложены в предыдущем письме. Нет... Не могу писать о том, что было так давно. Эти два месяца прошли для меня как два года. Может быть, я уже жаловался тебе на свою впечатлительность. Получается так, что последние события своей яркостью затмевают то, что было не особенно давно, и то, что произошло около месяца тому назад, кажется происшедшим года два назад. Это относится только к впечатлениям от войны. Предвоенные события кажутся близкими и не смываются в памяти ничем. Коротко говоря (эти почти два месяца), я воевал. Об успешности своей боевой работы я писал, но, т.к. то письмо до тебя не дошло, то могу коротко сообщить итоги. Убито моим минометом за 32 дня пребывания на передовой около 200 немцев. Участвовал во взятии городов: Погорелое Городище и Зубцов, и в неоднократных, но безуспешных атаках на

ж.д. Ржев-Вязьма с целью отрезать всю Ржевскую группировку противника. Разбиты прямым попаданием: 1 наблюдательный пункт, 3 арт. батареи, 3 минометных, 4 тягача, 5 пулеметных точек. Участвовал в 6 артподготовках, находясь 4 суток на наблюдательном пункте в 100-200 м. от немецких окопов. Засек (и была впоследствии уничтожена) 1 арт. батарею, которая стреляла в это время по мне, и одну минометную батарею (тоже уничтоженную нами). За это же время раз 10 попадал в зону беглого огня, налеты, которые «ни с того ни с сего» очень любят делать немцы (в зону попасть это значит, что снаряды рвались вокруг в радиусе 1,5-10 м). Раз 5 побывал под минометным обстрелом, раз 10 под бомбежкой. Все эти сведения не включают того, что было, пока я сидел на Н.П., т.к. находился под огнем и немецким и своим почти все время. Во всех случаях мне «везло». Несмотря на то, что были такие случаи, когда снаряд разорвался в 2-х метрах от меня, лежащего на ровном месте; когда мина разорвалась на земле, выброшенной из окопчика в котором я лежал; когда фугаска весом в 1 т. упала в 5 м. от меня (разорвись она, я оказался бы в числе предметов, выброшенных взрывом из воронки), я остался жив и невредим. В общем, «прошел огонь, воду и медные трубы» и сейчас я кандидат в чл. ВКП(б) с 6 сентября и были попытки представить меня к награде (но, несмотря на то, что об этом было объявлено, я как-то «выпал» из списка и на моем месте оказался один лейтенант). Ныне я нахожусь на «отдыхе». Кавычки к отдыху приделаны потому, что это не отдых, а самая настоящая каторга. Все попавшие на «отдых» в один голос заявляют: «хоть бы скорее на передовую» Да! Забыл сообщить еще один «итог». В моем взводе из 14 человек осталось четверо (1 убит, остальные поехали отдыхать в госпитали). Надеюсь тоже как-нибудь присоединиться к ним. Зима пугает.

Пусть тебя не расстраивает подобный пессимизм. Он результат «отдыха», но, никак не боевой деятельности. Любимая, ты пишешь, чтобы я не стеснялся сообщать тебе о своих физических и моральных недостатках – результатах войны. В этом отношении каяться могу лишь в том, что приобрел ревматизм в раненой ноге, N-е количество седины и становлюсь Обломовым: не умывался с неделю, с неделю не могу собраться пришить пару пуговиц и нашивку «за ранение», несмотря на столкновения на этой почве со своим начальством и т.п. Иной раз находит (очевидно, на почве переутомления) такая апатия, что для того чтобы сделать что-нибудь, а не сидеть, глядя в одну точку, приходится делать огромное усилие.

Как хорошо, что ты меня любишь и как, в то же время, больно от того, что я знаю об этом, и сознавать, что узнал слишком поздно. Иногда я почти бываю уверен, что свидеться нам удастся лишь через несколько лет или вообще такой возможности не будет. 10 в n степенной > ОО чертей, но... Лучше бы мне и не знать о возможности счастья. Единственное, что утешает, так это довод: мы молоды и сильны.

Перечитывая твои письма, наткнулся на то место, где говорится, что во всем виновата лишь ты. Неправда. То, что я давал повод думать, что я люблю Т., скрывая свои действительные чувства, – моя «личная заслуга», а причина этого всего - моя проклятая «застенчивость». Ведь сколько раз в Бердянске, да и до того в и-те, во время той прощальной вечеринки, когда вы провожали нас, во время твоих посещений Монино, я «чуть не решился» сказать. Сколько раз, разговаривая с тобой, я думал: А что если отбросить в сторону все это благородство «уступания дороги товарищу» и честно не попытаться добиться того, чтобы меня полюбили.

Ты, наверное, помнишь наш разговор на рассвете в 1-м общежитии? Меня, убежденного в том, что уже нечего терять (мы ведь не увидимся), если я уеду на войну (в Бр.), удержало от прямого объяснения лишь то, что я получил подтверждение того, что Ж. имел какие-то права на тебя, в чем я «убедился», нечаянно заметив во тьме ночной, как он полуобнял тебя. А когда мы разговаривали об искренности и недоговоренностях у себя

дома ... слова о моей любви рвались из меня, и помнишь последовавшую утром прогулку с вело в лес. Не знаю, нормально ли я себя вел во время нее, с трудом удерживаясь, чтобы не взять тебя за руку и сказать: «А знаешь ли, как я люблю тебя?». Но, прошедшего не вернешь. «А счастье было так возможно, так близко...». Теперь остались только воспоминания. Золотые дни жизни навеки запечатлелись в памяти и «спасибо сердце, что ты умело так любить». Воспоминания о том, что я чувствовал, видя тебя, хотя и мучительно, но доставляют радость.

Как я сдерживал себя в Бердянске, когда приходилось отходить от тебя, чтобы, не имея возможности самому быть счастливым, доставить радость Люсе! А знаешь, вернись опять старое без изменений, мне так и было бы жаль ее (не хочу сказать, конечно, что я вел бы себя так же). Собираюсь написать ей письмо, в котором просто извиниться за то, что, может быть, я плохо и нетактично вел себя и попросить ее забыть меня и считать «пропавшим без вести» (для нее).

Темнеет. Сажу у огонька на котором варится ужин. Меня уже отругали за невычищенные П.Т.Р. Скоро, может быть, спать, а завтра опять то же самое, что и сегодня, или что-нибудь, резко меняющее дальнейшую судьбу (что случается очень часто). Подобные броски мне даже несколько нравятся, но... перспективы к возвращению к старому, к тебе, к дому, к занятиям, к культуре ограничиваются только возможностью временного отдыха в госпитале. Когда писал последнюю фразу, один из бросков судьбы произошел. Было объявлено, что надо немедленно стащить за километр по затопленному лесу с сотню пулеметов. Пришлось...

Вчера, наконец, узнал, кто такой этот таинственный Греков. Нач. допа вызвал меня и стал пытаться, есть ли у меня знакомые в штабе N Армии. Он передал мне о том, что «просят писать». Таким образом, твоими стараниями довольно большое количество людей осведомлены о нашей любви.»

7 сентября 1942 г.

«Здравствуй!»

Вот уже 2 дня на отдыхе. Ушли с передовой не 30, а третьего. После написания предыдущего письма прошло около недели. Из этого письма вы, очевидно, сделали заключение, что в конце-концов все эти юнкерсы сживут меня со свету. Но, как только письмо было отослано, они оставили нас в покое. Начался штурм Ржева и вся их авиация (почти) была занята там. Кроме того, занимались они и истреблением «Катюш» и «Андрюш», но, очевидно, демонстративно, как только отбомбившиеся самолеты улетали, на том месте, где только что рвались бомбы, поднималось вновь облако дыма – залп вашей продукцией. Ввиду того, что мы, кажется, были обнаружены, или было обнаружено что-то рядом с нами, и начались налеты артогня, переселились вскоре на новую позицию. Там было скучнее. Огонь велся только ночью (без корректировки, по карте), а днем валялись на нарах. В конце-концов нас оттуда прогнали, т.к. встали мы около командного пункта полка, на котором боялись, что мы навлечем на это место различные неприятности. Место было, правда, не особенно хорошее, т.к. стояли на вершине высотки во ржи и при стрельбе ночью место батареи выдавалось вспышками, хорошо видными немцами. Да, чтобы вас не особенно волновать я не писал вам о еще одной опасности, которой мы подвергались, пожалуй, наибольшей из всех, которые грозили вывести нас из строя. Это шальные пули. На всех позициях нам приходилось стоять, почему-то (это не соответствует требованию устава), на расстоянии не больше двух км. от немецких окопов. Как известно пули летят до 5 км (при угле вылета 43 град.), но при обычной стрельбе они зарываются в землю, пролетев около 2-х км., т. что все время приходится ждать, что прилетит «моя» пуля. После того, как ночью после стрельбы

по нам открыли огонь так, что снаряды легли на ком. пункте полка, мы перешли на новую позицию, находящуюся впереди (!) батальонных минометов. Там пробыли сутки, не сделав ни одного выстрела. Ночью нас сменили и сейчас я в 5 км от передовой в уютном глубоком овраге. Здесь тихо и спокойно. За все время пребывания на передовой батарея наша потеряла одного связиста (несшего обед на наблюдательный пункт) в то время как, когда шатались по тылам, в моем взводе из 14 чел. осталось шесть (мой взвод имеет, правда, рекордную цифру потерь). Опасаясь цензуры, которая может выкинуть все письмо, некоторые интересные вещи напишу на отдельном листочке (напишите, дойдет ли оно до вас). Сейчас мы кончили чистку мат. части, оружия, лопат и пр. и наконец отдыхаем. Расположены у реки (Вазузы) и, т.к. погода все время замечательная, несмотря на прохладные уже ночи, купаемся с удовольствием. Обещают сегодня – завтра свести в баню (в которой не были мы уже около двух мес.). О результатах вы догадаетесь из просьбы прислать в конверте, который вы мне посылаете пустым (я их все исправно получаю), немного пиретрума. О судьбе моих вещей, которой вы интересуетесь. Вещмешок я не потерял (осколком оторвало лямку и вытащив его из «переплета» на руках, вещи я переложил в «трофейный», иначе говоря, найденный вещмешок. Лезвия у меня кончились, но достал немецких золингеневских лезвий; бритва потеряна, но найдена другая; носовые платки истрачены на перевязки раненых товарищей, но великолепно обхожусь без них; бинокль – моя гордость и предмет зависти окружающих - служит исправно; часы сделали меня известным каждому в дивизионе – они почти единственные в части, и все бегает ко мне узнавать время; белье загрязнено и, несмотря на мои протесты, заменено чистым. Остальные мелочи разошлись почти все. Посылку ко мне можно сделать, но в ней прошу не посылать ничего излишнего и тем более продуктов, в которых я здесь нуждаюсь куда меньше чем вы. Посылки приходили некоторым из бойцов (недавно) следующим порядком: посылка собирается дома, запечатывается и несется на место бывшей службы этого бойца. Там на ней пишется: «От колхоза такого-то (цеха, фабрики или чего-либо др.) подарок бойцу такому-то, далее следует адрес. Это документально оформляется справкой, представляемой на почту. Какие вещи мне потребуются. Положите в посылку прошлозимние носки и перчатки (армейские и мамины шерстяные). Не помню, оставлял ли я дома вязанную армейскую нижнюю рубашку, если она дома, то положите. Это все пригодится к зиме. Больше мне, как я ни напрягаю голову, не удастся придумать. Сейчас я ни в чем не нуждаюсь, а в сентябре уже начнется переобмундирование нас на зимнюю форму одежды. Да и то, что я вам написал, может оказаться излишним: перчатки я могу достать трофейные, свитер тоже, а носки все равно не полезут в мои ботинки (ботинки, правда, тоже довольно легко сменить на передовой). Так, что и не стоит возиться с посылкой.

17 сентября минет год моему пребыванию на войне. Несмотря на то, что «на войне гибнут миллионы», как пишет папа, факт налицо – я жив и здоров. Моя нога, которая так беспокоит маму, почти совсем зажила. Вначале на больших переходах она болела (но почему-то в ступне), теперь же, если не считать шрама и оставшейся до сих пор в небольшой степени бесчувственности некоторых участков кожи, ранение прошло бесследно, так что я даже мечтаю о такой же возможности увидеть вас вновь. Мама, как сообщает Юрка, коллекционирует мои письма, я же собираю ваши. Довольно часто, в минуты, когда «и скучно и грустно, и некому слова сказать...», вынимаю их и перечитываю. Дом опять встает передо мной во всех деталях. Сердце болит у вас за меня, я же взаимно беспокоюсь о всех вас. Ведь трудноато приходится вам в борьбе за продукты, за возможность жить. Мама наверно стала совсем беленькой оттого, что все труды, вложенные в огород, пропали и пропадают, наверно, и сейчас даром. У папы, наверно, опускаются руки в сознании того, сколько нужно запасти на зиму и весну.

Тамара, небось, все так же носит свои обеды домой, и Витька теперь ходит в «кормильцах», работая в колхозе. С каким удовольствием уступил бы я половину своего «рациона», чтобы он попал к вам. Ну, ничего, переживем и это, неправда ли? Возможности скорого окончания этой петрушки, как мне кажется, имеются. Может быть этот оптимизм рожден тем, что во все мое пребывание на фронте я ни разу не попадал еще в отступление, а только наступал. Мои наблюдения дают почву для мыслей о том, что страна наша делает чудеса, что, несмотря на все тяжести и неустройства, которые переносит тыл, он дает замечательное количество вооружения. Армия наша вооружена, пожалуй, не меньше чем немецкая. Количество минометов и артиллерии огромно. Заметны действия наших танкистов и авиации. Сегодня, например, над нами пролетело не менее двух десятков пикирующих бомбардировщиков. Немецкие самолеты видно только на передовой, как только они суются глубже, подспевают патрульные ястребки, и они поворачивают назад. Наша артиллерия действует замечательно. Удивительны те количества снарядов, которые она выпускает. Весь прифронтный район битком набит резервными войсками, в каждом кусту – батарея, в каждой ложине, во ржи – минометы. Немцы, правда, упираются, но один из пленных на вопрос: «Почему вы не отступаете?» ответил вопросом: «А почему вы не наступаете?». То, что наступило время решающих боев, показывает тот факт, что прибыли резервные кадровые дивизии (в бой они пока не вступают). В предыдущем письме я написал о результатах огня моего миномета. Ничего нового сообщить не могу, т.к. огонь после мы вели без корректировки (из-за невозможности видеть разрывы за гребнем) и его результаты неизвестны. Известно только следующее. Раз, ночью сделали очень большой поворот миномета. Пришлось переставлять вежу и делать довольно сложные вычисления, в которых я ошибся. В результате вместо ложины, по которой хотели ударить для морального воздействия, мы засадили 6 мин беглым огнем по опушке леса. Там оказалась батарея, вылезшая бить прямой наводкой. На др. день пехота сообщила, заняв это место, что мы разбили одно орудие и попали в штабель снарядов, взорвавшихся от этого. За удачную ошибку меня не наказали. Больше ничего существенного не было. Посылаю вам на память, в порядке хвастовства, заметку о себе в газете нашей дивизии. Сегодня мне официально предложили вступить в партию. Подаю заявление. Пусть папа напишет свое мнение по этому вопросу. (Зачеркнуто цензурой. Ред.), как нам, объявили занят. Вернее занята большая половина его, находящаяся на северном берегу Волги. Взят и аэродром близ него. Т.к. дивизия наша за два месяца наступления поиздержалась в части стрелков (в ротах осталось по несколько десятков бойцов), она не смогла удачно вести наступление на ответственном участке – в вершине клина, подходящего к ж.д. Ржев – Вязьма, с целью расширить его. Взято «всего» две деревни. Всего я пишу в кавычках потому, что в них взято много трофеев, и сопротивление было отчаянное. Дивизия, по существу, держится на своей технике – артиллерии, минометах. В результате произошедшего перевооружения пехота на 80% вооружена автоматами.

Я писал вам, что на передовой питаемся мы великолепно. Великолепие создано тем, что ежедневно вблизи убивается несколько лошадей, т.ч. мяса у нас много. Кроме того, в сожженных дотла деревнях роется картошка и свекла. Паек, таким образом, почти весь остается. Наша последняя позиция была близь места, где сдаются из рот сводки за день о потерях. В обычный день (беру как пример) в одном из батальонов было ранено 50 и убито 5 человек.

Всего наилучшего!

Жду писем от вас.

Привет Юрке.

Дошли ли Витьке две немецкие марки под русской? Напишите».

25 сентября 1942 г.

«Здравствуйте! 25/IX 42 г.

Нахожусь в месте отдаленном от передовой на 15-20 км. Последнее мое письмо было датировано, кажется, 8 сент. Я писал, что ушли с передовой на отдых. Но, как это случается очень часто, как только письмо было отправлено, обстановка резко изменилась. Галопом сбегали в баню, поспешно помылись и отправились вновь на передовую. Дело в том, что батареи нашего дивизиона находились на передовой по очереди. Когда пришла очередь нам идти на отдых оказалось, что для проведения очередной артподготовки нужны были силы всего дивизиона. Провели артподготовку. Безрезультатно. Наступали на дер. неподалеку от ж. д. Оказалось, что немцы успели зарыться здесь в землю на глубину не меньше 1,5 м, забетонировались и наша артподготовка оказалась недействительной. Начались ответные удары авиации. За несколько дней я наглядился на действия нашей авиации. Пикирующие бомбардировщики ПЕ-2 и штурмовики ИЛ-2 довольно часто появлялись над полосой занятой противником. Сначала на горизонте (Вычеркнуто цензурой, Ред.) появлялись черные дымки разрывов немецких зениток: видно с десятков пик. бом. за которыми поднимаются к небу тучи дыма и земли (бомбили они, почему-то, не пикируя). Дойдя вдоль фронта до нас, они сворачивают и на всем газу удирают от наседавших на них мессершмиттов, низко – метров на 200-300 проходят над нами, отстреливаясь из пушек. Мессера гонятся за ними, за ними тянется дымок выстрелов из пулеметов, вперед идут нити непрерывных трассирующих очередей. Бомбардировщики мигают выстрелами из нижней орудийной башни. Подойдя почти в упор, мессершмитт отваливает вверх. Почти каждый день бой кончается на наших глазах тем, что с той или другой стороны сбивается хотя бы один самолет. В конце-концов, наши зенитки берут прицел прямой наводкой в последний наш самолет (ходят они тесным строем, отбившийся почти всегда сбивается) и перед мессершмиттами встает стена разрывов. Во время погони все мы в азарте вылазим из щелей, в которых проводим 80% времени, и из винтовок стреляем по самолетам врага. Как только начинается заград. огонь зениток, поспешно залазим обратно в щели, т.к. разрывы зениток, хотя и своих, опасней, чем стрельба по нам шрапнелью. Подобная картина бывает и в случае штурмового налета наших штурмовиков, только действия разыгрываются совсем низко – метров на 50. В день сбивалось на наших глазах штук 5 с каждой стороны: летчики гибли все, не успевая выпрыгнуть. Интересно, что бывали моменты, когда встречались наши и немецкие бомбардировщики. Бывало и так – нас бомбят, но мы со злорадством созерцаем, высунувшись из окопчика, что и немцам достается. В те дни авиация разгулялась. В день прилетало бомбить нас штук 300 самолетов (повторяясь, конечно). Были моменты, когда в воздухе находилось по 40 самолетов сразу или систем 5-7. Пришлось провести несколько дней (и ночей) на наблюдательном пункте батареи – на расстоянии метров 200-100 от немцев – на самой «передовой». Описание того, что пришлось пережить, займет слишком много времени и места. Об этом можно рассказать, когда увидимся. Коротко говоря, мне опять несколько раз «повезло» и я остался невредимым (случайная пулеметная очередь на излете в трех местах пробила полы шинели). Особенно неприятным оказался беглый огонь наших собственных минометов по переднему краю немцев. Когда ведется беглый огонь (особенно ночью) наводчики почти не следят за соблюдением прицела. Неизбежный результат стрельбы без поправок – приближение разрывов к батарее. Вскоре у меня уже выработался рефлекс, - как только ночью услышу тьяканье минометов за спиной (ночью наблюдать приходится не из укрытия) ныряю в окопчик, т.к. первая серия мин по немцам – последняя по мне. Наглядился я и на действия «Королей воздуха» - самолетов У-2, выполняющих функцию ночных бомбардировщиков

ближнего действия. После этого периода жизни (на Н.П.) наступили «каникулы». Батарея сменила позицию (ушла с дивизией в др. место – ближе к Ржеву). И я остался с двумя бойцами охранять оставшиеся, из-за недостатка лошадей, мины. Пребывание втроем на огромном опустевшем ржаном поле скрасилось упавшим в 150 м от нас Ю-88. Бегал ловить одного из команды спустившегося на парашюте. Поймали. Он сдался почти без сопротивления. Спрыгнуло 3 чел. Пилот был убит пулей из винтовки, пущенной с земли, когда, выйдя из пике и разворачиваясь для нового захода, он снизился. Интересно то, что немцы немедленно начали обстрел тех мест, где снизились парашютисты, и где упал самолет. Мне пришлось удирать от самолета, куда я прискакал в надежде найти часы. Да! Я забыл написать о том, что часы мои во время пребывания на Н.П. приказали долго жить. Лопнула пружинка без всякой видимой причины (может быть от близкого разрыва). Часы с приборной доски (сохранившиеся, несмотря на то, что самолет от удара о землю раскидало на полкилометра) подхватил какой-то тип, прибежавший к самолету, пока я бегал ловить штурмана. Другие часы, находившиеся у пилота и разбившиеся вместе с ним, (часы с 6-ю стрелками, хронометр и секундомер) подцепил один из моих бойцов. Мне пришлось удовольствоваться двумя радиопередатчиками, порядочно исковерканными, правда. Штыком от самозарядной винтовки я «разобрал» их, получив от этого огромное удовлетворение. Набрал с полсотни миниатюрных сопротивлений вроде сопрот. Каминского с р-рами 10x2 мм, мелких электролитиков, контуров (замечательно сделанных) и один строенный блок переменных конденсаторов (в нем лопнула фарфоровая ось, но ее очень легко заменить карболитовой). Все эти вещи я не мог бросить и нагрузил ими свой мешок в надежде доставить их домой (при повторении ранения или др. способом). Взял (и таскаю) «на память» документ разбившегося летчика, который вместе с несколькими немецкими медалями должен занять свое место в коллекции «сокровищ» Витьки. Коротко говоря, несколько дней я блаженствовал. С остатками мин ночью перешел на новую позицию. Я писал вам об огромном количестве бомб сбрасываемых на моих глазах. Новая огневая помещалась как раз в том месте, куда они сбрасывались. О своем пребывании на новом месте могу сообщить только, что в щелях пришлось сидеть 95% времени и, что на этом месте пришлось понести (впервые за пребывания на передовой) потери. Выскакивали только поесть и пострелять. Когда через несколько дней уходили от туда на отдых, (шли как это ни странно днем) оглядываясь назад, видел картину классического фронта. Стараниями авиации, нашей артиллерии и минометов (Катюши и Андрюши относятся к минометам) земля была перерыта, как на одной из картинок изображавшей бой под Верденом. Благополучно прибыли на место «отдыха». Отдых ставится в кавычки потому, что, по существу, пришли мы на работы. Сначала чистили минометы, потом мыли колеса у них (Да-да!), потом чистили оружие, лопаты (которые опять пускались в работу и снова чистились) и т.д. Построили баню (в холодный осенний день под дождем). Помылись, что вознаградило за перенесенные мучения. И...начались наряды. Мне пришлось через сутки не спать ночь, т.к. через сутки я был дежурным, которому запрещается спать. Бойцы стояли на двухсменных постах (отдыхая по 3-4 часа в сутки, т.к. остальное свободное время опять было занято чисткой оружия и мат. части). Ясно, что такой отдых не пользуется популярностью и во время его все мечтают (кроме средних командиров, конечно, отъедающихся это время у кухни) скорее вернуться на передовую, где нет почти никакой работы подобной этой и спать можно 16 часов в сутки. На «отдыхе» я получил от вас письмо с карандашами и посылку. Письменных принадлежностей у меня теперь больше чем достаточно (я писал уже вам, что все, что вы посылаете мне в конвертах - доходит полностью).

На «отдыхе» прошел парткомиссию и являюсь теперь кандидатом в члены партии с перспективой в декабре стать членом. Из-за этой парткомиссии и пришлось мне пережить

еще пару дней «каникул» подобных дням проведенным у мин. Мой взвод был направлен нести охрану арт. ДОПа дивизии (на ДОПе посещается резервное вооружении и боеприпасы. Из-за того, что я остался для прохождения парткомиссии, я отбилась от остального взвода и должен был проделать этот путь (примерно 30 км) один. Да, задержали меня и после этого. Как имеющего «красивый почерк» меня уже несколько раз заставляли исполнять некоторые канцелярские авральные работы. На этот раз мне досталось составить нечто вроде каталога секретных и сов. секретных приказов и директив, накопившихся в канцелярии дивизиона. Интересные вещи я узнал из них, но... приходится пока молчать (до встречи). Окончив все это, два дня шел до ДОПа, где и нахожусь сейчас. Здесь я наконец-то нашел свободное время, чтобы написать вам. По дороге меня задерживали пограничники. Оказывается на некотором удалении от фронта проходит граница, охраняемая, как и до войны (слабее правда). Здесь на ДОПе черт знает сколько разного оружия. Я здесь первый день, но думаю, что порядочно покопаюсь в кишках у разных пушек и пулеметов. Уже облюбовал себе снайперскую винтовку, которую надеюсь выпросить.

Началась самая настоящая осень (черт бы ее побрал), дороги стали страшными. Хотя многие из них имеют настилы из бревен, но и они не вечны и расползаются. Вид у дорог сейчас крайне неудобный.

На следующий день. Письмо не было дописано, т.к. пришлось принять участие в погрузке 11 машин снарядами из только что прибывшего эшелона. Вот где досталось! На каждого из нас (в том числе и на меня) пришлось перетаскать по грязи глубиной 15-20 см на расстояние 200-20 м 5 т четырехпудовых ящиков. Это операция проводилась к тому же на дожде и была окончена уже в темноте. Спасли от ревматизма присланные шерстяные чулки, но заснуть, все-таки, не удалось – всю ночь шел дождь, блиндаж промок, я тоже.

Все вещи, присланные вами в посылке, действительно очень пригодятся, но вещмешок мой принял теперь грандиозные размеры и с рудом завязывается. Интересную перспективу обмена посылками (вернее посылка от меня к вам) открыл мне наш почтальон. Вы посылаете мне посылку (наполненную хотя бы кирпичами), которая приходит тем же порядком, что и отправленные уже вами. В этот раз я получал посылку лично (с п.п.с), т.к. это совпало с моим пребыванием в тылу. Обычно же такой возможности не имеется и посылку получает и приносит почтальон, беря для этого доверенность. Приняв от почтальона посылку, я вскрываю ее, вынимаю кирпичи, вкладываю туда разное барахло вроде радиодеталей, концентраторов и пр., зашиваю (подогнав под прежний вес и объем) и отдаю обратно почтальону. Он несет ее опять на п.п.с., объявляя: «Пока я носил посылку, адресат выбыл» (хотя бы в госпиталь). Посылка возвращается в место отсылки. Есть, конечно, риск, что она не дойдет обратно, «затерявшись» в недрах наркомсвязи или цензуры, но подарки, кажется, цензурой не проверяются. (Тов. Цензор, если вам не лень и вы человек не с черствой душой, черкните в конце письма: осуществим ли такой вариант).

Жаль, что пропали марки, которые я послал под советской маркой на письме (от 28, кажется). Там были две немецкие марки: одна с изображением самолета Ю-52, а другая с физиономией самого рейхканцлера. По поводу огорода выражаю соболезнование (не примите за насмешку!). Если бы я попал бы домой, я привез бы парочку противопехотных мин и вокруг огорода наставил бы табличек «минировано», положив мины на виду. Воры призадумались бы перед тем как идти на это поле. Не знаю, сколько дней идут мои письма к вам. Напишите мне, чтобы я мог вовремя прислать свои поздравления ко дню рождения папы.

Когда вы получите мое письмо, Юрка будет уже, очевидно, лейтенантом. Напишите о его дальнейшей судьбе, а от меня передайте ему поздравления с благополучным

окончанием. Он сумел выдержать. Я опасался, что он, не выдержав, выкинет какой-нибудь номер, как это я имел когда-то намерение сделать, дабы вылететь из училища.

Самой же главной целью посылки от меня к вам является отсылка сломавшихся часов. Т.к. есть риск, что посылка не дойдет, то можно будет сперва попробовать этот вариант с отсылкой вам радиодеталей. Наступательные операции на нашем участке (где стоит наша дивизия) прекратились. Дивизия заняла оборону. В условиях пребывания осенью на передовой конечно легче, чем в условиях наступления. Пожалуй, хватит. Письмо и так здоровое. Размерами его я пытаюсь снизить грех длительного молчания.

До свидания! Валентин. 26/IX 42 г.

8 октября 1942 г.

«Здравствуй дом! 8/X 42 г.

Опять получил от вас письмо с обращением «к товарищам, знающим его». Т.к. не так давно послал вам очередное письмо, очевидно, до вас еще не дошедшее, то с ответом не торопился и пишу сие послание спустя два дня.

Т.к. писем от меня, как вы пишете, не приходило с 7.9, то кратко опишу то, что было за это время. Письма я вам пишу аккуратно каждую неделю. Были отосланы вам мною письма 15, 22, 30 и сегодняшнее – 8.10. Письмо от 7 было послано с отдыха. Через несколько часов после его отсылки отправились опять на огневую позицию. Наше присутствие понадобилось там ввиду готовящегося наступления. Наша дивизия должна была сделать последнюю попытку продвинуться на этом участке. Была сделана мощная артподготовка, но успеха все-таки не было. Затем несколько дней продолжалось «затишье». Во время него мне пришлось пробыть несколько суток на наблюдательном пункте батареи, расположенном от расположения немцев на 100-200 м. (ночью расстояние сокращается выдвигающимися вперед автоматчиками). Пришлось вынести довольно сильный огонь, не причинивший, однако, никакого вреда нам. Во время последовавшего за этим пребыванием на огневой позиции мне чуть было не «повезло». Случайная пулеметная очередь на излете в трех местах пробила полы шинели. Интересно то, что одна из пуль так и осталась застрявшей в шинели. Попади эти пули даже прямо во что-нибудь из моих органов (на голове была каска) кроме легкого ранения ничего бы не было. Вскоре дивизия внезапно перешла на др. место. Я остался с двумя бойцами охранять оставшиеся пока мины. За прошедшие три дня проведенные в постре (т.к. о нас забыли и продукты нам не посылались) отдохнул душой, расковыряв штыком-ножом 2 разбитых радиостанции с Ю-88, упавшего близ нас. Не смог бросить детали, извлеченные из них, и таскаю их сейчас с собой, хотя мой «сидор», как почему-то называют в армии вещмешок, принял от этого безобразные размеры и прибавился в весе. Лелею мысль доставить их каким-либо способом домой. Способов два. Первый – при ранении. Второй - обратной посылкой с помощью след. «комбинации». Известным вам способом, оправдавшем себя, т.к. посылку вашу я получил 24 полностью, вы посылаете др. посылку, содержащую, допустим, книги. Такой наполнитель сейчас очень мил моему сердцу. Здесь единственное чтение – газеты и макулатура военного времени. Со времени пребывания в госпитале не читал ни одной книги художественной. Много бы сейчас отдал за то, чтобы получить хотя и читанные уже, но, несмотря на это, привлекающие меня, «Аэлиту» Толстого, поэмы Маяковского или стихи Лермонтова, Брюсова. Выучил бы наизусть от скуки и тоски и др. классиков. Важно, чтобы посылка имела размеры тетрадного листа. Не нужно посылать опять съестного, которым я здесь удовлетворен в изобилии, и предметов домашнего обихода – полотенец, мыла и т.п., которыми я тоже завален. Одного туалетного мыла, которое у вас, очевидно, сейчас дефицитно, я имею 4

куска (в том числе и немецкого «эрзац», но очень едкого и подходящего сейчас для меня мыла). Могу послать вам с обратной посылкой: туалетного мыла; около 3 кг хозяйственного мыла, найденного мной; радиодетали (великолепный строенный блок конденсаторов, который легко восстановить; миниатюрные сопротивления, электролитики, контура (регулирующиеся) и массу крепежных изделий – винтов и пр.); концентратов; консервов мясных; соли и пр. Всего этого могу набрать кг. на 4-5. Если вы сможете с легким сердцем отослать на погибель несколько книг, то шлите, если нет, то шлите кирпичи. Получив вашу посылку, которую как подарок, очевидно, не вскрывают, я выдаю доверенность на ее получение нашему почтальону. С ним же продельваю след. комбинацию: он приносит посылку, я ее аккуратно вскрываю, взвесив предварительно, изымаю содержимое, вкладываю свое, подгоняю габариты и вес, так же запечатываю и он (почтальон) несет ее обратно с известием: адресат выбыл вчера ночью в госпиталь (не тревожьтесь, получив обратно посылку с такой надписью). Посылка должна прийти обратно к вам и попадет в ваши руки. Предварительно, за несколько дней перед посылкой, пошлите мне предварительное письмо, чтобы я успел подготовить кое-что (дня за 3-4). Мне кажется, что папа, при своих связях, сумеет легко отправить одну посылку. В случае если вы не хотите рисковать возможным разоблачением, неприятностями с цензурой по поводу радиодеталей, возможностью пропажи и невозможностью с вашей стороны осуществить посылку с книгами, прошу вас послать бандеролью ту же «Аэлику», или каких-либо поэтов, или вообще – чего не жалко, но интересно, т.к. бандероли сейчас имеют свободное хождение.

Т.к. я послал вам в 30-х числах наиболее подробное письмо, которое, очевидно, вы получите, не буду особенно подробным. После «праздника души» попадаю опять в батарею, находящуюся на одном из «жарких» участков фронта. Бомбежка с бомбами, рвущимися в нашем расположении, снаряды и мины, неожиданные, не дающие высунуться из щелей, шквалы пулеметного огня с залетающими к нам пулями и пр. фронтовые удовольствия. Несмотря на то, что позиция имела наибольший обстрел и через каждые несколько метров воронка, потери невелики: лошадь, разорванная в клочки прямым в нее попаданием снаряда, т.ч. в воронке один хвост, и несколько человек ранено (довольно глупо, впрочем, шальными пулями и осколками). После этой позиции, пребывание на которой продолжалось всего 5 дней, идем на отдых. «Отдых» ничего интересного не представляет. Затягивание гаек и несметное количество работы и нарядов. Меня с моим взводом отправляют на охрану ДОПа (место, где хранится излишнее и трофейное оружие и боеприпасы дивизии). Сначала там приходится мне трудно, т.к. участвую в погрузках снарядов, но потом выделяюсь «на хутор», к отдаленно стоящему складу с резервным оружием, где жизнь проходит в еде и ее приготовлении, сне и чистке оружия. Это мне понравилось, но все кончается... Ночью нам приходит смена и на другой день, - это было вчера, мы опять на передовой, близ того места, где была последняя «огневая». За прошедшее время, это место остыло. Было, правда, пока нас здесь не было, контрнаступление немцев, с авиаподготовкой и небольшой артподготовкой, но дело кончилось тем, что были разбиты несколько десятков немецких танков, а пехота, пошедшая было в рост, почти вся полегла и до сих пор не встала. Я вам не писал, кажется, о том, что, остановив наше продвижение с той стороны коридора, занятого ими, с которой нахожусь я, немцам не удалось достигнуть этого с др. стороны. Коридор, благодаря этому, сузился до 10-15 км и нам уже хорошо слышна стрельба и видны ночью ракеты с др. стороны этого коридора. В гор. (Вычеркнуто цензурой. Ред.) дела застыли, хотя наши войска вступили в него еще 5 августа, но занять его весь, перейдя на (Вычеркнуто цензурой. Ред.) берег реки, не могут. Каждую ночь там видно зарево пожара и ясно, что этот город будет иметь судьбу Смоленска. Во время посещения СССР Уилки, он побывал

здесь у нас. При нем было произведено показательное наступление на участке считавшемся «непрístupным» - он укреплялся немцами 11 месяцев. За 20 мин было занято 6 населенных пунктов, развивая успех прорыва заняли еще 25 нас. пунктов. Г. Р. находится на волоске, но мы перешли в оборону. Живем сейчас в блиндажах с 2 накатами по 40-30 см, опасно которому только прямое попадание 150 мм фугаса или 100 кг бомбы. Живем с печками, имея на всякий «случай» около 1000 мин на батарее. Такого запаса у нас не было еще никогда. Расположены в овражке. Обстрел, кроме пулеметного бесприцельного огня по ночам, небольшой. Резко заметна усилившаяся роль тяжелых минометов. Мы имеем сейчас их в изобилии. Пожалуй, все. Картина военного пейзажа. Осеннее небо, под которым расстилается пустынная равнина, на которой кое-где темнеют скелеты деревьев, обозначающие бывшие деревни. Большие воронки с валами из рыжей глины и маленькие – язвы, вырванные снарядами. Множество окопов покрывает поле. Пустые. Лишь кое-где в них лежат черные скелеты в зеленых ржавых шинелях. Земля устлана гильзами, брошенными патронами. Летают клочки писем наших и немецких и стоптанных газет. Изредка погромыхивает. Днем ни одного винт. выстрела.»

17 октября 1942 г.

«Добрый день! 17.10.42 г.

Опять на отдыхе после не особенно долгого пребывания на передовой. Дивизион наш расформировали на батарее, которые прикрепили к полкам дивизии. Это означает, что пока дивизия в боях – мы на передовой. В связи с изменившейся обстановкой посылка (обратная) стала неосуществимой. Моя же просьба о высылке бандеролью какой-нибудь книжки остается в силе. Осень наводит особенную тоску, которую нечем разогнать. «Отдых» не оставляет времени, чтобы написать подробное письмо. Приходится ограничиться этой открыткой. Сидим в тесноте в темной землянке у печки. На улице неуютно – дождь и слякоть. Разговор не клеится – о всем уже переговорено. Есть надежда на то, что поедем на передовую. Скорей бы. Валентин»

23-25 октября 1942 г.

«Приветствую! 23-25/X 42 г.

Сегодня мне исключительно повезло. Всех отправили на передовую, а я остался дежурным по батарее – имущество осталось, т.к. пошли пока только оборудовать огневую позицию, и я остался начальником караула, охраняющего имущество батареи. 10 часов вечера. Сажу в блиндаже один у печки и при свете дров, горящих в ней, пишу. Блиндаж: глиняные стены; потолок – бревна, в которые упираешься головой стоя; на полу - затоптанная солома; на вбитых в стену кольях подвешены вещмешки, котелки, противогазы (обычно дополнительно свисают каски и винтовки). На площади 10 м² проживают 12 чел. Я помещаюсь в нише, вырытой в стене, из нее высовываются мои ноги, о которые спотыкаются входящие и выходящие в дверь. Блиндаж освещается копилкой, сделанной из консервной банки. Сие помещение находится в 5 км от немцев. Ежедневно происходит обстрел из дальнобойных орудий леса, в котором мы расположены, не приносящий, однако, никакого вреда. Интересно то, что большое количество снарядов не разрываются. Вчера вечером во время обстрела не разорвалось подряд 83 снаряда, а, вообще, разрывалось только 10% всех снарядов. Это, очевидно, результат того, что на заводах в Германии работают сейчас 50% иностранных рабочих. Дивизия наша, находящаяся на формировке (получили несколько тысяч пополнения), снова вступает в бой. Заметна подготовка к переходу в наступление. Может быть, опять наступает перелом подобный декабрьскому. С раннего утра и допоздна слышатся крики «Ура» и видны цепи пехотинцев, изучающих тактику наступательного боя (верный

признак готовящегося наступления). Как я вам уже писал, наш дивизион расформирован и батареи, из которых он состоял, раскреплены по полкам. Это означает для нас наступление более серьезной боевой работы, больше времени придется находиться на передовой и больше будет нам возни с подвозом боеприпасов. Дали нам автомашины и не дали ни одной лошади. В условиях осенней распутицы это хуже: автомашины гораздо труднее таскать на себе, чем повозку с грузом. А грязь сейчас классическая – фронтная. Далеко слышны сейчас вой буксующих машин и охрипшие голоса повозочных. Поля раскисли и тяжелые танки, проходя по ним, врезаются гусеницами на полметра. Наступать нам предстоит недалеко: чтобы отрезать заволжскую группировку (дивизий 7), нужно пройти 8 км, чтобы перерезать ж.д., по которой снабжается ржевская группировка, нужно пройти столько же. Но эти километры нужно пройти, преодолевая очень упорное сопротивление, и закрепить их будет нелегко. Хорошо, что мерзкая погода делает невозможным действия авиации.

Не удалось написать письмо сразу. Продолжаю через двое суток, опять ночью. Собирались все это время переехать на огневую, но до сих пор не переехали туда все. Удалось перетащить туда лишь один миномет и сотню мин. Заметно оживление. Местность вокруг нашей огневой, пустынная несколько дней назад, сейчас набита артиллерией. Идут осенние мелкие дожди. Дороги испортились совсем. Наша автомашина повезла мины на огневую, не дошла до нее, вытаскивали ее несколько раз вручную и механическим способом – тягачем, потом надоело, разгрузили ее и всю ночь возили мины на лошадях. Днем пошли тащить застрявшую пустую машину. В самый разгар нашей работы нас заметили и дали по нам беглым огнем полсотни 75 мм осколочных. Пришлось залезть в воронку и полежать в жидкой глине несколько неприятных минут. Некоторые, не разобравшись, кинулись к окопам, проходящей в этом месте резервной линии укреплений. Выбирать им не было времени, и они приняли холодную ванну, т.к. там было почти на метр дождевой воды. Жертв не было. Побило только стекла у автомашины, да разбилось несколько групп бутылок (новое противотанковое средство: несколько бутылок, связанные пачкой, «в открытую» ставятся на поле - взрываются ежели их раздавить). Эти бутылки дали столько дыма и так долго горели, что мы выволокли машину за дымовой завесой безнаказанно. Вернулись из экспедиции к обеду и до сих пор (11 ч.) сушимся по очереди у печки. Мне повезло с разрешением проблемы обуви на осень. Достал с убитого из пополнения (прибывают они одетые с иголки) новенькие английские ботинки. Мои старые скончались уже давно в результате научных «опытов». Я пытался сделать сантиметровую подошву мягкой, для чего пропитал ее маслом. Через несколько дней подошва, сделанная, очевидно, из спрессованных обрезков, лопнула. Т.к. опыт по всем правилам проводился только на одном ботинке, то вскоре я приобрел другой ботинок – новый, но на номер меньше и не обладающий полной водонепроницаемостью. Сейчас я их выкинул и ношу новые. Одел присланные вами теплые шерстяные носки и блаженствую с сухими ногами.

Получил позавчера Лермонтова бандеролью от вас. Очень благодарен. Есть теперь «предохранительный клапан», дающий спасение от скуки. Сижу теперь до полночи и более, читая, и вижу несколько раз за ночь сны о доме, о старой жизни, ассоциирующейся с прочитанным. Получается нечто вроде опиумокурильщика, отравляющего себя ради снов. Расспрашивал прибывшее из тыла пополнение о возможностях попасть в случае ранения в госпиталь, находящийся близь дома. Несмотря на то, что их мнения об этом не обнадеживают, не отказываюсь от мысли повторить то, что было зимой, в случае, если получу легкое ранение. Напишите мне, имеются ли сейчас в райвоенкомате связи, могущие помочь попасть в ваш госпиталь.

Что можно сообщить интересного и нового о фронте? Позавчера немного проснулись. На запад прилетела группа из 60 штурмовиков ИЛ-2. Впервые вижу такую большую группу. Немецкой авиации не видно. Раз появлялась только «Борона» (так прозвали двухфюзеляжный самолет Фокке-Вульф). Назначение его неизвестно – то ли разведчик, то ли истребитель (в каталоге), то ли десантный (два фюзеляжа дают возможность подвешивать между ними танкетку). Строятся несколько линий обороны в нашем тылу. Одновременно заметна подготовка к переходу в наступление. Начали выдавать зимнее обмундирование: ватные пары, фуфайки, рукавицы и даже подшлемники (до нас очередь еще не дошла, но ходят слухи, что и нас скоро осчастливят). По-прежнему велик процент получаемых импортных продуктов. Получаем американские консервы – колбасу вроде чайной в жестяных коробках, английский «лярд» и пр. Недавно лучшим давали подарки, содержащие какао из Китая, сухое молоко из Новой Зеландии, мыло из Монголии, спички из Индии, нос. платки из английской ткани и т.д. Прямо экзотика, а не подарок. Припас для Витьки коллекцию немецких монет. Была сделана сорвавшаяся попытка представить меня и некоторых др. к правит. награде. Меня – к «Красной звезде» Но... пришел приказ расформироваться и в суматохе об отсылке 22 наградных листов забыли. Послал вам 200 руб. переводом.»

Ноябрь 1942 г.

«Приветствую своих родителей и родичей!

Времени уйма, но т.к. никаких событий нет и мало материала, никак не мог собраться написать вам обычное письмище. Иногда находит настроение писать письмо, но что-нибудь помешает. Наиболее подходяща для письменных излияний оказывается все же ночь, хотя и то мешают, - то и дело кто-нибудь из бойцов то придет с поста, то, просто выпавшись, поднимется и затеет разговор. Темы наших разговоров зависят, во-первых, от состояния или вернее от того, есть ли перебои в снабжении или нет. Когда в животе сосет, это осенью довольно редко (но я говорю вообще), разговор вращается вокруг махинаций старшины, несправедливости повара, обижающего добавками («Почему все добавки дают третьему взводу?!») или состоит из кулинарных воспоминаний о съеденном когда-то. Часто кто-нибудь ударяется в воспоминания и начинается общий разговор. Сейчас, например, беседуют о том, какой город на Урале лучший, как кто ездил между ними и как много яблок на Волге. Частенько разговор заходит о дальнейшем развитии войны, разгорается спор, после которого каждый остается при собственном мнении. Иной раз я начинаю читать лекции на всевозможные темы, способные заинтересовать моих ребят («ребята» имеют: 45,38,37,34 и 20 лет). Надо сказать, что меня уважают не только мои подчиненные, но и почти весь состав батареи за исключением старшины. С ним я на ножах из-за того, что уличаю его кое в каких непохвальных делах. Могу даже сказать такую вещь, что обо мне, как о хорошем командире (я, правда, не совсем уверен в последнем), известно в штабе армии. Неизвестно, каким путем туда проникли такие сведения, но в разговоре, произошедшем между комбатом и представителем политотдела армии, последний похвально отозвался обо мне. Для того, чтобы вы имели полную картину насколько разыгралось мое честолюбие, расскажу о неудавшейся, правда, попытке представить меня к ордену Красной звезды. Я в числе некоторых других был предназначен в роль героя батареи, но ... это происходило во время расформировки дивизиона и начальство, затеявшее это дело, разъехалось, не отослав наградной лист, заполненный на меня. Синица, попавшая мне в руки, - статья в праздничном номере газеты нашей дивизии с упоминанием моего имени - пересылаю вам ее: быть может, она когда-нибудь впоследствии пригодится.

Вот уже с полмесяца, как перешли мы из блиндажа, описанного мной в письме с фотокарточками в другой – дворец по сравнению с тем. Живем почти в безделье (по крайней мере я, т.к. бойцы несут наряд – еженощно 4 часа мерзнут на постах, работают иногда на кухне, носят продукты на передовую и т.п.). Иногда, правда, устроят какие-нибудь кратковременные занятия. Ударили морозы (они, наверное, и у вас) и мы, не получив кроме шапок, подшлемников и шерстяных портянок теплого обмундирования, не высовываем носов из блиндажа. Дни провожу да и ночи в чтении книг, присланных вами. Дни солнечные – летают и бомбят. Зениток здесь не меньше, чем в Москве. На днях сбили на наших глазах 3 Ю-87. Эти бомбардировщики летают у нас на глазах 3,5 месяца эскадрилей из 14 шт. Стали старыми знакомыми. Нас они бомбили три раза, а прилетали на наш участок не меньше двухсот раз. Поэтому радость наша должна быть вам понятна. Скорого конца нашему сидению в блиндажах не предвидится. Пробудем здесь до начала общего зимнего решающего наступления. Собирались, было, наступать перед праздником, но приехал с обследованием на наш фронт Щербаков и нашел подготовку к нему недостаточной. Утешают нас предсказанием метеорологов о жестокой предстоящей зиме. Ждем больших событий. А пока... Изредка немец посылает к нам снаряды, несколько раз в день начинается пальба зениток, по ночам взлетают над фронтом на юго-западе и западе ракеты и доносятся пулеметные и автоматные очереди. Затишье.

Безделье дает простор для воспоминаний о доме, о вас. Витька, очевидно, стал дылдой, но т.к. теперь рабочий, это ему подходит и прощается. Посылаю тебе марку и немецкие оккупационные деньги для коллекции. Пропадут не жалко, а пройдут – вы мне напишите, и я буду посылать еще чего-нибудь. Рад я за Витку, что он обладает теперь возможностью утолить свой голод и в то же время не прекратил занятий. Эта наступательная операция проведена блестяще. Надеюсь, что удастся осуществить план перехода мамы на более спокойную и теплую работу. Неужели мама все еще сторож? При наставших морозах для нее это должно быть невыносимо. Получил открытку от Юрки, в которой он жалуется на перегруженность и высказывает мысль о том, чтобы избавиться от этого, уехав на фронт. Напишите ему, что на фронт он успеет и, что на фронте пехота сплошь состоит из мучеников и из кандидатов в скором времени превратиться в святых. Ему нет никакого расчета торопиться.

Очень хорошо, что папа не опустил рук и даже сейчас проявляет изобретательность в быту. Аккумуляторы, в условиях, какие наверно сейчас у вас есть, очень кстати. Я думаю, что ветряк представляет ценность не только для обмена, но и для вашей жизни. О применении пропеллера: при 3000 оборотов он даст скорость струе воздуха 200 м/с. Для 800 об/мин нужен ветер в 8-10 баллов. Лучше сделать крыльчатку или широкие лопасти (3-4) поворотные с крылышками, регулирующими угол атаки лопасти и, следовательно, дающими равномерную скорость вращения при изменении V ветра. Схема такова.

При увеличивающемся давлении ветра закрылок поворачивает лопасть и, увеличивая угол атаки, дает сохранение W – скорости вращения. Такой винт сделать нетрудно. Расчетов здесь производить не нужно, а, изменяя вынос закрылка, можно добиться равномерности вращения. О генераторе Татр ничего сообщить не могу. Хотя разбитых танков встречается несметное количество, но копать в них некогда, да и вряд ли попадется именно этот тип генератора.

11 часов ночи. Сейчас приступаю к ужину – лошажья нога, сваренная с картошкой и даже лавровым листом. Блюдо вкусом не уступающее знаменитой маминой телячьей ноге. Как видите, не бедствуем и даже роскошествуем.

В посылке от вас пока не нуждаюсь. Трудно таскать то, что есть. Маме, ведь, все приходится носить на себе – и дом и печь и вещи и черт знает сколько еще др. вещей. Всего наилучшего!
Тепло, светло (коптилка) и вши не кусают!
Благодарить!»

28 ноября 1942 г.

«Здравствуйте! 28.11.42.

Получил письмо от вас датированное 12/X. Нужно вам сказать, что чем чаще приходят от вас письма и чем они подробней, тем чаще идут письма от меня: когда читаешь письмо из дома, возникает желание написать и от себя. Времени, правда, сейчас стало для больших писем недостаточно – заставляют заниматься, – но урывками и ночью надеюсь все же накатавать вам письмо покрупнее и поинтереснее.

Настала опять зима, но пока ничего плохого от нее нет. Сидим в теплых землянках, кормят неплохо (пожалуй, лучше, чем прошлой осенью, хотя об этом сужу по собственному желудку, а этот способ субъективен: может быть, я привык к армейскому питанию и поэтому вполне сыт), плохо только то, что на занятиях мерзнешь, и приходится чаще сушить ноги. Конечно, в случае наступления или перехода в др. место, мое мнение о зиме и изменится. Время течет из-за малого количества событий в жизни незаметно. Когда много движения, работы – в бою дни кажутся неделями, а недели - месяцами. Прошедший месяц, проведенный нами в тылу, пролетел незаметно.

Вы приглашаете меня домой, чтобы «отдохнуть от ужасов фронта и лишений». Во-первых, это невозможно и все способы, приведенные вами, недействительны и, во-вторых, ваше представление о фронте нужно изменить. То, что вы знаете из моих рассказов о зимних боях и фронте в прошедшей зиме, не сходится с нынешним положением. Сейчас сильно увеличилось количество техники – артиллерии, минометов всех калибров, Катюш, Андрюш и главное, снабжение снарядами и минами стало бесперебойным и неограниченным. Лучше организовано снабжение питанием. Приобрели опыт, воюют умнее – больше внимания уделяют подготовке наступлений. Всего этого не хватало той зимой. Не хватало боеприпасов (чаще всего мин), артиллерии почти не было видно (а сейчас под каждым кустом батарея, Катюши стоят зарытые в землю десятками, минометов же стало больше чем пулеметов раза в два). Были очень часты случаи, когда продовольствия не привозили по нескольку дней – сейчас этого нет. Получаем: 900 гр. хлеба или 540 гр. Сухарей; 35 гр. Сахара; 100 гр. колбасы или мясных консервов или 140 гр. мяса в суп; 40 гр. свиного сала; табак; иногда, как редкость, водку; чай; спички; бумагу курительную. Получаем 3 раза в день суп 1,2 л. состоящий из картошки и капусты (900 гр.) и крупы (100 гр.). Иногда, - тарань 75 гр. Хотя дни, когда бывает все перечисленное, редки, а обычно чего-либо (колбасу или сахар, или тарань, или махорку) не дают, все же чувствуешь, вспоминая тыл, что снабжение неплохое и для ничего не делающих людей, этого должно хватать. Наступления зимой зачастую проходили без артподготовки, а сейчас бывают случаи, когда дивизию, наступающую на фронте 3 км, поддерживают: 4 артполка, полк Катюш (36 шт.), дивизион Андрюш (192 ствола - направляющих), дивизион тяжелых минометов и плюс свои минометы.

Как я уже, кажется, писал, в обстановке, в которой я нахожусь, изменения происходят как раз тогда, когда их не ждешь. Письмо это пролежало недописанным у меня в сумке 5 дней и за это время произошло многое и много неприятного пришлось хлебнуть. Начав писать письмо, я думал, что заполнить 4 страницы непосильная для меня задача – фактов и новостей было маловато. Теперь их хоть отбавляй.

На другой вечер, как я начал операцию писания сего послания, темным вечером мы собрались и почти всей батареей отправились расширять огневые позиции – рыть окопы на 6 минометов (было вырыто на 3) и приготовить землянки для их расчетов. Уже выпал снег, земля изрядно промерзла. Придя на огневую к полночи, решили работы начинать с утра. Готовых землянок на всех не хватило. Мы (6 чел.) залезли в негодную для жилья землянку и попытались нагреть ее принесенной печью (лист железа, согнутый корытом, приставляется одним боком к стенке, сверху на отверстие ставится труба из консервных банок). Т.к. конструкция была сделана «на соплях», дым шел, когда печь растопили, не в трубу, а в переднее «топочное отверстие». Сначала решили терпеть. Концентрация дыма увеличивалась: одели противогазы, некоторые закрутили головы шинелью и плащ-палатками. (У нас все обзавелись плащ-палатками, преобладают трофейные – немецкие. В виде комплимента вам, производящим плащ-палатки, могу сообщить, что качество и удобство в употреблении у немецких куда ниже, чем у отечественных. Они плохо держат воду – пол часа дождя и она уже бесполезна, наша же, вернее ваша, не промокает в течении десятка часов доброго дождя). Но и в противогазе начинает чувствоваться отравление дымом. Тут пришлось испытать переживания человека в отравленной атмосфере. С трудом вылезать приходилось через отчаянно дымящую печь, стоящую в проходе, - вырвались из этого ада и остаток ночи провели в муках на улице. Валенки нам не дали и замерзли мы, как вы, наверное, себе не представляете. С рассветом с радостью (разогреешься) взялись за работу. Долбили, кайлили и рубили топором. Затем копали и согрелись. Построили под начавшимся обстрелом пару обширных землянок, перекрыли их накатом, с которым пришлось помучиться. Дело в том, что наша позиция располагалась в леске, состоящем из невысоких, тонких (толстые вырублены) деревьев. Снарядов в него упало много. Были бомбежки нашей огневой и почти весь лес по скошен и перебит взрывами и осколками так, что найти дерево удовлетворительной толщины и длины среди сплошных куч и валов сбитых деревьев и извлечь его оттуда было задачей нелегкой. Прибавьте к этому периодически разрывающиеся снаряды (по три), мокрые ноги и картину можно считать законченной. Можно добавить – ветер, яркое солнце и летающую над нами, уже описанную мной, «борону», она виляет, уклоняясь от разрывов зениток, и за ней возникают розовые облачка - кидает листовки. Сделали два блиндажа, намереваясь третий сделать на др. день. Переночевали в холодных сырых землянках. Не прогретые бревна наката отпотевают – идет крупный редкий дождь. Почти не спали. Утром часа в 4 приносят приказ вернуться в тыл в свое расположение. Бредем. Застаем нашу уютную землянку разграбленной – без двери, окна, полок, стола. Ворча, восстанавливаем. Принимаю новый миномет – старый сдан другому расчету бывшему на передовой. Миномет модернизирован, прицел новой более удобной конструкции. После обеда идем в полк на митинг. Это второй полковой митинг, на котором я присутствую. Митинг происходит в штабе полка, это в 3 км от немца. Рядом в 100 м от выстроившегося в каре полка батарея 120 мм. Возникает жуткое чувство: а что если «он» узнает о происходящем сборище. На митинге по поводу XXV-летия Окт. рев. произошел было инцидент. Только ком. полка начал речь, вблизи разорвалось несколько снарядов. Полетели с визгом осколки. Некоторые (необстрелянные) кинулись, было, куда-то бежать. Снаряды оказались шальными. Но в течение двух часов все переживали – «быть или не быть». С митинга бегом домой – через два часа выступать. Собираемся и, когда темнеет, грузим матчасть, мины, печи и пр. барахло на машины и отправляемся. На огневой для нас блиндажа нет. Не спавши двое суток, мы в отчаянии, но ... начинаем при луне копать блиндаж. К трем часам ночи кончаем. Опять мокнем. День отдыхаем. В три часа ночи поднимаемся готовить мины для артподготовки. Остаток ночи (перед наступлением, естественно, не спиться) лежу, глядя на огонь коптилки. 7.50. Как гигантские кофейные

мельницы (сравнение удачное) хором хрипят и свистят Катюши и Андрюши – сигнал к началу артподготовки. Начинаем и мы. Окрестность гремит 1 час. Начав через чур рьяно, выпускаем за полчаса почти все отведенные на подготовку свои 100 мин. Нас одергивают и приходится стрелять «3 минуты – выстрел». 10 минут молчания. Пехота кричит ура, не поднимаясь в атаку. Снова обрушивается огонь на передний край. Еще полчаса. Все наличные мины (180 на миномет) расстреляны. Приходят машины с новыми минами. Артподготовка кончилась. Теперь лишь изредка гремят залпы, теперь по целям, а не по площадям, как раньше. Видно идущую за танками пехоту. Танки огромные – люди ниже гусениц. Доносится гул стрельбы пехотного оружия. Связь с Н.П. прервана снарядами, наступающие скрываются за гребнем, и дальнейший ход наступления неизвестен. Проходит день. К ночи узнаем, что продвижение небольшое. Из полутора км обороны противника (глубина укреплений) пройдено на нашем участке 1 км. Правее наступление более успешно. Ночью военные действия, как это ни странно, прекращаются. Утром опять артподготовка. Мины не успевают подвозиться. За нами метрах в 200 на дорогу время от времени выезжают автомашины – Катюши. Через нас летят двухметровые 104 кг снаряды. У стабилизатора вырывается пламя, немного виляя, снаряды исчезают за идущим снегом. Опять прошел день. Наступление идет туго. Иногда и мы «даем огонька». Пальба идет весь день. Противник отвечает из дальнобойных. Сейчас ночь. Тихо. Выйдешь из жаркого блиндажа – свистят иногда пули. Ночью хорошо слышен каждый выстрел. Немцы лупят из пулеметов по ночам «в белый свет». Днем к нам пули не залетают. Часто одна за другой взлетают осветительные ракеты. Может быть, наше наступление является частью общего наступления. Вам виднее, мы же ничего об этом не знаем. Очевидно, оно имеет связь с решительным наступлением, т.к. приготовления были долгими и попыток к прорыву не оставляют.

Возникает надежда, что эта зима может быть последней зимой войны. Сроки, данные Америкой и Англией, – 43 год.

Интересный факт. Почти все немецкие трофейные патроны (автоматные и винтовочные), которые я видел с августа, выпуска 42 года. В то же время, до сих пор я не встречал наших патронов выпуска этого же года. Получаем патроны 27 – 37 -30 годов. Показатель большой, все-таки, величины запасов боеприпасов.

Погода с прояснениями, но немецкой авиации невидна. Прилетал, правда, «кривая нога» - корректировщик хейнкель-126. Наши же штурмовики весь день проносятся парами над нами на бреющем. Это, пожалуй, все о себе.

Получил известие об карьере Витьки. Рад за него и за вас. Еще бы маме устроиться и я могу быть за вас почти спокойным. Страшит только приближение окончания срока брони папы.

Витьке рекомендую со своей стороны: не забывай, поросенок, что учишься ты для себя, для своего будущего, а не для чего-либо другого. Очень жаль будет, если ты этого не поймешь. Сам будешь после жалеть о потерянном времени. Чем старше ты будешь, тем меньше будет у тебя времени на то, чтобы получать навыки и познания, даваемые тебе сейчас, если ты их не примешь в настоящий момент.

Прошу не волноваться за меня, если это так на вас плохо отражается. Воевать так, как мне приходится, не опасней чем ходить по улице в Москве.

В посылке не нуждаюсь. Теплое обмундирование, которое нам еще не все выдали, будет в ближайшие дни, а ничего другого мне не надо.

Всего наилучшего! Валентин.

P.S. Посылаю Витьке марку (советскую).»

7 декабря 1942 г.

«Здравствуйтесь! 7.12.42.

Получив мое последнее послание и, долго не имея вестей, вы уже, очевидно, в панике. Спешу успокоить. Провоевал только 3 дня. Вышли из боев и опять в резерве. Результаты боев вам известны из газет. На нашем участке фронт прорван не был. Нашей дивизии была дана довольно неблагодарная задача: отвлечь на себя силы противника, создав видимость главного удара. Задача была выполнена. Шума арт. подготовкой мы наделали много, подготовка к наступлению была проведена довольно открыто, и противник стянул на наш участок много сил, главным образом артиллерию. Нашим огнем передний край обороны немцев был так обработан, что на нем почти не осталось живой силы и укреплений. Но, ответным огнем наша пехота была обескровлена. Как только вылезут из траншей и пойдут в атаку, открывается такой огонь (несколько сотен орудий), что после трех попыток уже некому было идти в атаку. Из-за этого нас отвели в резерв, где мы, очевидно, получим пополнение. Наша батарея потерь не имеет. За все время только один залп накрыл батарею, но к счастью никого в этот момент на поверхности не было. Фронт справа и слева от нас прорван, там идут бои. Ржевская группировка «висит на волоске» шириной 8 км. Немецкой авиации нет абсолютно. наших штурмовиков и бомбардировщиков в некоторые дни пролетает сотни. Немцы почти прекратили арт. обстрел наших позиций – по-видимому, перетащили артиллерию на др. участки.

Выдали ватные брюки и валенки, и меховые рукавицы. Не выданы только ватники, но бес сомнения скоро их получим. Ваш ужас перед холодом, который нас мучит неоправдан. Почти все время проводим в блиндажах. В посылке я не нуждаюсь. Некоторые вещи, правда, не мешало бы иметь, но возиться с посылкой из-за этого не стоит. Опасаюсь и того, что посылка не дойдет. Почти всем у нас посланы посылки (нескольким десяткам), но получили до сих пор лишь двое. Опасаюсь, что посылку, которую вы вышлете, ожидает подобная же участь. Если вы остаетесь непреклонными в своем желании, то могу сообщить, что мне нужно. Суша у печки, прожег я свои теплые портянки и один носок (иметь в запасе носки и пару портянок штука не вредная). В нашем хозяйстве нужен очень часто подпилоч (точить топоры, пилы, исправлять что-либо или мастерить) и хорошо бы иметь при себе натфель. Никаких свитеров не нужно. Если в хозяйстве будет не тяжелая (хорошо бы AL) ложка, пришлите, свою я потерял на днях. Т.к. конверты выпрашиваются товарищами, не мешало бы иметь их еще с десятков. Бумага и карандаши у меня есть. Сгорела у меня крышка от мыльницы (мыла у меня до черта). Все посланное сверх перечисленного будет балластом для меня. Да! Еще из мелочей. Дуст ДФА, кусочек примерно 1 гр. пасты ГОИ - точить бритву (я научился бриться опасной бритвой из-за недостатка лезвий), немного наждака – порошка, кусок мочалки, чехол для зубной щетки, пару перьев и чернильные таблетки (если найдутся). Может быть, удастся эту посылку отправить обратно, свешайте ее, поэтому, предварительно.

Как я вам уже писал, у моих часов лопнула пружина. Нашелся в нашем полку «мастер», который взялся склепать ее. Пружина исправлена, но часы не идут – очевидно, неправильно собраны (маятник не сцеплен с системой колес). Сейчас часы опять у того же мастера. Исправит ли он их – дело темное, т.к. инструмента у него почти никакого нет, но надежда на это есть. Второе ваше письмо, дающее мне предлог для «побывки», еще не получил, но заранее могу сказать, что отсюда домой съездить не удастся. Вряд ли помогут и синие листки, которые я получил. Применение их ограничено (между прочим, для них обязательно нужно иметь перо и чернила).

Я уже почти окончательно потерял «надежду» на то, что меня ранит. Так воевать, как мы воюем, можно несколько лет (а их провести здесь в армии мне придется) и не быть ни раненым, ни убитым. Полк, за время моего пребывания в нем, уменьшался до половины и снова пополнялся уже 3 раза, а в нашей батарее потери всего 14%. Интересно то, что,

несмотря на летнее отступление, настроение в армии бодрое. Не встречал ни одного, кто не был бы уверен в поражении немцев. Споры идут только о сроке. Для меня, очевидно, и этот вопрос малоинтересен: вряд ли отпустят меня из армии раньше, чем я отслужу 4-4,5 года. Мне мало, очень мало улыбается пребывание в казарме мирного времени, - это даже хуже фронта. Говорят, что ко всему привыкаешь. Очевидно, когда-либо я привыкну к мысли о том, что на свободе мне не быть еще долго, но сейчас эта мысль приводит в бешенство и отчаяние. Книжки скрашивают мне сейчас существование, но и это кончится: вечно их с собой не протаскаешь.

В моем расчете, оказывается, есть человек бывший в январе 41 в Сделангерских лагерях, где сейчас находится Юрка. Рассказывает, что жизнь там ужасна во всех отношениях (по крайней мере, была). Существование голодное, плохое обмундирование, гоняют как сукиных котов и т.д. Живут в землянках огромных, вмещающих сотни людей. Были эпидемии сыпняка. В общем, молоуютное место. Послал я ему письмо. Ему там, наверное, труднее, чем мне здесь.

Много мне радости доставляют хорошие вести от вас. То, что Витька теперь может облегчить ваше положение - великолепно. Жалко маму, ее теперешняя работа причиняет ей, очевидно, много неприятностей. Не может ли положение Витки компенсировать выгоды от того, что мама имеет право на продукты как работающий человек? Но вам виднее, конечно.

Всего хорошего!

7/XII 42 г. Валентин.»

13 декабря 1942 г.

«13.12.42.

Поздравляю с тем, что тебе, папа, удалось прожить 49 лет. Как-никак, а еще год и тебе будет полвека. Этот юбилей, может быть, отпразднуем вместе. Пока могу быть с вами дома только мысленно.

Живу по-прежнему. Сидим на надоевшем уже месте и мечтаем о том времени, когда пойдем вперед.

Вашего второго письма не получил, о чем не жалею. Нет ни новостей, ни чего-либо интересного. С посылкой возиться не стоит. Посылки, высланные товарищам, не идут, вряд ли дойдет и ваша. Пишите почаще: скучаю.

Всего наилучшего.»

19 декабря 1942 г.

«Здравствуйте папа, мама, Витька и Тамара.

Из открытки вам должно быть известно о том, что, несмотря на то, что на нашем фронте идут бои, воевать мне не приходится. «Ходим в резерве». Надоело хуже горькой редьки. Дело в том, что начальство решило добиться от нас максимальной мобильности и минимальных сроков сборов. Измучили ложными тревогами. Дело дошло до того, что стали бояться разуться – посушить валенки, разобрать затвор винтовки, чтобы почистить его и т.д. Несколько раз на сутки устраиваются тревоги. Заключаются тревоги в следующем: в блиндаж врывается часовой и, задыхаясь от волнения, сообщает: «Две ракеты!!!» Раздается вопль: «Тревога!!!!». В блиндаже 2,5х5 м живут 13 человек. Нары устроены в два яруса. Снизу выползают, держа в руках вещмешок с гремящим привязанным котелком, противопогаз, плащ-палатку, свернутую краковской колбасой, подсумок, на их головы и плечи, увлекая вороха хвои, устремляются также навьюченные жители верхнего этажа. Начинается небольшая потасовка на пространстве 2х2 м, во время которой разбираются из под нар лопаты, кирки, топоры и пр., и винтовки из под потолка,

где они находятся на двух, подвешенных на проволоке, полках. Свет (коптилка) гаснет, и среди кромешной тьмы протискиваемся к дверям. На ходу «заамуничиваясь», бежим к машинам, и начинаем грузить их минами и минометами. Бывает, что после предыдущей тревоги машины еще не разгружены, тогда сразу начинается процедура заводки: вспыхивают облитые бензином моторы и в течении не меньше получаса шоферы возятся со своими «ослами». Трогаемся, проезжаем 200м и ... возвращаемся. Тревогомания дошла до того, что иногда часовые принимают сигналы соседних частей за сигналы тревоги из штаба нашего полка, и мы напрасно проделываем первую часть вышеприведенной программы (собственные сборы).

Разнообразие в нашу жизнь вносит погода. Были и сборы на передовую, но выезд не состоялся. Получили мы все валенки. И вдруг началась сильная оттепель. Это на фоне тревог и настоящих сборов на передовую (для нового наступления). Валенки промокали в несколько минут. Сходили, приготовили огневые позиции. Блиндажей не делали – нет леса на накат. Как раз в эту ночь подул ветер с севера и начало подмораживать. К утру нагнало -20 -25 град., так что нам досталось в мокрых валенках. Единственно, чего мы не получили из теплого, - это ватников. Тут мы это почувствовали... Морозы под -30 простояли трое суток, сейчас потеплело и угрожает новая оттепель. Предполагавшееся наступление обошлось без нашего участия (на нашем участке его отменили). Правее и левее двое суток грохотало. Результаты пока неизвестны. Очевидно, шло наступление на сам Ржев. Я писал, что его группировка здесь висит на бездорожной ниточке 3 км шириной. В рейде по его тылам находится наш кав. корпус и танковая бригада. Снабжение питанием и боеприпасами у него, поэтому, паскудное. Фронт его здесь имеет следующую форму:

Линия фронта растянута. В некоторых местах немцы держат «видимость» - десяток автоматчиков и пулеметчиков, бегающих по траншеям и делающих шум. Берут пленных, рассказывающих о том, что немецкие войска, которых там немало – голодают. Во время последнего наступления погода была ясная. Нашей авиации было столько, сколько я еще на фронте не видел. Картина обратная летней: сотни наших самолетовылетов и несколько его. Распушила авиация их позиции, очевидно, изрядно. Сейчас почти все затихло.

Вот все мои фронтовые новости. Перспективы на скорое вступление в идущие бои мало. Скорее всего, пробудем в резерве до 43 года.

Из писем студентов узнал о слухе: будто бы студентов спецфакультетов собираются возвращать из армии на учебу. Хорошо бы, если вы как-либо проверили это.

Поздравляю вас с удачным разрешением проблемы питания. Подозреваю, правда, что вы немного приукрашиваете действительность, дабы успокоить меня. Конечно, остро завидую Юрке, сумевшему побывать дома. У меня на это шансов почти совсем, абсолютно нет. Рад за Юрку, что ему удалось выскочить из пехоты. Про пехоту могу рассказать следующее. Во время наступления одна из наших рот вышла из окопов и пошла в атаку. Попали под огонь немцев (артиллерийский) и по ним нечаянно ударила наша Катюша. Никто не вернулся и не поднялся. Мой приятель Димка, пробыв 5 месяцев в госпиталях, попал на фронт, вновь был ранен и сейчас получил отпуск домой. Завидую. О посылке говорить не стоит – когда это письмо дойдет до вас - посылок принимать уже не будут.

Если же пошлете, джемперов не посылайте – есть перспектива получения полушубка. Нуждаюсь в портянках и носках – спалил, черт их подери. Сухари не нужны – толстею на пайке.

Желаю всего наилучшего (77)!

Передавайте привет Юрке.

P.S. Мама хорошо сделала, что выздоровела, надеюсь, что больше болеть не будет. Витьке. Учись, барбос, студентом будешь. Но смотри не попади в офицеры.
19.12.42.»

31 декабря 1942 г.

«Виноват, что не писал вам долго писем – все время на морозе, в условиях в которых писать невозможно. Сначала готовились воевать, потом воевали урывками (в обороне). Участвовали в каких-то ложных артподготовках. Натерпелся всего. Особенно плохо было во время сильных морозов (не получили до сих пор ватников). В общем, если жаловаться, то бумаги не хватит. В конце - концов, уйдя утром на передовую 15 км., и, вернувшись вечером после стрельбы, застали всех собравшимися в поход. Шли ночью до г. Погорелое Городище (35 км). Пройдя 65 км за сутки, натер (надавил) пузыри на подошве. 5 дней жили у костров в лесу. Почти не спал это время. Почти потеряли надежду на окончание этой музыки (ждали посадку на поезд) и начали строить себе более удобное жилье. Это средство подействовало. Ночью начали грузиться. Следуем в неизвестном направлении. Скорее всего - на юг. Поехали было в вагоне без нар и печки, на голом полу, но, к нашему счастью, получилось маленькое крушение (вагон наш, шедший последним, сошел с рельс) и мы получили др. более удобный вагон. Снова увижу Москву и снова с ней распрощаюсь (который уже раз!). Когда-нибудь, надеюсь, придется сказать «Здравствуй Москва», без неизбежного последующего прощания. До этого времени! Валентин.»

Январь 1943 г. ?

«Посылаю вам, не надеясь, что вы получите, две фотокарточки из многих др. найденных у убитого немца. Одна из них снимок дота в линии Зигфрида, др. – группа классических фрицев с довольно показательными физиономиями. На др. снимках (оставшихся) те же фрицы занимаются разными, очевидно, с их точки зрения интересными делами: парады, достижения в выправке (вроде строя, держащих лопаты «на караул», и пр.), снимки на экзотическом фоне – сгоревший дом, отстроенный блиндаж и т.д. Ежели цензор не пропустит их – потеря небольшая, а если пропустит, то вы будете иметь представление об их внешности, хотя бы. Почтальон утверждает, что пошли в письме даже вошь – и та дойдет. Интересно, оправдается ли его утверждение, ибо вошь хуже фотокарточек.

С посылкой вы, пожалуй, правы и я оставил мысли о ней. Вопрос о пекарской карьере Витьки. Хотя это и грозит испортить прямолинейное развитие его в интеллигента, сейчас это можно допустить. Если у него окажется сильная воля к тому, чтобы развиваться в первосортного Человека, то некоторая задержка (по-моему, она может продлиться даже несколько лет) не исковеркает ему жизни. Пусть поработает на черной работе – это ему пойдет на пользу, а домашняя обстановка будет давать ему перспективу в развитии из этого состояния. Да и облегчение теперешней жизни для него и может быть для всех нас стоит некоторых жертв. Мой голос «За!»

Всего наилучшего!

Жму ваши руки. До свидания! Валентин»

27 февраля 1943 г.

«Здравствуйте!

Столь долгий перерыв в письмах объясняется двумя причинами: недостатком времени и тем, что я терял начинаемые письма (уже 2 штуки потерял!).

Сейчас уже около двух недель нахожусь на «отдыхе». Кавычки я вам уже объяснял. Сейчас тем более вводятся строгости и глупости разного вида из-за тенденции ввести железную дисциплину (очевидно по поводу погон).

Мне так и не удалось попасть в пехоту. Был такой момент, когда в батарее оставалось 7 человек – 4 средних командира, старшина, повар и я. Меня оставили как ценного человека. За мной укрепилась слава оружейного мастера и, вообще, к моей помощи прибегали по разным поводам вроде съемки плана местности, размножения карт района действий и т.п. В это время мне пришлось одному работать за весь расчет миномета, от чего я получил большое удовольствие. Сам я собирал мины, брошенные другими батареями поблизости при переездах, привозил их на волокуше на батарею, исправлял их неисправности (оставлены они были из-за каких-нибудь мелких неисправностей), снаряжал и укладывал у миномета. Сам наводил, опускал мину и бежал к трофейной стереотрубе. В нее хорошо были видны блиндажи и дзоты противника, расположенные на склоне горы. За разрушение нескольких блиндажей командир батареи получил благодарность от ком. полка. Потом пришел приказ вернуть всех взятых из батареи обратно. Вернулись из 82 мм минометов, из противотанковой арт., несколько уцелевших из пехоты и батарея стала опять насчитывать 2 десятка человек. 16 февраля пришел долгожданный приказ сняться и идти на переформировку. А было давно уже пора: между полками оставались незаполненные участки в 700-800 м. У немцев народу на укреплениях тоже было маловато и будь у нас больше сил, то можно было бы продвигаться. Наводчиками пулеметов немцев были офицеры (из-за недостатка солдат), в контратаки ходило несколько десятков автоматчиков, пленные говорили об нехватке солдат, чтобы занимать все укрепления. Здесь проходила вторая линия обороны, построенная заранее. В стереотрубу видно, что у блиндажей стоят скамейки, турники и т.п., устроено довольно большое кладбище. Видел я идентичный занятый участок этой линии обороны – огромные дзоты, пулеметные точки из сваренных бронеплит, блиндажи с несколькими накатами из рельс. За ними в лесу целый город: срубы, не уступающие по величине деревенскому дому, обваленные на метр – полтора землей, с накатами на крыше, внутри полы из досок, обои на стенах, железные койки. Жили как в обычной деревне.

Отдых наш приближается к концу. Через несколько дней снова на передовую. Сейчас стоим в лесу в десятке км. от передовой. Выстроили блиндажи вроде немецких, описанных мной только что, получили пополнение - молодежь, вернувшаяся из госпиталей, почти все из гвардейцев, народ хороший, с таким воевать будет весело. Вновь получили, сданные было, минометы.

Погода меня удивляет – очень часто оттепели, снега мало и он почти весь стаял. Похоже на то, что весна уже наступила. Вынуждены иметь и валенки и ботинки, одевая то одно, то др. Ожидаю отправки на передовую с нетерпением. В пехоту брать больше не будут, есть на это специальный приказ, а быть минометчиком неплохо и даже интересно. Пугает только наступающая весна, и даже лето. Потонем мы здесь.

Не думайте, что большие перерывы между моими письмами признак того, что я забыл о вас и о доме. Все так же часто приходят на ум и то, как вы живете и мечты увидеть вас вновь. Пишите мне почаще – ваши письма для меня событие, которого я жду с нетерпением. О скором возвращении домой думать, по-моему, не приходится, но побывать дома в конце-концов придется, конечно.

Всего хорошего!

До свидания!

27/2 43 г. Валентин.»

12 марта 1943 г.

«Приветствую!

Жаль, что вы не получаете моих писем, т.к. я на них трачу много усилий. С 4.1.43 по 13.2.43 прорывал блокаду Ленинграда. После этого вышли на отдых. Сейчас находимся на марше – идем на передовую. Воевал под Синявино, сейчас наверно опять туда. За последние бои получил медаль «За отвагу». Сейчас я занимаю довольно неожиданную должность писаря и адъютанта нач. артиллерии полка. Работа нетрудная, но, наверное, я не выдержу и опять пойду в минометчики (это мне кажется более интересным). Весна здесь уже началась. Не унываю. Как будет время, напишу подробное письмо (которое возможно и пропадет). Надеюсь, что хоть эта открытка дойдет. Всего наилучшего.

Пишите, как дела (и с питанием).

12.3.43 г. Валентин.»

3 апреля 1943 г.

«Здравствуй Юрка!

Получил твое спаренное письмо, доставившее мне много удовольствия, и даже удивившее меня тем, что в нем содержится изрядная доза тепла, о существовании которого я в тебе, признаться, не подозревал. Пока мы жили вместе, я считал тебя несколько суховатым человеком. Не обладающим (почти совсем) тем, что называется мягким характером (обладателями которого являются разные там лирики, мечтатели пр.) Очевидно война и те условия, в каких ты побывал, создали в тебе кое какие изменения, которые, как мне кажется, улучшили твой характер.

После этого философского характера вступления начинаю, во исполнение твоей просьбы, описание фронта и моей жизни на нем. Пребывание на фронте делится на два вида: или находишься на формировке в ближнем тылу (до 20 км от передовой), или на передовой. Когда находишься в тылу - мечтаешь поскорее на передовую, где нет подкручивания гаек, опостылевшей жвачки обучения пополнения, недосыпания и недоедания, изнуряющих походов по 50-60 км за переход, и, вызывающих в душе желание кидаться на людей, бессмысленных работ разного рода – постройка шалашей для саней, подметание леса и т.п. вещи, одно воспоминание о которых вызывает злость. Конечно, дураки мы были бы, если не находили выходов и лазеек, через которые облегчаешь вышеперечисленные пакости, и обычно, пробыв в тылу с полмесячишка и более, привыкаешь (к чему только не привыкаешь!) и уход к новым приключениям воспринимается как уход из дома. Вообще, домом для меня становится каждый шалаш или блиндаж или даже место, по которому приходится бегать несколько суток, согреваясь от мороза, кусающего за ноги.

Приходит, всегда внезапно, время идти в бой. Наша дивизия относится к тем, которым все время приходится принимать участие в предпринимаемых наступлениях. Мне же за полуторагодовое пребывание на войне, из которого половину времени пришлось провести на передовой, ни разу не пришлось находиться в отступлении и очень мало в обороне. Поэтому нам и достается больше (на орехи, конечно), чем если бы мы стояли в обороне.

С 12 января воюю на (Вычеркнуто цензурой. Ред.) фронте. Прорвал блокаду (Вычеркнуто цензурой. Ред.), причем именно наш полк соединился первым с (Вычеркнуто цензурой. Ред.) фронтом. Соединившись - встали под (Вычеркнуто цензурой. Ред.), и делали попытку прорвать вторую линию обороны немцев, чтобы освободить ж.д. (Вычеркнуто цензурой. Ред.). Всю глубину оборонительной линии нам прорвать не удалось. За месяц наступательных действий с ежедневным хождением в атаку народу у нас (особенно в пехоте) по выбыло (Вычеркнуто цензурой. Ред.), так что начали людей занимать и у нас у (Вычеркнуто цензурой. Ред.). В результате под конец в (Вычеркнуто

цензурой. Ред.) у нас осталось 6 человек на два (Вычеркнуто цензурой. Ред.). Мне пришлось работать за весь расчет. Прямой наводкой (мы стояли на торфоразработках, а немцы на склоне горы) я лупил по фрицам в одиночку (Вычеркнуто цензурой. Ред.). Мины приходилось собирать в окрестностях и др. более богатых (Вычеркнуто цензурой. Ред.), выбрасывающих мины с небольшими изъятиями. Я их восстанавливал, притащив на лодке для перевозки раненых на огневую позицию, сам готовил данные для стрельбы, наводил, производил выстрел и корректировал огонь через цейсовскую трофейную стереотрубу. Короче говоря, в бою я получил медаль «За отвагу», а мой ком взвода «Красную звезду». Бои под Вычеркнуто цензурой. Ред.) показались по сравнению с «цветочками» (Вычеркнуто цензурой. Ред.) фронта довольно зрелыми ягодками. Артиллерии здесь было и у нас и у немца до черта, и она не стояла даром. Через неделю после того, как мы заняли торфоболото, на льду выработанных карьеров, на которых снег сдувало, не было места умещавшего ладонь, на котором не было бы впаянных в лед осколков и пуль (они горячие при падении и втаивают на см. в лед), через каждые 10-15 м валяются неразорвавшиеся снаряды калибром от 20 мм до 305 мм. Уцелеть в такой обстановке конечно дело случая и поневоле начинаешь немного верить в фатум. Раз меня искупал в карьере упавший в 5-ти м «чемодан» 205 мм, взломавший лед в R=10 м, другой раз снаряд разбил (разнес) торфяную кучу, за которой было построено наше жилище из снежных глыб, обвешенное изнутри трофейными немецкими одеялами, причем 5 человек и я, спавшие в нем, отделались легким испугом и рванными шинелями. После восстановления дома, новый снаряд пробил стенку и наподобие гоголевского свиного рыла в Сорочинской ярмарке, покрутившись на середине, вызвал среди нас не меньший описываемого там эффекта.

Из воспоминаний: *В Синявино на болотах был случай. На батарее осталось всего несколько человек. Всех остальных поубивало. Я вернулся с переднего края, куда нас посылали впереди пехоты. Сижу в землянке (точнее в торфянке, потому, что она сделана из торфа) и пью чай (трофейный в пакетиках с добавками). И вдруг, в землянку, проломив стену, влетает снаряд, покрутился у моих ног и остановился. Оказалось, что снаряд был наш, а не немецкий. При выстреле медный стабилизирующий поясик иногда срывался, и снаряд терял ориентацию и летел, кувыркаяс, с характерным звуком: «фу-фу-фу...». Если он падал удачно, то взрывался, а если нет, то рикошетировал и иногда на третьем прыжке взрывался. Но этот долетел до самого конца, залетел ко мне в землянку и не взорвался.*

В этом месте пытались выскочить попавшие у Шлиссербурга в окружение немцы, и наш полк наколотил их кучами. Все поле 5х3 км было сплошь усеяно немцами и содержимым выпотрошенных немецких ранцев. Я почти ежедневно отправлялся по трофеям (бумага и конверт из числа трофеев, как и все почти мое имущество сейчас). В одной из таких прогулок, упавший, но, к счастью не разорвавшийся, снаряд, чуть не попал мне по пятке. «Свой снаряд (тот который убьет тебя) никогда не услышишь», - говорят на фронте, и действительно, снаряд, летящий прямо в тебя, нельзя расслышать, т.к. летит он по прямой и быстрее звука. Но, мне повезло, и я пока жив и не имею почти никаких повреждений. Выйдя из боев, месяц протаскались по лесам на формировке. Мне пришлось увидеть и Ледовую дорогу через Ладожское озеро: 4 широких дороги для машин, ж.д. линия, линия электропередачи. Через два дня после соединения фронтов, через болота была проложена ж.д. широкой колеи по пути прежних узкоколеек торфоразработок, тянущихся здесь на добрый десяток км. Сначала по ней со скоростью вола ходил паровоз с балластом, но когда, отходя с передовой, мы проходили через нее, нам попадались эшелоны в 100 вагонов. А сейчас вот уже две недели я опять на передовой, опять наступаем. Лес, болота, не знаю, что хуже и чего больше. Если под (Вычеркнуто цензурой. Ред.) огонь, под

которым мы были, был ягодками, то по сравнению с тем, под которым мы сидим, он опять сводится на положение цветочков. За три дня, которые мы стоим сейчас перед рубежом, проходящим через болота, на др. берегу которого стоят немцы, от леса, окружающего нас, остались одни огрызки. В поле малейшая ямка – спасение от осколков, а в лесу без блиндажа с накатами - пропадешь (половина снарядов рвется на деревьях). Если нам достается от артиллерии, то каково же немцам, если у нас артиллерии в несколько раз больше. Один наш полк поддерживают 2 арт. полка, 12 А.П., один минометный полк, танки и еще что-то. Дело доходит до того, что полк 120 мм минометов придается одной роте! Из-за того, что (Стерто цензурой. Ред.). Замечательно то, что все гибнут на боевом посту у минометов во время ведения огня. Огонь немцев постепенно с каждым днем слабеет. Очевидно, боеприпасы у него поизрасходовались, а новые подвозить при таком расходе нелегко. Такова обстановка, в которой я нахожусь. Можно было бы много писать о нашем быте, о войне, о новых видах оружия и т.п., но боюсь, что такое письмо не дойдет. Напишу обо всем этом на отдельном листке бумаги, который уважаемый т. цензор может по своему усмотрению выбросить или оставить. Слов нет, агитация у нас поставлена хорошо и много находится (я бы выразился покрепче) желающих попасть сюда к нам. Запомни, что ничего привлекательного здесь нет, а что есть - то с лихвой покрывается опасностью и страданиями. По-моему ты не романтик, чтобы увлекаться романтическими чертами, которые здесь умудряются находить борзописцы. Но, по общему мнению (а не только моему), выражаемому каждым последним пехотинцем, действия, которые похожи на героизм, имеют причиной то, что «никуда не денешься». Брось думать о том, что тебе надоело «ошиваться» - конца войны не видно, «она не достигла своего кульминационного пункта» (Черчилль), и тебе еще успеет надоест на фронте. Самому от хорошего к плохому бегать не стоит.

Тебе повезло, и я действительно очень завидую. Мечтаю в случае ранения попасть домой. Напиши мне о порядках в тылу, возможно ли проделать то же самое, что удалось мне прошлой зимой. Затруднено ли движение по ж.д., много ли милиции на вокзалах и как она относится к раненым, отставшим от эшелона. Хорошо бы послушать пластинки через адаптер. Иногда приходится (редко) услышать хорошую музыку по утрам, но с примесью треска автоматов и помех от арт. стрельбы (передают через установки агитацию для немцев пополам с музыкой). Как играет музыка - все затихают, как начнет говорить - начинаются помехи.

Попасть в отпуск домой, конечно, утопия, неосуществимая до конца войны, да и то, если война кончится не ранее полутора лет (к этому сроку я отслужу свои три года). Жалко и то, что пропадет то время, которое успел проучиться в институте. После окончания этой петрушки придется убить много времени на повторение, ибо уже сейчас почти все перезабыл.

Перед этим боем я, было, переменял свое положение в армии. Прежний наш ком. (Вычеркнуто цензурой. Ред.), став начальником (Вычеркнуто цензурой. Ред.) полка, взял меня, по причине своего малого общего образования, в должность правой руки и секретаря. За последнее время я стал изрядно разбираться в (Вычеркнуто цензурой. Ред.), изучая ее на трофеях, и по наставлениям (от нечего делать). Пробыл я в этом положении около двух недель, почти ничего не делая, живя с начальством в хороших условиях, и т.п. Но перед самым боем моего покровителя схватил аппендицит и я опять вернулся на прежнее место. Правда роль моя несколько изменилась за последнее время. Еще в боях под (Вычеркнуто цензурой. Ред.) ком. (Вычеркнуто цензурой. Ред.) поставили бывшего к-ра минроты, состоящей из 82 мм минометов. С тех пор и поныне я выполняю работу по подготовке данных для стрельбы. Т.к. я сейчас единственный человек (Вычеркнуто цензурой. Ред.) знающий это дело (тем более, что из 6 ср. ком. осталось 2), то меня ценят

и берегут. Людей у нас сейчас маловато, остались почти только мл. командиры, среди которых я выделяюсь тем, что меня не посылают на передовую починять под огнем беспрестанно рвущуюся связь и на т.п. работы, дабы сохранить меня. Вот и сейчас все ушли (ночь) делать накаты на Н.П. в ста м от немцев, а я сижу у телефона с прибинтованной к голове трубкой.

Как я живу, чем занимаюсь, как питаюсь в настоящее время? После того как нас попугали снаряды, построили себе блиндаж с 3 накатами из бревен 30-40 см. Устроен он на песчаной высоте среди болот в 800 м от немцев. Внутри все стены и потолок обтянуты плащ-палатками, на нарах десятка два немецких одеял, буржуйка перед входом в блиндаж с дверью из одеяла, винтовки, автоматы, гранаты, ящик с винтовочными и ящик с автоматными патронами и барахло. Рядом блиндаж, в котором живут лошади, в 20 м два миномета и мины в яме. Земля лежит толстым слоем, так что и снега не видно, через 2-3 м - воронки. Спим мы здесь, конечно, когда можно и сколько хотим. Вылезешь утром, почешешься на солнышке, выпустишь десяток мин, почишишь свою СВТ, запорошенную за ночь песком, попробуешь ее, возьмешь и попробуешь автомат (кроме винтовки у каждого подобран автомат – на всякий пожарный случай, - которым можно владеть только на передовой, т.к. в тылу их у нас отбирают). Связной приносит с КП газеты. Возишься у мин, сходишь вокруг по трофеи (не отходя далее 10 м от канав и блиндажей). Все это, то и дело, прерывается обстрелом или бомбежкой. С кормежкой, как всегда, на передовой обстоит хорошо. Хлеб и сухари в избытке, так что его накапливаются мешки, суп и каша - сколько желаешь, сало шпик я уже есть не могу, водку я не пью, но те, кто пьет, пьют ее так, чтобы только не напиться, махорки стоит мешочек кг. на 2-3. Кроме того, имеем неограниченное количество конины, валяющейся тушами (в день их убивают на «дороге смерти», проходящей мимо нас на передовую, несколько штук).

На этом фронте впервые встретился с так называемыми (нашей прессой) немецкими многоствольными минометами. Это, по существу, наши видоизмененные Катюши и Андрюши. Под (Вычеркнуто цензурой. Ред.) немецкие «ишаки» (их прозвали так за то, что их выстрелы очень похожи на рев осла) засыпали нас своими минами осколочного действия (здесь он бьет по нескольку раз в день минами покрупнее) и фугасного действия. Тайна ракетного оружия утеряна и на фронте уже не соблюдается. Снаряды Андрюш и Катюш лежат штабелями безо всякой охраны, очень часто на месте где давался залп бросаются мины. Дело доходит до того, что мы целые полмесяца растапливали печки порошинками (палка с дыркой диаметром 30-40 мм) из ракетных частей Андрюш, разбитых снарядами возле нас.

Приехал старшина, который забирает письма. Приходится кончать.

Жму руку!

Жду писем от тебя. Если дойдет письмо, напиши о цензурных изменениях в нем.

Всего наилучшего!

3.4.43 г.»

18 апреля 1943 г.

«Здравствуйте!

Вышли из боя на отдых. В бою написал вам одно письмо, но т.к. почтальона не было, то пришлось передать его с ранеными, надежды, что оно дойдет невелики. Поэтому буду описывать события так, как будто его я и не писал.

В предпоследнем письме я сообщал, что попал в роль адъютанта и писаря начальника артиллерии полка. Мои обязанности отнюдь не имели в себе чего-либо похожего на обязанности лакея – я выполнял за своего «хозяина» то, чего он не мог быстро или хорошо сделать по причине своего малого общего развития. Начав войну бойцом, он сейчас

капитан и вскоре должен стать майором. Быстро идя наверх по чинам, он не мог так же быстро получать необходимые знания. За два дня до вступления в бой у него начался приступ аппендицита, и он был отправлен в госпиталь. В бой я вступил без определенных обязанностей. Наступали. Бой шел в лесу и болотах, среди которых встречались песчаные возвышения. Специфики лесного боя мы не знали, за что жестоко поплатились, потеряв только убитыми 7 чел. Таких потерь мы никогда ранее не имели. На открытом месте каждая яма спасение, а в лесу осколки летят под всевозможными углами сверху. Фраза эта писалась 12 дней, в течение которых не мог найти времени и условий для составления очередного послания. Но, придя к выводу, что писать подробно это значит добиваться, чтобы письмо не дошло, решил свои послания сократить. В бою были 15 дней. Отделался разбитым каблуком. Пришлось опять в одиночку возиться у миномета. Началась весна, растаяли трясины и все превратилось в болото. С передовой возили минометы на волокушах применяемых для перевозки раненых. Вышли из боя и сразу начались слухи, что куда-то поедет. Все, конечно, ждали вырваться из этих болот, так, что, когда действительно погрузились и поехали, то радости не было границ. Поехали на юг. Я уже предвкушал удовольствие от созерцания Москвы, но на полдороге мы свернули и выбрались по новой дороге, которых здесь за зиму построили черт знает сколько, на Октябрьскую ж.д. и поехали на север. Высадились, не доезжая Чудова, и забились в лес. Построили себе дома, самые настоящие срубы, и ждем пополнения. Настроение упало, т.к. воевать здесь ужасно трудно, и нет надежды на скорый уход с этого фронта. Получил ваши письма с просьбой описать свой быт, свое имущество.

Одет я хорошо, по местному климату даже жарко. Питаемся неплохо, достаточно сказать, что почти никогда не испытываю недоедания. Когда находимся на передовой, то питание не оставляет желать лучшего. Каша и суп вволю, сухари и хлеб неограниченно. Объевшись сала в первые дни, потом его почти не ешь, водка, которую я еще не пью, и надеюсь, что выдержу марку в будущем, идет в таком количестве на пьющих, что они сдерживаются, чтобы не выйти из рамок, т.к. в бою трезвая голова нужнее всего. Даже когда находимся на формировке, накопленного на передовой жира хватает на полмесяца.

Имущество мое: спальный меховой мешок, плащ-палатка, винтовка СВТ, приспособленная к стрельбе очередями, противогаз, вещмешок, в котором пара белья из посылки (получил которую я в бою под Синявино), носки и перчатки оттуда же, кусок шелка из парашюта около 5 м² – на носовые платки, папка с бумагой и конвертами, коллекция фотографий, две книжки, сохранившиеся до сих пор из посылки с книгами.

18.4.43 г. Валентин.».

4 июня 1943 г.

«Привет! Живу так же. Лето оказалось неожиданно хорошим. Дожда почти не было. Тепло, комаров развелось до черта. Приходится все время проводить в дыму – жжем тряпки, шишки и т.п. пакость. В некоторой степени спасают заморозки, после них некоторое время комаров не видно. Наступили белые ночи. Их и северное сияние еще зимой я видел в (Вычеркнуто цензурой. Ред.) обл. За это я ей благодарен, в остальном об ней у меня сохранится самое плохое воспоминание. Получили автомашины и стали моторизованной батареей. Ходим на ночные тактические учения, и машины спасают нас от десятков километров, которые нужно было бы топать. Приближается конец отдыха. (Вычеркнуто цензурой. Ред.). Поэтому надежд на перемену климата мало. Тыл снабжает армию очень хорошо, за что ему спасибо. Техники до черта. И все же, боеприпасы берегут – очевидно, для чего-либо серьезного.

Пишите, как ваше хозяйство поживает? Как работа?

Как двигается работа у Витьки и т.д.

Всего наилучшего!

4.6.43 г.»

23 июня 1943 г.

«Здравствуйте! 23.6.43 г.

Почти месяц не получал писем от вас да и вам не писал. Причина этому то, что связь с внешним миром у нас временно потеряна. Кончился период учебы на месте, и начались походы, перемежающиеся с большими тактическими учениями. Передвинулись км на 200. Все время погода, противореча тому, что рассказывают старики этого фронта, стоит прекрасная, большинство болот высохло, остались только непроходимые трясины. Да и пришли мы в такую местность, где места более или менее возвышенные. Жизнь отравляют комары (когда прохладно) и оводы (в жару). Такого количества комаров, которое перебил я за 2 месяца здесь, вы все вместе взятые не перебили за все время своего существования. Как-то, сидя на политзанятиях, я убил на своей многотрадной физиономии за час 380 штук местных тигров. Пришли почти на то же место, на котором воевал зимой и, очевидно, придется воевать там же, где я был в январе-феврале. Пробыв в батарее ровно 1 год, 1 месяц, 1 день и 1 час, я был переведен работать 18 июня в штаб полка и сейчас я ВРИО топограф полка (а, может быть, останусь им еще довольно долго). Пригодилось умение срисовывать, которое я приобрел, срисовывая «кадилаки» и «шевроле». Работа не трудная, но пока я к новому месту не привык и мечтаю возвратиться в батарею, ставшую за год родной. Всего наилучшего! (До свидания писать не могу из-за запутанности ситуации) Валентин. 23.6.43.»

5 июля 1943 г.

«Здравствуйте!

Опять, как прошлым летом, болтаемся в резерве. Я же теперь попал совсем в спокойное место. Не знаю, получили ли вы мои открытки, в последних из которых я сообщал об изменении своего положения. Мне кажется, что вы или успокоились, получив такое сообщение, или наоборот считаете меня мертвым, т.к. вот уже 2 месяца не получал от вас ни слова.

Ныне я полковой топограф. Рассматриваю это состояние как временное – скоро должен вернуться топограф, бывший ранее, - он находится сейчас на сборах. Тогда я или вернусь в свое старое положение командира тяжелого миномета, или останусь в штабе полка помощником топографа, или опять попаду в прежнее положение внештатной правой руки начальника артиллерии. Все три варианта вполне устраивают меня.

Живем по-прежнему в лесах. Только недавно окончилась серия двухсторонних учений, начавшихся еще в конце мая. К нашему счастью погода все это время стояла удивительно хорошая (по здешним местам). Сейчас стоим на месте. Я вам сообщал, что весной мы, было, отправились на южный участок этого фронта, чуть не на то место, где я воевал зимой 41-42 г. В конце мая снялись оттуда и пришли к тому месту, где высадились в январе этого года, оттопали около двухсот км. Нельзя сказать, что этот поход прошел для меня безболезненно. На одном из участков, где мы проводили учения, и сошли с магистралей на проселок, нас застал дождь. Два дня мы тащили автомашины, на которых перевозили свои минометы, 7 км по раскисшей дороге, а потом форсированным маршем догоняли свой полк, ушедший вперед на 80 км. Не знаю, имеете ли вы представление о настилах (поперечных и продольных) и о ходьбе по ним. Здесь такие дороги составляют большую часть фронтовых дорог. Эти чертовы настилы надолго войдут в сознание наряду с представлением об орудиях инквизиции. К чудесам севера, которые пришлось увидеть ранее, - ледовой дороге через Ладогу, северным сияниям, ленинградским болотам весной,

лосям и т.п. – прибавились белые ночи. Эти чудеса, вернее интересные явления, которые вряд ли бы я увидел при прежней довоенной жизни, дают немного утешения в том, что проходят лучшие годы жизни в прозябании. Фронт стабилизировался, война вошла в позиционную фазу, а что это несет с собой, знакомо мне по литературе о прошлой мировой войне. В конце-концов мое прежнее представление о войне, как о жизни среди земляной жижи, кажется, оправдывается. Временно война переходит в войну тылов и ресурсов. Конечно, это дает уверенность в нашей окончательной победе, в ее неизбежности, и это радует, но ожидать скорой и легкой победы в такой войне не приходится. Это не пессимизм, а вывод постепенно сложившийся за все время войны. Помнишь папа, ты утверждал, что долго такая война не протянется, я тогда, кажется, спорил с тобой – я оказался прав. Сейчас я на распутье – или пойти по пути наименьшего сопротивления, что при создавшейся обстановке нетрудно, или продолжать держаться прежней тактики, рассчитанной на страховку от оставления на военной службе после окончания войны. Выбором дальнейшего пути и занята моя голова в белые ночи. Пожаловаться на свою потерянную жизнь не могу. Сплю сейчас вдоволь, что компенсирует некоторое ухудшение для меня питания. Много свободного времени (по существу, никаких обязанностей регулярно не выполняю – несколько раз в день напишешь листок бумаги, выдашь или примешь несколько карт, и т.п.). За прошедший год, после того, как я последний раз видел вас, тоска по дому несколько притупилась, а раньше она мучила как зубная боль. И как-то не верится, что существует дом, в котором все осталось по-прежнему, даже представляется с трудом, что существуют такие вещи как постель, ванна, уют, музыка и книги в неограниченном количестве...

Интересно, собирает ли мама и хранит ли мои письма? То-то будет весело почитать их все вместе как-нибудь после войны. Прошу вас писать почаще - радость при получении писем от вас огромна, каждый день ждешь прихода почты с надеждой, что и мне будет в ней что-нибудь. Получив несколько писем, первым делом читаю ваше и отвечаю вам в первую очередь. Я писал вам уже, что, чем чаще приходят письма от вас, тем чаще и я пишу, так что от вас зависит моя активность. По-прежнему очень хочется получить письмо, написанное Витькой – что он чудак стесняется, да, пусть, в конце-концов, учится писать письма. Я тебе, поросенку, делаю последнее предупреждение, после того, как оно на тебя не подействует, то я прошу папу применить к тебе все возможные методы принуждения. Посылаю вам несколько карточек самого невинного содержания и свою физиономию, которую раз я уже забыл вложить в конверт. Да! Забыл вам рассказать, что оказывается в (Вычеркнуто цензурой. Ред.) обл. можно заразиться, как и в Сибири, энцефалитом, но говорят, что случаи этой интересной болезни редки.

Желаю вам всего наилучшего! Надеюсь, что ваше хозяйство оправдает надежды, которые вы на него возлагаете. (Попробовали ли вы раствор КМпОст для ускорения роста овощей?)

Жму руки. Жду писем от вас и от Витьки.

5.7.43 г. Валентин»

24 июля 1943 г.

Здравствуйтесь!

Кончились учения, кончились ожидания и мы сейчас стоим в (Вычеркнуто цензурой. Ред.) от передовой. Впереди идет бой – наши прогрызают оборону немцев. Скоро придет черед и нам вступить в бой. Нам придется, очевидно, развивать успех. Воюем там же, где были зимой и весной – снимаем угрозу возобновления блокады. За прорыв блокады нас причислили к частям, оборонявшим Ленинград и я на днях получил медаль «За оборону Ленинграда». (Вычеркнуто цензурой. Ред.) начнут активно действовать, наша армия

сможет погнать немцев довольно быстро. В лучшем случае, увижу вас примерно через год. Так что, осталось терпеть уже немного. В том, что свидеться придется, сомнений нет. Писать много не о чем. После боя или в бою напишу вам побольше.

Пишите мне почаще! Больше месяца от вас нечего нет. Жду. Передавайте привет Юрке. Всего наилучшего!

Валентин. 24.7.43 г.

???

...Извините, что не могу написать большого интересного письма – хочется очень спать, но весточку я вам все же посылаю... Последнее время, в связи с подготовкой к наступлению, работы на меня свалилось много: склеил более 1000 листов карт,...сложил...и раздал, удовлетворив весь полк. Только, что кончил всю эту работу...»

26 июля 1943 г.

«Здравствуй Раечка! 26.7.43 г.

Писал тебе большое письмо, но события заставили бросить его недоконченным, и я в конце-концов потерял его. Вот-вот мы должны сменить действующие впереди части. Воевать будем на том же участке, на котором были зимой. Бои предстоят очень жестокие. За три месяца, проведенные в тылу, отвык от передовой, приходится вновь привыкать (так в начале каждого боя бывает). Ждал письма с твоей фотокарточкой, кажется получить не удастся – замотают его пока будем в бою. Напиши мне – что известно Люсе о нашей любви. Говорить ей что-нибудь мне кажется излишним.

Когда я гляжу на Полярную звезду, я всегда вспоминаю о тебе, а ты?

Всего наилучшего. Целую. Валентин.»

21 августа 1943 г.

«Здравствуйте!

Ваши письма все приходят с уверениями о моей неаккуратности. Отчасти это и верно – пишу я письма сейчас редко – много приходится бегать, выполняя свои обязанности.

Стоим все в том же положении – готовности в любой момент вступить в бой. Сколько можно так стоять?

Только, что началась артподготовка. Начало – сигнал к ней, поданный дирижером – «Катюшей». Сейчас же за ней забарабанили залпами батареи и басом заскрежетал «Андрюша». Через минуту звуки разрывов их мин заглушили звуки выстрелов, и только залпы тяжелых батарей еще можно различить. В нашем надземном блиндаже с потолка сыпется сквозь щели хвоя, несмотря на то, что находимся в 6 км от разрывов, «трясутся потроха» - отдаются в животе разрывы сотен кг взрывчатки. Вместе с началом артподготовки прилетели штурмовики группами по 6-8 самолетов. Передний край сейчас весь закрыт дымом и пылью. Артподготовка продолжается час. Потом гром и рев умолкают и только гул моторов от десятков самолетов да редкие выстрелы нарушают тишину. На горизонте стоит лиловая стена дыма высотой 1,5 км и за ней черные кляксы разрывов зениток. Немецких самолетов не видно все время, которое мы находимся здесь. Редко высоко пролетит невидимый глазом разведчик или пара «мессеров», вывернувшись из-за туч, рванется за штурмовиками. Сейчас же затарахтят зенитки и патрулирующие ЯКи пойдут за ними. Небо звенит, там, как бы, летают большие осы – осколки. Любопытные, вылезшие поглазеть, лезут в блиндажи или становятся к деревьям. «Мессера» отворачивают и, газуя, так, что за ними тянется дымный след, на бреющем полете жмут назад. Недавно сюда перебросили эскадрилью истребителей с орловского направления. Сбитый командир эскадрильи показал на допросе, что из его эскадрильи

осталось только 3 шт. ФВ-190. Я иду в батальоны – выдавать ротным азимутчикам компаса, карты, транспортиры и пр. нехитрый инструмент. Оттуда на обратном пути делаю крюк и захожу на разведанное ранее место – запастись витаминами. На заросшей мелкими осинками поляне, на кочках растет брусника. Ее тут до черта – собираешь горстями. Но брусника скоро набивает оскомину, и я отправляюсь за малиной. Начинает моросить дождь. Закругляюсь, и направляюсь по азимуту «домой». Дождь разошелся не на шутку, и я прихожу в помещение, где находится штаб, промокшим. Из дивизии сообщают об результатах наступления – заняты две линии траншей, проходящие через бывшую деревню. Пленные – офицер и 3 солдата – показали, что в результате артподготовки их полк, пришедший сюда вчера, потерял 50% состава. Окопы завалены трупами. Не помогают даже лисьи норы – их засыпает от мощных разрывов «Андрюш». С наблюдательного пункта сообщают, что немцы 2 раза ходили в контратаку. Они отбиты. Постепенно оживают батареи противника. Раздается вопль «иаа-иаа» шестиствольного миномета. Под дождем в глинистой жиже идет траншейный бой. Война здесь сейчас почти совсем приближается к описаниям Барбюса и Ремарка. Когда пойдем в бой неизвестно. (Продолжаю через 4 дня.) Начинаем обстраиваться. Ходят слухи, что нам так и не придется повоевать здесь.

Получил от вас письмо с описанием состояния ваших дел. Совет, который вы просите дать, я не дам, т.к. он бесполезен заведомо опоздав, т.к. вам виднее и т.к. весь ваш переезд воспринимается мной как катастрофа в моих воспоминаниях. До этого мысль о доме ассоциировалась с горящей лампой на письменном столе, уютным полумраком и приемником с освещенной шкалой. Теперь уже невозможно будет представить себе дом и вас на его фоне. Для вас переезд, наверное, тоже катастрофа, но реальная. В теперешних условиях это, очевидно, равносильно большому пожару. Как разрешается проблема огорода в связи с переездом вы не написали, а это меня очень тревожит. Рассматривать квартирный вопрос в связи с моим и Юркиным приездом, мне кажется, нельзя. Срок возвращения еще очень далек. Сейчас я встал на позиции предсказывающих затяжную войну – войну полупозиционную, наподобие той, которая идет здесь у нас. Здесь, на отвоеванной земле, не осталось ни клочка нетронутой земли. Если через такую мясорубку пройдет территория, которую мы будем проходить, то она превратится в глиняную пустыню.

Сейчас мне представляется возможность пойти на краткосрочные – 2-3 мес. курсы на полкового топографа с переходом потом в артполк. Получу в результате их звание мл. л-та. Если бы не мои убеждения – предложение заманчивое. С вашей точки зрения – сохранение жизни и удобства ее – это идеальный случай. Окончательно я не решил еще ничего. Очевидно, получится что-нибудь неожиданное для самого меня, как обычно со мной бывает. Думаешь, думаешь, а потом и брякнешь что-нибудь ничего не имеющее с принятым заранее решением. Терзаться за меня, за то, что мне приходится жить в трудных условиях вам не стоит. Когда они встречаются, переносишь их, т.к. деться некуда – хоть и рад бы помереть, да не умираешь, - а потом об этом скоро забываешь и вспоминаешь как о чем-то забавном. Вообще же, мы на войне уже приспособились и научились устраиваться во всех условиях.

Ваши затруднения с провалившимся погребом, кажутся странными по сравнению с теми блиндажами, которые мы здесь роем. Когда я к вам приеду, то построю вместе с Витькой такой погреб, что в нем можно будет жить – так как мы живем сейчас. Ваши предположения относительно опухшего вида на фото – будто это от холода – неправильны. Это результат питания в бою. Мы были в ударной армии, получали зимнюю повышенную норму, а т.к. потери были каждый день, то пищи было вдоволь. У меня есть к вам одна просьба. Если можно достаньте пружину от часов, которые у меня стоят, и

пришлите ее ценным письмом или, закатав в рулон бумаги, бандеролью. Мне уже вставляли две пружины (склепанные), но часы каждый раз, походив после починки неделю, опять становились – лопалась пружина.

Очень больно читать твои папа жалобы на старость. По-моему, это не старость, а временное явление – результат переутомления и недоедания. То, что мама изменилась – вполне естественно, мы ее восстановим, когда опять соберемся все вместе.

Всего наилучшего!

Жду писем от Витьки.

21.8.43 г. Валентин.»

1 сентября 1943 г.

«Здравствуйте! 1.9.43

Ты потерял мой адрес, - со мной случилось то же самое. Получил от тебя «секретку» с описанием твоей хорошей жизни. Действительно – тебе очень повезло. 23-летний парень, не находящийся на бронированном месте, и до сих пор не побывавший на фронте, с точки зрения фронтовика – вещь почти невероятная. Рад за тебя и завидую – главным образом из-за того, что у тебя есть возможность каждый день слушать радио, которого я не слышал больше года, исключая передачи громкоговорящих установок на передке для немцев, каждый день ты возишься с техникой, имеешь свободное время, которое используешь по своему усмотрению. Об таких вещах я могу только мечтать пока. Самое же главное – возможность попадать время - от времени домой. Я задумал на этот счет одну авантюру. Штабу полка требуется машинка (для печатания). «Они» даже согласятся отпустить в командировку для покупки печатной машинки – где-нибудь по знакомству. Одновременно с письмом тебе, пишу письмо домой с просьбой найти продажную п. маш. Если таковой не найдется, то, все равно, можно под этим предлогом, получив из дома письмо с заверениями - машинка есть (для предъявления начальству веского предлога для командировки), попытаться, оперируя им, добиться командировки. Причин же, по которым машинка может оказаться купленной у меня из-под носа, – множество.

Мое положение в скором будущем даст возможность осуществить этот план.

Не помню точно, когда я писал тебе последнее письмо, т.ч. в моем повествовании о своей жизни может получиться или накладка или разрыв.

22 июля мы прибыли к фронту (понятие фронт очень растяжимое – в данном случае – в зону артогня = 5 км). Готовились схода вступить в бой, но потом раздумали. Целый месяц здесь шло артиллерийское и авиационное наступление – пехота не наступала, а если наступала, то не очень активно – постольку - поскольку нужно было использовать результаты артогня и бомбежек. Здесь попросту поставили мощную кровососущую банку, которая помогала военным действиям на юге. В газетах сообщалось об арт. мин. перестрелке на нашем фронте. В действительности, здесь каждый день один или два раза был двухчасовой концерт. Главные партии в нем исполняли Андрюша, Катюша и Ильюша. Вместе с довольно мощным оркестром из ударных инструментов. Таких концертов раньше почти не приходилось слышать. Разве только в августе прошлого года под Ржевом или в январе этого при прорыве блокады. В результате мы здесь перемололи несколько десятков дивизий сконцентрированных здесь с целью возобновить блокаду. Немцам пришлось перебросить сюда даже из под Орла, где они отступали, авиацию. Накануне начала концертного сезона одна дивизия собралась ехать на Сицилию. Концерт, начавшийся за час до отъезда первых эшелонов, заставил их спешно отказаться от поездки на курорт войны – каким является Италия по сравнению со здешними болотами. Весело было во время этого сезона. Особенно по ночам. Ночь, ракетами, развешанными в виде аллеи, превращалась в день. Ни одна ночь не проходила без участия авиации. Такого

количества нашей авиации до сих пор мне в военных действиях не встречалось. Немецких самолетов было в 500 раз меньше наших. Попросту, они почти не показывались. Бомбы, которые скидывали бомбардировщики по ночам, пожалуй, были побольше 4800 кг бомб, применяемых англичанами. Воронки они делали такие, что пером описать невозможно. Немцы, сдающиеся в плен, уверяли, что существование такого ада они даже не представляли. Очень велико стало участие РС в боях с обеих сторон. С нашей – гораздо, конечно, больше. Немцы применили здесь какой-то новый вид РС – залпом выпускается 20-24 шт. по 60-100 кг, причем, выстрела не слышно, слышен только полет мин. В ходе боев меня опять чуть не кокнули. Случилось это во время сна. От грохота разрыва я, конечно, проснулся, но через минуту под аккомпанемент последующих разрывов опять спокойно заснул. Слишком много было таких случаев, когда смерть тянулась к пищеводу, чтобы перервать его, и появилось спокойствие в таких случаях, когда все, что можно сделать для предохранения от остаточных деформаций, сделано.

Здесь лето окончилось еще полмесяца тому назад – в середине августа. Днем прохладно, ночью холодно. Часто стали идти дожди, болота набухли. Хочется удрать отсюда куда-нибудь на юг.

Мое положение прежнее – «лорд хранитель карт» и исполняющий обязанности топографа стрелкового полка. Скоро должен приехать тип, находящийся на курсах, обязанности которого я пока исполнял. Условия существования – сносные. Со жратвой, хотя, не так, чтобы уж очень, но не очень, чтобы уж так. Конечно, в условиях войны наш паек – паек войск на фронте – наибольший из всех, пожалуй, пайков, так что обижаться на него не приходится. Разносолов, правда, нет. Как зарядят на полмесяца одну кашу и все супы в завтрак, обед и ужин из одной крупы, так и кроют. В данный момент у нас эра овсяной крупы, подходящая уже к концу.

Беспокоят меня дела дома. Кажется, там происходит переселение на новое место жительства. Это им дорого может обойтись с их средствами. Сейчас это кажется уже не маленьким, а большим пожаром. Интересно, что будет тогда с огородом, на который возлагается столько надежд, не получится ли так, как было в прошлом году. Правда ли, что папа с мамой очень сильно постарели, как они мне пишут. Напиши, как сильно на них отозвалась голодовка, и каково действительное положение вещей известное тебе, наверное, благодаря приездам домой.

Я сейчас работаю по созданию истории полка – делаю схемы движения его по фронтам, маршей и наступлений. Оказалось, что наш полк прошел с начала боев в ноябре 41 г. больше 1800 км. Я в нем отшагал 1200 км за год. Это при грубом измерении, а если учесть все извилины пути и незначительные ежедневные передвижения, то цифра вырастет раза в 2-3.

Наши бьют сейчас немца на юге. Начавшаяся большая драка может и тебя согнать с места, на котором ты находишься, и затащить тебя в такие места, где могут стукнуть по черепку. Мне, конечно, это положено и неизбежно, ты же, надеюсь, постараешься избежать этой опасности. Постарайся, конец близок, гораздо может быть ближе, чем он кажется сейчас. Фрицы могут надорвать себе кишки и – тогда мы встретимся.

А пока – всего наилучшего!

До свидания.

1.9.43 г.

Валентин.»

Сентябрь 1943 г.

«Здравствуй!»

Давно не писал вам, но и писем ваших не получал. Что происходило со мной все это время описать трудно. Писал я вам последний раз с передовой. Сейчас я нахожусь уже в тылу, так далеко, что звуки фронта почти не слышны.

Снявшись с того участка фронта, где мы были, пошли вдоль фронта и, пройдя несколько суток по великолепным настилам из досок (так называемые генеральские настилы: в обычное время они закрыты для движения и по ним ездят только генералы, открывают их для движения лишь во время больших перебросок войск) и зашли в один из прославленных в здешних местах «мешок». Постояв там с неделю, ушли назад, и отошли в тыл. Начали опять «боевую учебу». Занимаются по 12 часов, причем, гоняют беспощадно и требования предъявляют не меньше, чем в кадровых частях до войны. Повышены требования и к работе штабов, и я все время сижу над изготовлением схем, которых требуется несметное количество. Очень трудно стало жить в последнее время. Нужно собрать все карты, розданные на время операции, проводить в день одно – два занятия, изготовить штук 60 схем и т.д. В общем, времени свободного пока не было. А дел требующих немедленного исполнения, накопилось очень много. Одно из первоочередных я и выполняю сейчас.

Кажется, я уже окончательно присох на место топографа. Постепенно я в этом деле освоился и почти примерился с перспективой дальнейшего пребывания на этом месте. Пружину к часам я раздобыл и уже вставил, так что ваши хлопоты по изысканию ее в Москве можно прекратить. Если же уже добыли, то пока не посылайте, а держите про запас.

Осень здесь уже наступила, но дождей пока нет. По ночам – заморозки, днем тоже прохладно. В походе, который закончился только 4 дня тому назад, приходилось по ночам туговато, когда приходили на дневку (шли, как всегда, ночами) до восхода солнца. Живу сейчас в домике: заняли место, где раньше стояла какая-то часть. Везде настроены домики из бревен крытые корой, содранной с елок. Вообще на этом фронте очень редко можно найти незаселенные леса. Куда не пойдешь, везде следы стоянок армии: зимние шалаши, летние скелеты строений из плащ-палаток, дома и т.д. Встречаются хозяйства, в которых живут уже более полутора лет – с того времени как зимой 1941-42 г. фронт остановился на этом месте. Построили двухэтажные дома, завели колодцы какого-то диковинного образца, свиней крупного калибра и т.д. В общем, живут как на даче. Узнал, что такое развесистая клюква. Побывал в местах, где все покрыто брусникой или клюквой – растет так густо, что можно собирать совком. В пути познакомился с местными грибами – опятами, которых везде растет очень много. Оказывается, их можно есть не только солеными, но и вареными и, даже, сибиряки говорят, что их сушат и зимой варят с ними супы.

Очень хорошо, что вы пока не переехали, а то мог бы пропасть урожай с ваших огородов.

Тороплюсь кончать – поджимает работа.

Всего наилучшего.

До возможно скорого свидания.

P.S. Забыл главное. Если вы найдете где-нибудь поблизости продажную писчую машинку – напишите. Возможно, что удастся получить командировку для покупки ее. Тогда мне удастся заехать к вам не денек – другой. Командировка сейчас возможна – пока мы стоим на отдыхе. А пиш. машинка очень нужна для штаба. Попробуйте, в случае если не найдется, все-таки, сфабриковать письмо, конечно с предупреждением мне на отдельном листочке, о том, что пиш. машинка найдена, хорошо, если будет справка о наличии таковой. Оперирова ей, мне может быть удастся получить командировку.»

30 октября 1943 г.

«Здравствуйте! 30.10.43

Почти месяц как на передовой. Осень. Живем в болоте, которое от дождей вздулось. Жизнь скучная, грязная и мокрая. Периодически попадаю в переpleты. Нахожусь на прежнем месте, но характер работы резко изменился. 30 процентов времени лажу по переднему краю. Спать приходится мало. В общем, жизнь собачья. Каково же приходится нашему пехотинцу рассказать невозможно и представить вам трудно. Много времени провожу на наблюдательном пункте на елке. С нее видна вся жизнь фрицев и их жилища, как на ладони. Официально известна потрясающая новость: с наступлением заморозков, когда установятся дороги, немцы отойдут на нашу старую границу с Эстонией, Латвией и Литвой. Приготовления к этому у них уже закончены. Эвакуировали все наше население с оставляемой территории, вывезли все оборудование с предприятий и ж.д. станций, минируют все подряд, разбирают ж.д. пути на станциях и полустанках, и даже целые линии, увозят в эшелонах тяжелую артиллерию и танки, гарнизоны в населенных пунктах уходят за границу.

Письма вашего о новом указе о возвращении студентов на учебу я не получил – получил лишь 4 открытки. Двумя из них воспользоваться я не могу, т.к. нахожусь там, откуда никуда непустят. Времени почти абсолютно нет, да и условия потрясающие, так что прошу извинить столь длительное молчание.

Попытаюсь написать вам письмо позднее.

Всего наилучшего! Пишите повторное письмо, которое ожидаю с нетерпением.»

6 ноября 1943 г.

«Здравствуйте Рая!

Прошло уже 4 месяца, как я получил последнее письмо от вас. После письма посланного вами 2 месяца назад, я прекратил попытки получить от вас, хотя бы слово в ответ. Хотя это и невероятно, но пробую дело представить так, как будто письма мои к вам, по какой-то причине, не попали. Я уже писал, что ваш теперешний хороший друг Люся Парфенова в одном из писем сообщила мне: вы любите теперь другого, более достойного вашей любви, чем я. После такого сообщения я послал вам запрос: «Правда ли это», - ответом на который было двухмесячное выразительное молчание. Человек устроен довольно странно – надежды в нем более живучи, чем кошки. И промучившись 2 месяца в ожидании ответа, я, кажется, должен был потерять все надежды, но... вот видите, пишу вам опять, несмотря на то, что вся моя гордость восстает против этого.

Еще одна мысль не дает мне покоя, – что если Люся солгала мне из каких-либо соображений!

Эта мысль и заставила меня писать это, наверно, последнее письмо. Не знаю, приходилось ли тебе, Рая, переносить горечь разочарования в самом хорошем для тебя человеке! Много я перенес физических и моральных испытаний. Голод, холод, нечеловеческое напряжение всех сил, унижение и несправедливость – все это скоропроходящие испытания, оставляющие после себя только гордость за свои силы. Сосущая боль на сердце от потери тебя и подавленное настроение все эти месяцы не оставляют меня. Я шутил с товарищами в любых условиях, в минуты наибольшей опасности – уже 2 месяца не улыбнулся ни разу.

Но все эти причитания кажутся излишни. Дурак я, просто, что поверил твоим уверениям в постоянстве чувства любви. Жизнь меня убедила в обратном. Далекый человек, будь он хоть трижды золотой, а не такой как я – сентиментальный идиот, будет неизбежно вытеснен другим, находящимся близко. Это закон жизни, и я, надеявшийся на обратное, занимался самообманом.

На тебя я не сердит за «измену» и ругаю только себя – за самообман. Всем эти письмом я добиваюсь одного: ответа, рассеивающего все сомнения, ничего кроме мучений не доставляющих. Пиши откровенно, т.к. весь ход изменения привязанностей совершенно естественен и ничего позорного в том, что ты полюбила другого, нет.

Коротко о себе. Нахожусь уже второй месяц на передовой. Пока жив и здоров. Большую часть времени провожу «весело» – на переднем крае. Осень кончилась – впереди зима. Кончились водные процедуры и впереди широкий простор для закалки. Надеюсь, что третья зима не будет более тяжелой, чем предыдущие, хотя все признаки указывают на обратное. Жду с нетерпением ответа. Как величайшего одолжения прошу искренности и правды, какова бы она ни была...

Желаю всего наилучшего! Валентин».

9 декабря 1943 г.

«Здравствуйте!

Прежде всего, поздравляю папу с исполняющимся пятидесятилетием. Желаю тебе папа прожить еще столько же и так же хорошо.

На семейном празднике уполномочиваю Витьку от моего имени выпить рюмку заветной рябиновки за здоровье папы. Витька по части выпивки стал, наверное, большой мастак, и такая комбинация должна прийтись ему по вкусу. Мысленно в этот вечер я буду с вами, подробно представляя себе собравшихся у стола всех членов нашей семьи и многочисленных родичей.

Пишу письмо отсюда же откуда и предыдущее, но уже не в 1 км от передовой, а в трех. Около месяца тому назад мы переселились сюда, чтобы не иметь напрасных потерь от шальных пуль и осколков. Живу в землянке на откосе холма над большой рекой, в этом месте имеющей ширину 400 м. Т.к. находимся в неподвижном состоянии долго, работы у меня немного. Иной раз целый день изнываю, бездельничая. На нашем участке стало совсем тихо, т.е. в день на 1 км фронта ложится только полсотни снарядов и мин. Стреляет большей частью крупными калибрами 150-220 мм. Иной раз саданет из 320 мм миномета (тяжелая метательная установка реактивного действия). От разрыва этих мин больно уши, даже когда находишься в километре от них. В ясную погоду по ночам бомбят друг друга. Вчера бомбежкой разрушило блиндаж в 50 м от моей землянки и, обрушившимся накатом, двоим поломало ноги. Сейчас опять бомбят по соседству. Картинка красивая. Лунная ночь. Рокочет ночной бомбардировщик. Цепочками красных и зеленых огоньков, сплетаясь, несутся вверх снаряды 37 мм автоматических зениток и трассирующие пули зенитных пулеметов. У переправы вспыхивают ослепительные факелы крупнокалиберных зениток. Вспыхивают клубы огня и снопы искр разрывающихся бомб. На высоте 200-300 м взрывы лягушек (дистанционные бомбочки, высылаемые струей, весом 1 кг, имеют на тросике крыльчатку, которая, вывертывая тросик, взрывает). Лягушки эти очень часто не взрываются в воздухе и валяются пока какой-нибудь дурак не потянет за пестро раскрашенную крыльчатку.

С удовольствием написал бы вам множество интересных вещей, но боюсь, что письмо не дойдет. Осень наконец-то кончилась, и стоят морозы – небольшие, но из-за сырости воздуха и ветра довольно ощутительные. Вы писали, что мама собирается мне послать свитер. Он мне абсолютно не нужен, т.к. мне дали овчинный полушубок и одет я более чем тепло.

Другое дело – носки. Шерстяные носки, полученные мной в посылке прошлой зимой, протерлись в прах, и заменить их не мешало бы. Ни в чем, кроме этих носков, я не нуждаюсь. Питаюсь я сейчас замечательно, так что отдаю оставшийся хлеб обладателям большого аппетита, поэтому не вздумайте посылать сухари и т.п. Если по дешевке

найдутся книги «Дифференциальное и интегральное исчисление» Гренвиля или Поссе «Аналитическая геометрия». пришлите мне какую-нибудь из них. Чтобы не разучиться шевелить мозговой извилиной, надо бы заняться повторением таких вещей. У меня возникает опасение, что, провоевав еще годик, и имея возможность после этого вернуться на учебу, воспользоваться тем, о чем мечтаю я не смогу, т.к. многое позабуду, отвыкну от умственной работы, отупею, обленюсь и т.д. Получил письмо от товарища, вернувшегося на учебу без ноги. Жалуется на все то, что я перечислил, подтверждая мои опасения.

Папа, ты полжизни истратил на воспитание нас. Ведь жалко, когда развившиеся хорошие качества испаряются? А у меня потихоньку испаряются и трудолюбие и настойчивость, и терпеливость и т.п. В общем, начинаю разлагаться на своих же глазах. Среда, в которую я попал, уже полностью разложилась и я поэтому, чтобы она не втянула меня, всячески продолжаю отбрыкиваться от того, чтобы, чтобы мне присвоили офицерские звездочки. Теперь уже хотят присваивать безо всяких училищ, - экстерном. Не хочется мне быть недоучившимся барбосом и идти по линии наименьшего сопротивления.

Нужно кончать – гаснет коптилка. Желая весело отпраздновать славный юбилей, и не печальтесь, что нет меня с вами на этом празднике. Самое тяжелое уже пройдено.

Всего наилучшего!

До свидания!

9.12.43 г. Валентин.»

11 февраля 1944 г.

«Здравствуйте!

Уже 5 дней в госпитале легко раненых. Несколько дней назад я послал вам письмо, начатое еще в прошлом году. В нем я писал о периоде жизни перед боем и обещал его описать после.

О дне наступления я узнал дня за 3. О часе – за несколько часов. Обычно это становится известно гораздо раньше, т.к. подготовка наступления хоть и началась за 4 месяца, можно считать проводилась в большом секрете. Накануне наступления вечером начали выходить на исходное положение для наступления батальоны на передний край, штаб в 500 м от него.

После артподготовки успех имел из всего нашего корпуса только один батальон нашего полка. Остальная часть наступающей армии на всем протяжении фронта лежала перед проволокой прижатая пулеметным и артиллерийским огнем к земле. Через несколько часов еще один батальон нашего полка ворвался за дерево-земляной забор переднего края. Танки прорыва КВ и огнеметные танки за передним краем наткнулись на свежие противотанковые минные поля. Несколько из них подорвалось. К ночи прорвавшиеся батальоны углубились на 2 км. Интересно то, что и справа и слева от продвинувшихся вперед наших – войск не было, фланги не были прикрыты совсем. Ночью, не имевший успеха батальон, отошел к своим траншеям, вошел в прорыв и начал очищать данный ему участок переднего края, который он не мог взять в лоб. Ночью же в образовавшийся прорыв глубиной в 2-3 км и шириной 1 км вошел резервный полк и танковый батальон. К утру в увеличившийся прорыв вошла дивизия второго эшелона и танковая бригада. Я вместе со штабом пошел за ушедшими вперед батальонами.

Немцы, отступая, бросили противотанковые орудия (50 мм) совершенно исправными, по пути попало 7 самоходных орудий, разбитых и сожженных огнеметными танками. Короче говоря, когда мы продвинулись км на 10, немцы побросали всю свою артиллерию. Благодаря танкам и самоходным орудиям (калибра 76, 122 и 150 мм), которых действовало с нами 3 бригады, удавалось вклиниваться и окружать отступающие части

довольно легко. Интересно то, что наступали большей частью ночью, а не днем, как было всегда во всех наступлениях, в которых я участвовал ранее. Мы шли, окружая Новгород с севера. Дошли до большого болотистого леса, по которому не было дорог. Я, как полковой топограф, должен был вести полк по заданному маршруту. Вместе с разведчиками я пошел разыскивать дорогу по лесу, пригодную для прохода пехоты, обозов и артиллерии. Я шел впереди полка, идущего колонной, а за ним шли все остальные части дивизии. Этим я был поднят на такую высоту, что страшно было посмотреть вниз. Ответственность на мои бедные плечи легла огромная. Особенно плохо было то, что просеки были, прошедшими вперед сотнями танков и самоходных орудий, превращены в кисель, а некоторых просек, обозначенных на карте, в действительности не существовало. Пролозив по целине часов 5 и промокнув до пояса (с самого первого дня наступления до сегодняшнего дня – оттепель), я нашел наконец, не обозначенную ни на каких картах, летнею извилистую дорогу, которая вывела как раз туда, куда нам было нужно. 10 км по этому лесу полк прошел за 15 часов. Утром пришли в деревню уже занятую танками. За километр от нее были немцы. Перед наступлением несколько суток я спал по 2-3 часа. Во время наступления, за прошедшие до этого момента трое суток, совсем не спал, так что возлагал большие надежды отоспаться в этой деревне. Но выданные мной перед наступлением командирам карты уже кончались, и нужно было выдавать им новые. За этим провозился до ночи, а когда стемнело, опять пошел впереди с разведкой. Через несколько км подошли к смутно видневшемуся хутору. Между постройками - нагруженные сани, в конюшне - лошади, но людей не видно. В доме оказались согнанные сюда для погрузки в эшелон остатки мирного населения, работавшие в прифронтовой полосе. Они рассказывают, что в нескольких км у последней ж.д., оставшейся у немцев в руках, в военном городке находится несколько тысяч гражданского населения и военнопленных. Наш маршрут не захватывает этот городок, но проходит недалеко от него. Сжувльничав, веду полк по дороге, ведущей к городку. По дороге прикладываюсь к ведру с медом, которое разведчики нашли в кладовой стоявшего в хуторе немецкого гарнизона. По дороге никого не встретили. Неожиданно выходим к стоящим среди деревьев баракам. Нос к носу сталкиваемся с группой немцев. Несколько минут замешательства. Немцы не могут разобраться кто мы (ночью в масках разница между русскими и немецкими солдатами очень маленькая). Вытащили мы вперед станковый пулемет. Один из немцев направляется к нам. «Хальт!» - кричит кто-то. Он начинает объясняться, но его заглушает пулемет и автоматы. Возле меня в 3-х шагах взрывается граната. Стреляя на ходу, бегу по дороге за немцами. Среди барачных вспышек пламя – взорвали бензосклад. За поворотом вижу огромный грузовик, трогаящийся с места. Дал по нему длинную очередь, и грузовик, заехав в кювет, валится на бок. Разведчики добивают шофера и двух немцев, находившихся в кузове. Машина нагружена белым хлебом, консервами, маслом и т.п. Продолжая бежать в первом ряду, наскочил на выбежавшего из одного из барачных солдат поднимающего руки. С трудом удается удержать окружающих красноармейцев от немедленной расправы. На ломаном русском языке пленный немедленно начинает тараторить, что он не немец, а поляк, никого не стрелял и вообще не хочет воевать. Отправил с одним из красноармейцев к командиру полка. (После узнал, что его в штабе дивизии расстреляли). Пока я возился с поляком, немцы удрали совсем по направлению к Новгороду. Из одного барака выбегают толпой женщины и ребята и лезут целоваться. Мы успели вовремя, – в других бараках сидели 2000 русских, бараки эти были заминированы и, наделав мы шума где-нибудь по соседству, бараки эти бы взорвали (это рассказал один из пленных: убежав буквально без штанов, фельдфебель, которому был поручен взрыв, не успел его осуществить.).

Из воспоминаний: После боя меня нашел начштаба и говорит: «Куда ты нас привел?» Я ему объясняю ситуацию: вот, спасти надо было людей и т.д. Он изругал меня и пообещал, когда кончится бой, отправить меня под арест. Нам нужно было выйти в точку и соединиться с теми, кто наступал с южной стороны. Они переправились через Ильмень озеро на аэросанях и по всякому.

По полотну ж.д. полк, собравшись в колонну, идет на запад. Последняя ж.д., соединявшая Новгород с немецким тылом, оседлана нами. Через 5 км колонна останавливается. На этот раз немцев заметили метров за 300 по огонькам папирос. Развертывается цепь, выдвинули вперед орудия на прямую наводку. На этот раз я отошел метров на 100 от передней линии (у меня в автомате нет патронов). С боем прошли 2 км до разъезда. На нем наткнулись на подготовленную оборону и бронепоезд. Нас залили морем огня – десяток пулеметов из дзотов и бронепоезда и минометы из леса. Рассвет застал меня под маленьким мостиком под ж.д. в 250 м от бронепоезда. Ретировался в лес находящийся в 200 м от полотна (благополучно). Не зная, что предпринять, шатался по лесу, пока не убило двух моих случайных спутников. И после этого пошел искать штаб полка. Нашел его в сараях у ж.д. В течение дня станцию взять не могли. Затих и огонь с обеих сторон (у нас кончились патроны, а немцы, не видя ни одного выстрела с нашей стороны, тоже затихли). Еще днем залез в сарай с сеном и впервые за много дней хорошо отдохнул. Ночью будят меня: «Немцы идут». Выскакиваю.

Из воспоминаний: Я проспал 28 часов. Проснулся оттого, что кто-то тащил меня за ноги - кто-то вспомнил, где я был. Хорошо, что меня вытащили, потому что этот сарай через 5-10 минут загорелся.

С востока в километре слышна пулеметная и автоматная стрельба. Никто ничего не знает. В 3 часа немцы, разогнав наши тылы, подошли к нашим баракам. Все штабисты, разведчики, химики, саперы – все кто находился возле штаба (и я в том числе) – залегли в цепь. Развернули орудия. Патронов и снарядов у нас мало (еще не успели подвезти). У меня один магазин (35 шт. собранных у убитых возле станции). В это время наши батальоны заняли разъезд. Галдя, немцы напирают. Бью по вспышкам выстрелов. Мы думали, что это подвижная группа, посланная для наведения паники, с запада. Потом выяснилось, что на нас шла, прорываясь из кольца, 1-я авиаполевая дивизия, оборонявшая Новгород. Снаряды у пушек кончились. Патроны кончаются, отходим на запад – к батальонам. На рассвете мы подошли к разъезду.

Из воспоминаний: Ближе к рассвету мы подошли к разъезду Нащи. Это километров 20-25 от Новгорода. Пом. начштаба по оперативной работе (ПНШ-1) говорит: «Вот тебе 15 человек солдат. Держи оборону этого разъезда. Мы пошлем за подмогой. У нас были автоматы, винтовки и один пулемет Максим. Немцы станцию оборудовали для круговой обороны. Из дерна были сделаны огневые точки. Я остался с этими 15 солдатами, а остальные куда-то исчезли. За нами в здании разъезда лежали наши раненые. И когда они слышали звуки боя, они для нашей поддержки крикнули:»Ура». Я туда не заходил, но, судя по голосам, их было человек двадцать.

Я достал немецких гранат и сотню патронов. Обороняю станционное здание с группой бойцов. Здесь перед зданием пленницы послужили нам укрытием. У семафора показываются толпы людей. Они не стреляют, и мы не можем разобраться сначала кто это. Вижу, что они ставят пулемет на треноге, и по этому догадываюсь, что это немцы. «Огонь!» - кричу бойцам и сам начинаю бить по ним. В левое плечо ударяет. Сообразив, что ранен, слезаю со своего места. Станковый пулемет, стоящий на поленице, капризничает. Пока меня перевязали, немцы подошли метров на сто. Рука у меня действует, и я опять залез на свое место. Немцы (они все были пьяные) идут стеной по

всей ширине просеки, мелькают фигуры в лесу обтекающие станцию. С удовольствием вижу, как после каждой короткой очереди падает несколько фигур.

Из воспоминаний: *В пулемете было всего три ленты – 1500 патронов. Я стрелял из пулемета короткими очередями. Немцы валились толпами, огонь был очень эффективным. Я все косил и косил их, а они все ближе приближаются. И через довольно короткое время, когда уже рассвело, кончились патроны.*

В конце-концов, я кинул все 4 гранаты, и тут меня справа какой-то фриц подстреливает в правое плечо. Рука пока действует, перевязываться некогда. Немцы кидают дымовые гранаты. У других патроны кончились.

Из воспоминаний: *Я вижу, что вокруг никого не осталось. (Среди нас спаслись только я и один разведчик, который убежал почти в самом начале. Он сообразил, что «дело пахнет керосином».) Я стою за углом и вижу, что над рельсами высовывается голова немца, и он в меня стреляет из автомата, я в него. И вот так у нас идет дуэль. Он торопится успеть застрелить меня, я - его. И вот, так раза 3-4 он высовывался, я в него стреляю. Потом у меня автомат заел, и он больше не высовывается. То ли я в него попал, то ли он плюнул на меня и пополз дальше. Когда я побежал, снег вокруг клубился от выстрелов. По мне лупили из всех стволов. Больше не по кому было стрелять. Почему-то не попали.*

У меня заел автомат. Отступаю от наседающих немцев. Как заяц зигзагом драпаю по снегу к складам в глубине станции. За складом вижу штабных офицеров и человек 5 солдат. Устранил задержку автомата. В магазине 4 патрона. «Уходи» - говорит мне начальник штаба. Бегу в лес, немцы идут по лесу в 100 метрах. Бегу вдоль фронта их цепи. Кое-как удрал от двух, погнавшихся было, немцев. Бежать по тяжелому мокрому снегу, выше колена глубиной трудно и я скоро выбился из сил. Ломит плечи, весь в поту, автомат – последняя надежда моя – оттягивает руки.

Из воспоминаний: *Я пробежал метрах в 100 от шеренги немцев. Пробежал метров 200. Выдохся и упал, из горла пошла кровь. Подумал, что от ранения, но оказалось, что просто от напряжения лопнули сосуды. Пролежал полминуты и дальше пошел. Через некоторое время напоролся на немецкую батарею. Немцы суетились вокруг пушек. Меня не заметили. У меня не было ни карт, ни компаса, все осталось в вещмешке на разъезде.*

Т.к., взяв разъезд, мы углубились в немецкую оборону, а по флангам продвижения не было, я попал на территорию занятую немцами. С приключениями, пройдя 5 км по болоту, все время по целине, я вышел, в конце концов, к своим частям – туда, где ночью был бой. Там я увидел результаты этого ночного боя на нашем первом рубеже – кучи немцев, брошенные волокуши, ранцы и пр. барахло. Вполне естественно, что у меня создалось убеждение, что оставшиеся в бою товарищи находятся в очень трудном положении.

Из воспоминаний: *Вышел к железной дороге. Пакгауз сгорел вместе с ранеными. Вижу, кто-то ходит вокруг головешек, но не могу разобрать немцы или наши. Минут 5-10 я сидел в елочках и смотрел. Потом вижу, один приближается ко мне с сидором, а не с немецким ранцем – значит наши. Тут я вылез и пошел смело. У меня плечи распухли, начали сильно болеть. Меня повели в тыл. И когда я шел по тем местам, где немцы наступали, то там я увидел, сколько их покосило.*

Не знаю, сколько их мои ребята из автоматов настреляли, потому, что автомат много человек не пробивает. Но, у Максима винтовочная пуля, она пробивает много. А там, как домино, человек по 5 пачками лежали. Я увидел, что, когда мой пулемет задирался при стрельбе, я убивал не только тех, кто стоял в первых рядах, но и тех, кто шел дальше. Они километра на 4-5 растянулись. Их там было 24 тыс. Я приблизительно оценил, что убито было не меньше 1000. Я считал по площадям. Вот на этом участке 20

человек, таких участков столько-то и т.д. В этом бою мне удалось отомстить за всех своих товарищей.

Меня довели до сарая с сеном, где я спал. Нашли какую-то лошадь и меня повезли. Я был так рад, что остался живой, что никаких вояканий о том, что я их столько накрошил, не было.

Есть такая песня: «Этот день мы приближали, как могли». Так вот, недавно я решил посчитать, на сколько я приблизил окончание войны, с учетом этой 1000 убитых немцев и 2000 спасенных наших. Расчет довольно простой. Я взял количество убитых вообще, посчитал, сколько их убивало в среднем в день, в час и т.д. Война окончилось, когда было достигнуто критическое число 7,5 млн. убитых немцев и 20 млн. – наших. В общем, получилось 5 часов 55 минут. Расчет приблизительный, так как я, как правило, не видел, в кого я попадал из миномета. Но, сколько-то там прибавится. Можно считать, что приблизил часов на 6.

Пока я шел по лесу, звуки боя, перемещаясь на запад, затихли через час после моего ухода из боя, и мне казалось, что это признак уничтожения моих оставшихся товарищей. С величайшей радостью я узнал, что происходит обратное. Подошли отставшие танки и резервы и немцы начали группами сдаваться в плен, прекратив сопротивление. Разгорячившиеся в бою бойцы, поколотили их всех, и до штаба дивизии дошло только несколько пленных. Благополучно дошел до полкового пункта медпомощи, перевязался там и отправился в тыл, подарив, ставший ненужным автомат, встречному бойцу.

Побывал в Новгороде. Город разбит на 90%. На автомашине и поезде через промежуточные этапы за 6 дней добрался до того места, где нахожусь сейчас. Госпиталь легко раненых помещается на окраине города (центра фронтовых госпиталей) (Боровичи. Ред.). Обнесен колючей проволокой – здесь раньше был лагерь заключенных, потом военнопленных. Правда, бараки оштукатурили и побелили, но уюта, с которым связано представление о госпитале, маловато. В госпитале самообслуживание. Живем на нарах, но с постельными принадлежностями (выражаясь военным языком). За перегородками, с одной стороны, отделение венерических больных – офицеров, с другой, таких же женщин. Обстановка веселая. Из всех сил стараюсь развлечься. Вечером через день хожу в кино, в день прочитываю по две книги, которые беру в крайне жалкой библиотеке. И я просиживаю в ней (войдя в доверие библиотечарши) те два часа, пока она открыта для посетителей, и изредка слышу немного музыки, которую выслушиваю с благоговением.

Мои раны, которые вас наверно интересуют, – правое плечо простреляно насквозь. Пуля попала почти в спину, т.к. я был наклонен, и вышла посередине спины. Первый день изо рта шло немного крови. Из чего я заключил, что пуля пробила легкое. Сейчас эта рана почти совсем зажила, не дав никаких осложнений. Левое плечо тоже прострелено насквозь, но пуля вырвала на спине кусок мяса 3x2 см. Вошла в руку ниже плеча, вышла посередине лопатки. Обе пули кости не задела. Дырка на левой руке зажила, а на спине пока не заросла. Через две недели она, наверное, заживет. Думаю после выздоровления пойти в артиллерийский запасной полк, откуда попасть в какой-нибудь артполк в топовзвод. Как я успел заметить, в нем наиболее хорошее место для лентяев. Может быть, попаду опять на старое место в свой полк, но вряд ли.

Раньше я мечтал, что в случае ранения отдохну в тылу, но не чувствую себя удовлетворенным (очевидно в силу изречения – «Там хорошо, где нас нет!»).

Писать мне после 20-го февраля вам не стоит, т.к. письма ваши вряд ли застанут меня здесь.

Всего наилучшего! 11.2.44 г.»

Между 10 и 20 февраля 1944 г.

«Здравствуй Рая!

Тебе Люся, очевидно, говорила о полученном от меня ею письме. Ж. Лобанов пишет мне, что ты очень ждешь писем от меня. Не знаю, правда ли это, но хочу верить ему. Рая, мне очень тяжело, что переписка между нами сошла на нет. Я не пишу тебе из-за самолюбия – не получая ответа на свои многочисленные письма к тебе, решил, что на это у тебя есть серьезная причина, и не хочу навязываться. Заявление Женьки, что я не прав, не посылая к тебе писем, несколько поколебало мою решимость ждать инициативы с твоей стороны.

Ничего не пишу тебе о чувствах – ты писала, что обсуждать это сейчас не вовремя. Но иметь, хотя бы товарищескую переписку, мне кажется лучше, чем ничего.

Раны мои почти совсем зажили, на днях зашили последнюю и перелили кровь. Через неделю-другую заживет последняя. Письма сюда идут быстро. Если ты сразу черкнешь открытку, то она застанет меня здесь. Жду с нетерпением.

Всего наилучшего.»

22 февраля 1944 г.

«Здравствуйте!

По-прежнему в госпитале. Выздоровление замедляется. Как я вам писал, сделали мне операцию (зашили дырку на спине от разрывной пули) и перелили кровь. После операции долго не перевязывали вновь. Оказалось, что нитки порвали кожу и рана разъехалась по-прежнему. Зашивать снова, наверное, не будут. Пробуду здесь еще с полмесяца. Самочувствие хорошее. Жду ваших писем.

Всего наилучшего! 22.2.44.

P.S. Напишите о возможности выслать бандеролью книгу по высшей математике.»

8 марта 1944 г.

«Отослал вам 2 письма и открытку. Первое из них вы не получили. Я его писал с 1.1 по 30.1. В нем я описывал свои попытки пробиться к вам. Нечего и говорить, что 50% свободного времени провожу за воспоминаниями о доме, причем чаще всего они вращаются вокруг «детища Юрки». Приехать вы ко мне не сможете – далеко. Нахожусь в г. Боровичи Ленинградской обл. Последнее время ходят слухи, что госпиталь, в котором я помещаюсь, собирается переезжать, следовательно вы и не найдете меня. Шансы попасть к вам пока есть - уже полмесяца рана, насколько я могу разглядеть ее, совсем не изменилась, возможно, что она перешла во встречающуюся форму незаживающих. В этих случаях отпускают домой на несколько месяцев. Последнюю неделю, как это не удивительно, болел гриппом. Это, между прочим, доказывает, что спать на снегу более полезно для здоровья, чем в постели.

Напишите мне, какие книги по высшей математике имеются дома, я тогда напишу, какую из них прислать. Хватит ли урожая до лета? Не забирают ли Юрку на фронт? Как с переездом в Обухово? На ходу ли «детище»? Каково положение с радиопиономанией? Попадают ли в ваш госпиталь с Ленинградского фронта?

Жду ответа на все эти вопросы.

Всего наилучшего!

До свидания. 8.3.44 г.»

1 апреля 1944 г.

«Здравствуйте!

Сидя на нарах, от нечего делать, вытащил письма, полученные в госпитале, и на меня снизошло вдохновение столь необходимое для писания писем.

Сегодня перешел из госпиталя в батальон выздоравливающих. Получил недостающее обмундирование – шинель, гимнастерку, шапку, ботинки. Шинель я бросил, когда меня ранило, т.к. не оставалось времени, чтобы одеться после перевязки плеча; шапку сперли в госпитале; ботинки дали вместо валенок бывших на мне; гимнастерку я бросил по приезде в госпиталь, т.к. она пропиталась кровью и была разрезана при перевязке другого плеча. Все вновь полученное – бывшее в употреблении – отремонтированное. Впрочем, очень большого впечатления это на меня не произвело, т.к. привык уже стоически переносить все обиды, унижения и т.п.

В ваших письмах заметно, что вы несколько нереально относитесь к моим возможностям по своей воле совершать путешествия в тыл. Людям, управляющим моей жизнью, в высшей степени наплевать на все, что я буду просить у них, и они, конечно, не станут отступать от общепринятых правил, рискуя получить неприятность, ради моих глаз.

С задачником Дубнова я зашел в тупик. Т.к. дифференциальное исчисление я забыл изрядно, то перескочить через раздел в задачнике я не могу, и, сев на задачах с тригонометрическими функциями, остановился и сейчас почитываю только сопромат. К моему удивлению, хотя я не пропускаю ни одной буквы, не вникнув в нее, я дошел уже до середины книги. Пока буду заниматься сопроматом, оставив задачи до получения от вас тригонометрических ф-л.

В своей решимости не становиться офицером я не разочаровался, а наоборот. Часто встречаю офицеров из недоучившихся студентов. Все они без исключения убеждены, что из армии им уже не уйти. Дело в том, что это будет зависеть от непосредственного начальства, а оно не захочет выпустить из своего распоряжения любого способного человека, т.к. ему будет трудно работать. И балбесы, которых немало, пойдут домой, а мне еще трубить да трубить. Я успел убедиться в том, что способности у меня есть, и уже испытал «любовь начальства». Будучи сержантом, я могу легко превратиться в рядового и уйти из армии на общих началах. Да и останься я сержантом, то попаду под увольнение, т.к. сержантов сейчас около 50% в составе подразделений. Желающих остаться на службе сверхсрочно будет достаточно (из осиротевших) и т.к. почти все сержанты – молодежь, которой надо еще дослуживать срок, то излишки сержантов будут отпускать на общих основаниях с рядовыми, т.е. после 3-х лет службы. На основании вышеизложенного - я решил оставаться в прежнем чине и вытерпеть все связанное с этим. Меня мои начальники, между прочим, шантажировали угрозой присвоить мне офицерское звание. Когда я отказывался выполнять обязанности офицеров, мне заявляли. Если ты не будешь их выполнять, мы присвоим тебе офицерское звание, и ты все равно будешь их исполнять.

Теперь я опять вернусь в артиллерию, и ни за какие коврижки не пойду на работу в штаб.

Прочел о том, что Витька сделался настоящим филателистом и с удовольствием вспомнил, что у меня, под отодравшейся клеенкой записной книжки, хранятся немецкие марки, которые возможно попадут в его коллекцию. Я, думая, что он вряд ли этим сейчас увлекается, последнее время не собирал попадавшие немецкие марки, но теперь не буду пропускать их. Но предупреждаю, что если он будет «лихо» пить водку и станет алкоголиком, то ему их не видать.

Последствий это ранение, как и первое, никаких не оставило. Руки действуют вполне свободно. Я бесконечно рад, что меня не покалечило, тем более, что вокруг наблюдаю людей, у которых плохо действуют суставы в результате ранения, в довольно большом количестве.

Горький утверждал, что индивидуализм не хорош. Он заставляет тратить большое количество сил на борьбу с действительностью, чтобы отстоять свои убеждения, мысли и

привычки, т.е. индивидуалист – «растратчик». Я, кажется, индивидуалист и не раскаиваюсь в этом. Хотя и приучился многое терпеть, но не втянулся, как на моих глазах это случилось со многими, в окружающую среду. Как и прежде принципиально не пью спиртного, несмотря на его иногда полезное в военной службе физиологическое действие; не курю; не привык «матюкаться», хотя мат в армии завладел буквально всеми (до генералов включительно); не втянулся в карточную игру и т.д. В общем, по-прежнему мечу попасть живым на небо. Неужели все это сопротивление среде вредно?

То, что я читаю в госпитале высшую математику, по моему, нормальное явление. На фронте, особенно на передовой, я буду иметь много свободного времени. То я читал все, что попадалось под руку (вроде: «Философские взгляды Фихте», монография о влиянии России на творчество Бальзака, книга о производстве литого стекла и т.п.), не получая от этого пользы, только лишь, чтобы не превратиться в идиота от безделья и бессмыслицы армейской жизни, а теперь буду вспоминать то, что мне пригодится, если я опять попаду в институт.

В одном из писем от вас я встретил фразу: «Что было бы, если не было запасов картошки и капусты? Я бы сыграл в ящик!». Я, конечно, подозреваю, что и сейчас ваше положение не особенно блистательное, а ваши уверения в обратном направлены на то, чтобы у меня не болело сердце за вас. Студенты, с которыми я переписываюсь, мрачно острят о «рационах», об улучшенном дополнительном питании и т.п. (УДП они расшифровывают как Умрешь Днем Позже). Мне кажется, что на одной картошке и капусте не потолстеешь, а ничего другого, очевидно, ваш стол не видит. Меня поэтому удивляет то, что вы отказываетесь от того, что я могу вам послать. Доходы у меня небольшие, но расходы еще меньше. Некоторые накопления, образовавшиеся у меня, я думаю придержать до того, как попаду в часть, а потом выслать их – может быть, вы на них купите что-нибудь.

Ходят настойчивые слухи, что нас пошлют на украинский фронт. Это было бы неплохо. Болота осточертели. Воевать там будет веселее, да и к Германии ближе.

Я не питаю к немцам органической ненависти, как многие другие, но не прочь рассчитаться непосредственно с Германией за некоторые их действия, свидетелем которых мне приходилось быть. За испорченную молодость, за их вредные убеждения. На почве ненависти часто не берут немцев в плен. Логически рассуждая, нужно сказать – зря. Наблюдал я такие сцены: ведут взятого в плен немца. Откуда-то со стороны вывертывается личность с автоматом. А! Фриц! – радуется личность и дает очередь по фрицу, к великому огорчению конвоирующего. Но это только при наступлении. Был я свидетелем и того, как попавшая в безвыходное положение группа немцев, человек в 50 бросила оружие, но разгорячившиеся бойцы, мстя, должно быть, за только что перенесенный страх, перебили их всех.

Да чего же опротивела мне армейская среда. Вряд ли верующие так стремятся в рай, как я домой. Слушая радио, настолько хриплое, что невозможно разобрать слов, я вспоминаю чистые звуки СКД и удивляюсь, как они могут «немного мешать жить». Почему-то представление о доме у меня, в первую очередь, складывается из картин – ночного радиослушания при свете настольной лампы, горячей ванны, нашей семьи, сидящей за ужином, и микроскопа стоящего на подоконнике.

Больше всего боюсь, что меня оставят после окончания войны в армии. Хотя нет нигде ни в каком положении полной свободы, но армия – полное отсутствие свободы И я до сих пор не могу приучить себя к беспрекословному повиновению, из-за чего мне попадало.

Извините за несвязное письмо, которое папе, наверное, не понравится. Я просто писал первое, что придет в голову, «убивая время».

Через 3, максимум 5 дней поеду из Б.В. в Ленинград, а оттуда уже в часть на фронт. Занесут ли меня черти в Карелию, или ангелы в Польшу, или сунут под Псков? Все в равной степени вероятно.

Всего наилучшего! ¼ 44 г.

P.S. Послал вам в письме, недели две назад, фотокарточку. Получили вы ее?»

8 апреля 1944 г.

«Привет братишка!

Признаться, я не ожидал от тебя такой прыти – наконец-то решился написать мне письмо. Не знаю, писал ли ты до этого письма кому-нибудь, но такое письмо, которое ты написал, сделало бы честь любому борзописцу. Надеюсь, что моя похвала заставит написать мне энное количество писем. Твое письмо мне очень понравилось и я требую, чтобы ты отныне регулярно писал мне письма.

Круг интересов, окружающих тебя, мне понятен. Война мне изрядно надоела и новости из твоего мира отвлекают от опротивевшей действительности.

Тебя сейчас все интересует, и жизнь на войне, само собой, в первую очередь. Война страшна, когда на нее смотрят издали – со стороны. Для ее участника она не столько страшна, сколько трудна и грязна. Часто бывает страшно, но и к этому привыкаешь. Когда после длительного перерыва попадаешь под огонь, чувство страха очень мучительно, кланяешься каждой близко пролетевшей пуле, падаешь от разрывов снарядов падающих в 300 метрах и т.д. Бывает очень стыдно при этом. Солдатская этика не позволяет трусить в открытую. Но через несколько часов привыкаешь распознавать по звуку выстрела орудия и по свисту снаряда действительную опасность, и вырабатывается реакция. Быстро наглеешь и даже, когда долгое время (час-два) нет непосредственной опасности (не упало ни одного снаряда в R= 50 м и никого не убило рядом) совсем забываешь о страхе. Часто бывает трудно сохранить достоинство, как заяц драпая от смерти, и только смех над минувшей опасностью помогает восстановить пошатнувшуюся солидность. От всего этого люди, по-моему, не перерождаются. Все, что ты можешь встретить в книгах, говорящее об очищении души перед лицом смерти, о изменении психики и т.п. перерождениях – ложь. В самом пылу боя люди холоднокровно обшаривают карманы убитых, увлекаются водкой, медом и т.п., стараясь набить утробу, ругаются трехэтажным матом, отлынивают от переноски пулеметов, минометов и др. тяжестей, отстают при первой же возможности от наступающих и т.д. Правда, я ни разу не проделал ни одного из этих дел, но это только потому, что я раньше не обладал привычками к этому. В общем, люди сохраняют прошлые привычки, насколько это позволяют условия. Изменения во мне произошли такие: 1. Потерял брезгливость на 90%. 2. Приобрел способность пролежать час, плюя в потолок. 3. Научился не смущаться ни при каких обстоятельствах. 4. Научился мастерски маскироваться от начальства, от строя и т.п. (маскироваться – уклоняться легальными средствами). А главное, научился ценить то, что я раньше не ценил. Сейчас, например, я чувствую себя счастливым человеком, т.к. не мерзну, не голоден, сухой, имею место где укрыться от дождя, ветра и т.п., не нахожусь в опасности, не чувствую боли. И эти, для тебя само собой разумеющиеся условия жизни, для меня составляют очень многое, т.к. обычно большая часть этих условий отсутствует. Рабская философия, но в данных условиях наиболее подходящая.

Очень одобряю твое увлечение шахматами, но должен предупредить, что если ты хочешь стать хорошим шахматистом, то должен достать учебник шахматной игры и запомнить побольше гамбитов, дебютов, ловушек и т.п. Я немного подучился в госпитале,

играя с игроками 4,3,2 и даже 1-й категории, и убедился, что могу считать себя стоящим на уровне 4-й категории. Приеду домой через год и держись тогда, если ты не знаешь королевского или ферзевого гамбита, разновидностей испанской, сицилийской, русской и т.п. партий, защиты Нимцовича, Чеховера, Кара-Кана и т.д. Обыграю! Чтобы не посрамиться займись теорией, если еще не занимался.

То, что ты учишься в старорежимной гимназии – вещь не особенно плохая. Карцера и кондуита тебе, наверное, нечего бояться, а привычка заставлять себя заниматься и усидчивость, которые ты имеешь возможность приобрести, очень пригодятся в институте. Так что тянись на пятерки, не только из-за них, но из-за процесса получения их. То, что ты схватил 3 по черчению – меня очень печалит – без черчения ты не сможешь пойти по пути технического работника. 3 по литературе у тебя, наверное, из-за того, из-за чего и у меня с литературой были нелады – из-за бессистемности чтения и отсутствия привычки оценивать прочитанное.

(Вычеркнуто цензурой. Ред.). Когда будешь писать мне следующее письмо, напиши: какие страны, и сколько экземпляров марок у тебя сейчас есть? Где ты достаем марки? С кем обмениваешься? Интересно поглядеть на твою экзотику.

Советую тебе не теряться и почаще посещать театр. Не смущайся, если сначала ты не будешь разбирать, чего хорошего другие люди находят в опере, в музыке. Это неизбежно. Только гении – музыканты сразу вникают в красоту музыки, обычно люди привыкают к этому постепенно. И чем раньше ты начнешь вникать, тем скорее придешь к пониманию серьезной музыки. Пробыв два года без музыки, я так стосковался по ней, что сейчас она производит на меня огромное впечатление.

Я писал в письме, направленном на служебный адрес папы, что меня должны выписать из батальона выздоравливающих 3-го. Но когда я 3-го пошел на комиссию, у меня разрезали нарыв, образовавшийся у края бывшей раны, и из-за этого оставили до 10 апреля. 10-го опять пойду на комиссию и числа 11 поеду в Ленинград. Есть шансы из Ленинграда попасть на юг – на украинские фронта. Мечтаю об этом. Это было бы хорошо, во-первых, я поехал бы через Москву и может быть увидел кого-нибудь, и, во-вторых, воевать там легче, чем на северных фронтах.

Сейчас я живу в землянках-бараках типа картофелехранилища, но с горизонтальным потолком. Народа набивается в эту герметическую землянку до черта – до 500 чел. При ее размерах 25х15х3 м получается при элементарном подсчете, что за 6 часов концентрация углекислого газа поднимется до смертельной. Только благодаря выходящим на улицу, и вентиляции при этом – дело не доходит до смерти. Но приходится переживать ощущения, которые испытывают подводники после 3-х суток нахождения в погружении.

Жизнь здесь довольно паршивая, но и в других местах не лучше. Остается только терпеть и ждать, утешая себя Вольтеровским изречением: «Все к лучшему в нашем лучшем из миров».

Когда я пришлю свой постоянный адрес, немедленно напиши мне письмо о своей жизни: как учеба, какие происшествия бывают у вас в классе, чего ты читаешь, записываешь ли на шоринифоне, не испортилась ли пленка (не высохла ли), намытая нами в 42 г., обыгрываешь ли ты папу в шахматы и т.п.

Всего наилучшего.

8.4.44 г. Валентин »

20 апреля 1944 г.

«Здравствуйте! 20.4.44 г.

13.4 приехал в Ленинград и, пробыв там шесть дней, выехал на фронт. Мечты о юге рухнули. Ленинград оказался не так уж разрушенным, как я предполагал. Удалось дважды

пройти через весь Ленинград, чему я, конечно, был очень обрадован. Почти все дома носят следы осколков. Много пустующих квартир и целых домов. Единственным утешением служит то, что нахожусь я за бывшей гос. границей. Участок фронта трудный – болота, сзади река. Немцы стремятся сбросить нас в реку. Авиация и т.д. Я попал разведчиком артиллеристом в батарею 76 мм полковых пушек. Есть риск попасть в стрелки. Подробности следующим письмом. Мой адрес: «п.п. 37310-Н»

Всего наилучшего! Валентин».

***Из воспоминаний:** После того как меня ранило в Нацзах, я стал таскать с собой огромное количество патронов. До этого все пытался избавиться от них. Полагалось тащить штук 200-300 патронов для автомата, это кг 5-7, так, я стал по 10 кг таскать.*

25 апреля 1944 г. Рае Салеховой. Эстония.

«Здравствуй.

Снова в боях. Отлежав положенное в госпитале, я был выписан и осел в батальоне выздоравливающих. Там я 10 дней, валяясь на нарах, перечитывал купленный по случаю краткий курс высшей математики.

После окончательного выздоровления отбыл в Ленинград. Проехался по Октябрьской ж.д. в пассажирском поезде. Это были последние минуты кратковременной относительной свободы. По Невскому проспекту прошагал почти через весь город. Слыша много разговоров о красоте Ленинграда, всю дорогу крутил головой, стараясь увидеть как можно больше. Да, город красивый, но только благодаря отсутствию мелких домов в ряду обычных – городского типа. 95% домов в центре старой постройки, со множеством мелких архитектурных выкрутасов, характерных для нее. Такая архитектура мне не нравится, и поэтому я остался при прежнем убеждении. Москва красивый город, уступающий по красоте только маленьким курортным городам. 90% ленинградских домов носят следы осколков, около 1% совсем разрушено. Нева забита кораблями военного и торгового флота. Улицы пустынные. Много пустующих квартир и даже домов. В городе сейчас всего около 0,8 млн. жителей.

Неделю пробыл в Ленинграде, но ничего, конечно, кроме древних стен казарм не видел. Марш через город и, с комфортом усевшись в телячий вагон, поехал в неизвестное будущее. Путешествие продлилось недолго. Менее чем через сутки вылез из полубившегося мне вагона в 30 км от фронта. Перешли старую госграницу и развели руками, увидев, что за граница ничем не лучше наших российских болот. К утру пришли к передовой, которая приветствовала нас хорошим артналетом. Пришлось немного размяться, бегая сначала от снарядов, потом от бомб. Попал я на плацдарм на берегу реки. Болота здесь страшные, причем передний край установился в самой глубокой части этих болот, т.к. как только какая-нибудь из воюющих сторон доходила до края болота, вытеснив из него противника, в дело вмешивались танки и оттесняли наступающих в центр болота. Попал я сюда в самый разгар атак немцев, стремящихся ликвидировать этот плацдарм. Пока успеха у них нет. Много здесь немецких танков, главным образом «Тигров». Каждый день несколько атак с участием от 1000 чел. до нескольких дивизий. 20-го, например, атаковала 1 пехотная дивизия СС и 30 танков. В сводке сегодня я прочитал: ничего существенного не произошло. А в тот день было три атаки, несколько артподготовок, 10 немецких танков, пошедших было с десантом, застряли (утонули) на нейтральной полосе. Наша пехота, поднявшись в контратаку, захватила 700 м болота. Передний край представляет из себя болото со слоем воды по колено и глубже. Хорошо еще то, что под 30-40 см слоем воды кое-где сохранился лед. По нему можно передвигаться. Там где его нет - проваливаешься почти по пояс. Среди этого болота

отдельные торфяные островки свободные от воды. На них, а там где их нет на нескольких близко стоящих кочках, настилают веток и лежат. Хуже этих мест я еще не видел за все время войны. Я пока был на переднем крае всего 15 часов. Попал я в батарею (Вычеркнуто цензурой. Ред.) управления – ком. отделения разведки. (Вычеркнуто цензурой. Ред.) Поэтому стоим в 4 км от переднего края. Здесь более или менее сухо. У края шоссе на откосе кювета построили землянку – защиту от осколков. Эта дорога единственная подходящая к переднему краю на этом участке. Движение по ней очень оживленное. Грязь глубиной 50-60 см. Даже американские машины с приводом на 3 оси застревают на ее особо плохих участках. Картина такова: Вдали грандиозная пробка. Ее растаскивают трактора ЧТЗ. Подцепив 3-4 машины, они тянут их на более сухой участок дороги. Машины буксуют всеми 6-ю колесами, помогая трактору. С грохотом, воем и скрежетом эти «поезда» ползут мимо нас. Тракторам помогают танки, самоходные орудия и «Катюши» на гусеничном ходу. Жалко, что нет художника, который запечатлел бы такие картинки. При мне, когда я был на передовой, была одна атака. Немцы шли в атаку пьяные, в рост, по колено в жидкой торфяной грязи. Нейтральная полоса здесь шириной около 500 м. Пока они шли 300 м, из 1500 наступавших осталось человек 500. Не выдержав огня артиллерии, они отступили. Раненые конечно тонули. Я пошел на передовую с тремя товарищами – сменить бойцов батареи, сидящих на передовой на прямой наводке. (Вычеркнуто цензурой. Ред.). Через пятнадцать часов я остался один, а у противотанкового ружья согнуло ствол осколком. Благодаря этому я получил возможность покинуть свое место и отступить в батарею. Не покалечь осколок моего ружья, пришлось бы мне сидеть с ним «до победного конца».

(Вычеркнуто цензурой. Ред.). Но, я не унываю и бодро читаю, пока, на досуге «Краткий курс высшей математики».

Весна почти кончилась. Снег встречается только в лесу, но воды еще достаточно. Недели через две она начнет спадать, впитываясь в землю.

Извини меня за длительное молчание. Пока я был в госпитале и скитался по этапам, я не писал писем никому, почему и сам не знаю. Скорее всего, из-за того, что я старался максимально использовать время для чтения или из-за того, что у меня выработалась поганая привычка - писать письмо я могу только когда вокруг никого нет.

Была у меня и такая мыслишка, что я поеду на фронт через Москву, и тогда все новости можно будет передать словесно. Надежды эти рухнули в самый последний момент – при посадке на поезд в Ленинграде.

Если у тебя есть свободное время, черкни мне письмецо. Оно меня очень обрадует в такой обстановке. Напиши мне, получила ли ты фотокарточку, которую я послал из госпиталя. Сейчас у тебя начинается горячее время – сессия и, поэтому, я не буду особенно обижен, если ты и не ответишь сразу.

Всего наилучшего!

Желаю удач в сессии и да не будет у тебя хвостов!

25.4.44 г. Валентин.

29 апреля 1944 г.

«Здравствуйте!!!»

Чувствую, что вы ждете моего письма и, поэтому, пишу с «ненормально» маленьким промежутком. На всякий случай дублирую предыдущее письмо. Нахожусь на фронте. Участок фронта беспокойный. Немцы пытаются уничтожить плацдарм и выровнять этим линию фронта по реке. Севернее, где был небольшой плацдарм, им это удалось. Сейчас вот уже 3 дня немцы приутихли и больше не атакуют.

Я попал в батарею короткоствольных пушек (полковых). Сперва меня назначили к-ром отделения разведки, но через 3 дня, после того как я «согрешил», в виде наказания перевели в расчет орудия - наводчиком. В первый же день, как я попал в батарею, я был отослан на передовую (батарея не имела орудий и стояла в 4 км от передовой) сменить людей из батареи обслуживавших, за неимением орудий, противотанковые ружья. Вместе со мной пошло еще 3 человека из пополнения. После 15 часового пребывания на передовой я вернулся в расположение батареи, т.к. у ружья, с которым я сидел, был согнут ствол осколком, а три моих товарища вышли из строя. Пережил в это время одну из атак немцев. Выглядело дело так. Передний край проходит по болотам, Болота заграничные – «экстра» - для войны мало удобные. Место почти везде открытое. Верхний слой почвы – торф с 90% H₂O. Кое-где небольшие (100x15x1) высотки. Болото все изрыто снарядами. Немцы вышли из леса и, не ложась, побежали по болоту. Пока они бежали половину нейтральной полосы, их осталось 1/3 часть и, немного полежав в болоте, они начали драпать назад.

После того как я вернулся назад и просох, я начал думать, как бы вырваться из этой батареи. Через день я пошел с товарищем в близко находящийся штаб, где у него были документы на орден Красной звезды, который ему не удалось получить из-за ранения. Перед этим он спрашивал на это разрешение у командира батареи, но получил отказ. Когда большинство людей ушло на работу, мы решили потихоньку улизнуть, сходить за документами за 1 час и вернуться незамеченными. Но едва мы прошли 20 м, как были замечены. В наказание за попытку уйти без разрешения нас обоих перевели из разведчиков в расчеты орудий – номерами на правах рядовых. Поэтому я сейчас каждую ночь стою на посту по 2,5 часа, и выполняю множество других малоприятных работ. Как провинившегося, меня временно сделали козлом отпущения и посылают на работы вне очереди. 25-го меня послали тащить пушки на передовую. Весь день шел дождь. Пока я дошел до передовой, шинель промокла насквозь, а зимняя шапка достигла веса не менее кг. Передний край пересекается дорогой (шоссейной). По ней на лошадях подвезли орудия до открытого места. Предстояло протащить орудия 0,5 км по болоту вперед и в сторону. По дороге нельзя было тащить потому, что она была взорвана через каждые 100 м и минирована. Вечерело. Под прикрытием пелены дождя, еще засветло поволокли (Вычеркнуто цензурой. Ред.) По шпалам протащили без особого (относительно) труда. Но когда съехали в болото, я понял, что настают самые черные минуты моей жизни. Орудие вязло по ось в размокшем торфе. 2 часа волокли орудие через 500 м болота. Потом вернулись назад и тем же путем потащили нашу пушку. Ее вес еще больше – 900 кг. Волокли ее 6 часов. До места (развалины дома на переднем крае) оставалось еще 100 м., когда стало рассветать. Всю ночь через каждые 10-15 мин немцы открывали огонь по болоту в (Вычеркнуто цензурой. Ред.). Хуже всего было то, что все болото было перепахано снарядами так сильно, что с трудом находили между воронок путь, позволявший пройти колесам пушки. В первые же минуты все поочередно искупались в воронках, но холодно не было, несмотря на то, что под ногами хрустел ледок. Нечего и говорить, что все по уши были заляпаны торфяной грязью. Едва только успели втащить пушку внутрь развалин, как были замечены и 10 минут просидели под шквалом огня артиллерии и минометов. При первых же разрывах кинулись в блиндаж (сруб размерами 2,5x1,5x1,5 м (обложенный камнями). В (Вычеркнуто цензурой. Ред.) влезавший в нее, чуть не погиб, т.к. снаряды стали ложиться в 3-5 м от входа. Уже стало светло, когда мы притащили, связав по три ремнем, снаряды. 5 человек остались у пушки, а остальные, в том числе и я, отправились в тыл. Только, было, я разулся и начал сушиться, придя «домой», как меня опять послали на передовую нести завтрак, печку и плащ-палатку расчету, оставшемуся на передовой и сообщить им, что они должны забрать снаряды,

которые везла повозка, шедшая со мной. Мокрый, уставший и голодный, т.к. поесть мне не дали, поплелся я на передовую, размышляя о том, как же пройти днем километровое пространство, просматриваемое немцами. Пришлось идти на риск и, не скрываясь, идти от одного разбитого танка до другого в промежутках между огневыми налетами. Подбитых танков наших и немецких вдоль дороги валялось много, так что через каждые 100-200 м я имел возможность отсидеться в укрытии от осколков.

Так воюют. И страшно бывает, и грязно, и главное тяжело.

После такого напряжения, а главное после 12 часовой прогулки в мокром виде я, изнежившийся за три месяца пребывания в тылу, немного заболел гриппом. Командир батареи утешил меня, что это пустяк и, что грипп лучше всего проходит от работы, (Вычеркнуто цензурой. Ред.).

Через три дня после того как мы поставили пушку на огневую позицию, нас отвели с передовой. Вечером пришли опять на передовую тащить пушку обратно. На этот раз было посуше, т.к. эти дни не было дождя, народа было больше, обстрел слабее и дорога, по которой нужно было вытаскивать орудие, была разведана заранее. Поэтому на этот раз пушку вытащили из болота за полчаса. Большую роль сыграло то обстоятельство (Вычеркнуто цензурой. Ред.). Каждому хотелось поскорее разделаться с этим грязным делом и поэтому все вкладывали все свои силы. Только мы вытащили пушку на дорогу, нас встретил комбат, который пришел с представителем сменяющей части для обмена пушками. После этого перетаскивали к пушке с огневой снаряды и, пританцовывая, отправились в тыл. Захватили барахло, оставшееся на месте старого расположения, и проследовали до берега реки Н. Здесь немцы еще летом и осенью прошлого года готовили укрепления (кажется я писал вам об этом раньше), и мы разместились в убежищах этой оборонительной линии. Дописываю письмо в одном из этих убежищ. Размер его 3х3х1,5 м. Стены выложены из железобетонных блоков, прошитых железными штангами, и обложены скрепленными цементом гранитными валунами. Сверху два наката из 40 см бревен, камни и земля. Окопы на берегу реки выкопаны гигантским плугом в несколько рядов. Удивительно, как прорвали такую оборону.

Жду писем от вас. Для меня они сейчас имеют лечебно-психологическое значение т.к. мне «и скучно и грустно и...» т.д. Надеюсь, что Витька и Юрка наберутся решимости черкнуть мне десяток – другой строчек. Получил ли Витька мое письмо, и были ли в нем марки и какие?

Витька спрашивал в письме: похожа ли война на описания Барбюса и др. Она хуже! Напишите, как обстоят дела с огородами, с переездом и какую квартиру дают в Обухово (не из числа ли тех, которые выбирались в прошлом году?).

Желаю вам всего наилучшего и, в частности, получше отпраздновать предстоящий праздник.

29.4.44 г. Валентин.

P.S. Посылаю в этом письме одну марку (русскую).»

15 мая 1944 г.

«Не писал вам долго потому, что не имел твердого адреса. За последние 10 дней сменил 3 места службы и адреса. В результате я выбрался из того плачевного положения, в котором находился, и попал на хорошее место – чертежником в топографической службе штаба этажом выше того, в котором я находился до ранения. В нем я уже 3 дня. Не писал вам, ожидая уточнения своего положения. Думаю, что оставшееся до конца войны время пробуду здесь.

Только что вышли из обороны и будем «кантоваться» по тылам. Жду ваших писем по новому адресу, т.е. то, что вы может быть послали до этого, я не получал и, наверное, не получу. Желаю вам всего наилучшего (особенно в переезде и в посевной компании)!

15.5.44 г. Валентин.»

20 мая 1944 г.

«Здравствуйте!

До сих пор я считал себя человеком неискушенным в науке карьеризма. Но последние дни я добился самого лучшего места службы, о каком мог мечтать. Я писал вкратце об этом в открытке, отправленной неделю назад, обещав в письме описать подробнее. Исполняю обещанное.

Исходное положение было таково: партия, в которой я прибыл на фронт, была целиком направлена в один из стрелковых полков. С большим трудом мне поэтому удалось избежать судьбы стрелка – самой страшной судьбы для солдата. Я пошел в полковую батарею. Этим я был спасен от немедленного вступления в бой. Правда, я пробыл около суток на передовой бронбойщиком, но все же не просидел там как стрелки 8 суток мокрым с головы до ног. После боя встретился с одним бойцом, вместе в котором лежал в госпитале и ехал на фронт. Он утверждает, что из группы, в которой мы ехали, перешли в ведение наркомздрава и наркомзема примерно 80%. Сам он получил какую-то болезнь, от которой ноги у него сильно распухли, и потерял в весе 10 кг. Я отделался только легкой контузией, о которой в прошлых письмах не писал. Несколько дней ходил полуглухой. Контузило во время таскания пушек по болоту, о котором я вам писал, - крупным фугасным снарядом.

Через два дня я узнал № корпуса, в который попал, и оказалось, что он тот же, в каком я был в боях под Новгородом. Незадолго до моего ранения дивизионный топограф (мой старый непосредственный начальник) был поставлен топографом этого корпуса. Я решил добраться до него и попросить его устроить меня куда-нибудь топографом или чертежником. Для того, чтобы пробиться в штаб корпуса, я затеял целую интригу. Напросившись на то, чтобы меня послали строить землянку в штабе полка, я нашел там полкового топографа и предложил себя использовать как топографа. Он предложил мне стать топографом батальона. Я знал, что это такое. Эта должность не существует по штату, а, следовательно, при вступлении в бой, через несколько дней после начала его, когда на переднем крае останется мало активных штыков, меня пошлют в цепь обычным стрелком. Но, т.к. мы вышли из боя на формирование, то я мог использовать свое положение топографа, чтобы незаметно смотаться в штаб корпуса, который расположился в 3 км от нас. Через несколько дней ожидания меня перевели в стрелковый батальон. Я поселился с начштаба батальона и находился на привилегированном положении – в наряды, замучившие меня в батарее, не посылались, и вообще, не имел почти никакой работы. Через три дня после начала моей новой карьеры, батальон отправился строить резервную линию обороны в районе, находившемся всего в 500 м от расположения штакара. Быстро кончив порученную мне работу (съемку местности, строящихся оборонительных сооружений и уже имеющихся), я отправился в тот район, где по наведенным справкам располагался штаб корпуса. Положение осложнялось тем, что я должен был, никого не спрашивая, по одним внешним признакам разыскать землянки штакара среди бесчисленного количества землянок, стоящих в этом районе войск, и среди них землянку корпусного топографа. Штаб корпуса я нашел по большому количеству американских Willis'ов, обычно служащих транспортом для большого начальства и по солидному виду блиндажей. Медленно идя среди землянок, я стрелял глазами незаметно для часовых, стараясь по окнам определить помещение топографов. И вдруг, к величайшей своей

радости, набрел на землянку с окном закрытым прозрачной восковкой и наличником из карт. Это верный признак того, что в помещении живут топографы. Подойдя к двери, я услышал и голос моего протеже. Он очень удивился и обрадовался, увидев меня (родная для него и меня дивизия, в которой мы были ранее, ушла из состава корпуса еще в январе). Первым его вопросом было: где я (в какой части) и кем. Я ответил, что нахожусь в N-ской дивизии (входящей в подчинение корпусу), в полковой батарее номером расчета. «А почему не пошел топографом?» - «Не было вакансий при распределении пополнения» (тут он возмутился), «Специалиста не используют! Хочешь, я тебя устрою полковым топографом?». Мне только, конечно, этого и нужно было. После часового разговора он расчувствовался и уже обещал взять к себе в топотделение штакора чертежником! Для того, чтобы осуществить перевод необходима была санкция начштаба корпуса. На следующий день я удрал под предлогом вызова меня полковым топографом, из батальона и имел счастье лицезреть начштаба корпуса. В тот же день я получил от своего начальства приказание явиться в его распоряжение. Работать в корпусе, как хотел устроить меня корп. топограф, мне не пришлось. Меня послали в одну из дивизий, в которой не хватало топографов в полках. Прибыв в штаб дивизии, я получил предложение стать чертежником, на которое, конечно, согласился.

Место замечательное. Ответственности на меня никакой не возлагается, работы не особенно много – гораздо меньше, чем до ранения, ни нарядов, ни физических работ, хорошо кормят и т.д. В общем, положение диаметрально противоположное тому, в котором я жил две недели назад. Когда я попал на это место, эта дивизия находилась на передовой. Жил в 2 км от немцев, но чувствовал себя (после пребывания на передовой) в абсолютной безопасности.

Попытки немцев сбросить нас в реку окончились неудачей, и после 25 апреля наступило затишье. По-прежнему при хорошей погоде несколько раз в день прилетают Ю-87 группами по 15-30 самолетов и бомбят ближние тылы, артиллерию и переправы. За 3 года войны наши зенитчики здорово наловчились и нередко пикировщики не решаются пикировать за ведущим, т.к. между ними и целью густо и кучно рвутся снаряды З. А. Иногда даже сбивают. Ю-87 обычно подходят на очень большой высоте «втихую» за облаками, на фоне солнца и пикируют с выключенными моторами. Обычно их замечают только, когда они уже начинают пикировать. Но, т.к. цепочка самолетов растягивается на несколько км, первый пикирующий самолет выдает остальные и поднимается страшный шум. Бьют крупнокалиберные зенитки от переправы, 37 мм и 20 мм автоматы, крупнокалиберные пулеметы, ПТР и обычные пулеметы. Грохот такой, что нельзя слышать человеческого голоса. Все поспешно «запасаются гробами» - залезают в блиндажи, чтобы случайно не кокнуло сыплющимися сверху осколками и пулями. Развлечение хорошее. Три дня тому назад снялись с «передка» и стоим в ближнем тылу. В нескольких сотнях метров расположен аэростат наблюдения. Когда он поднимается, немцы реагируют стрельбой из крупнокалиберных (105 мм) зениток. Как только начинается обстрел, аэростат поспешно тянут к земле. За все время немцы не сбили ни одного аэростата, но стрельба по нему частенько грозит увечьем нам.

Надеюсь, что смогу удержаться на этом месте (чертежника) до тех пор, пока мой путь во времени и пространстве не пересечется с путем быстролетающих кусков металла. А шансов на это много.

Сейчас у вас, конечно, горячее время – посевная компания. Очень интересуюсь ходом ее. Не могу найти слов, для того, чтобы выразить желание вас увидеть. Сочиняю пока различные прожекты – как получить отпуск, который некоторые умудряются получать «по семейным причинам». А пока у меня появилось «мещанское желание» получить от вас современные фотографии всех вместе или отдельно. Если у вас есть таковые,

оставшиеся от удостоверений, пропусков и т.п., пришлите их. Еще лучше если Юрка сфотографировал бы семью для меня и для истории.

Все вы, конечно, сильно изменились, а я вас представляю, какими видел 2 года назад.

Три дня тому назад начали оперяться деревья, значит, начинается лето. Но по ночам пока холодно и под утро вскакиваешь и оттанцовываешь дрожжачка. Спать приходится под открытым небом, т.к. мы пока странствуем.

Желаю вам всем всего наилучшего!

Жду писем от вас и в них фотографий.

До свидания! Валентин.

20.5.44 г.»

7 июня 1944 г.

«Здравствуйте!

Прошло 2 месяца, как я получил последнее письмо от вас. Не получая так долго от вас ничего, написал вам множество писем. Но они, очевидно, до вас не дошли – это единственное объяснение вашего молчания. Чтобы исключить вмешательство цензуры, ничего в этой открытке о себе не пишу, но одновременно посылаю другую открытку с описанием своего положения. О нем я могу сказать здесь только то, что оно преотличное и почти не уступает Юркиному.

Напишите сразу же по получении открытки по указанному адресу письмо (просьба относится и к маме и к Витьке).

Всего наилучшего!

7.6.44 г. Валентин.»

19 июня 1944 г. Финляндия.

«Здравствуйте!

Сегодня впервые за три с лишним месяца получил письмо. Написано оно Юркой 7.6.44. Одновременно я выяснил и причину того, что ваши письма до меня не доходили. Дело в том, что на нашей полевой почте не знали, что я имеюсь здесь. Недавно отсюда выбыл какой-то тип по фамилии Хоменко, и они, считая, что Ф это описка вместо Х, со спокойной совестью отсылали письма обратно. Представляю поэтому ваш испуг, когда вы получили обратно свои письма. Наверное, у вас создалось убеждение, что я опять схлопотал себе кусочек металла.

Но я жив и здоров и инородных тел в себе не имею. Нахожусь же, где и был, т.е. в той же части, но уже не в Эстонии, а в др. стране. Любуюсь озерами, дотами, надолбами, прочими прелестями. Все еще не в бою, но скоро предвидится. Проезжал верхом на картах через весь Ленинград и нашел, что население в городе за 2 месяца удвоилось. Нечего и говорить, что сердце защемило, когда я увидел толпы свободных людей. Проезжая через бывший передний край (Линия Маннергейма. Ред.), убедился, что он не так уж сильно был укреплен, как сложилось у меня мнение из газет. Поражает только невероятное количество проволоки. Буквально через каждые 200 м идет колючка в несколько рядов, на протяжении 2 километров. Сейчас стоим в деревне, чрез которую проходит вторая оборонительная линия. Два противотанковых рва прокопаны, линия надолб из двух-трех рядов гранитных надолб (попросту куски гранита, не имеющих определенной формы, но размерами они внушительны) сделана без разрывов, но доты за ними не достроены и стоят еще в лесах. Лазил я в некоторые из них. Стены 1,5-2 м из железобетона, размеры 15x20 м и неизвестной глубины. Купол наблюдателя имеет толщину 30 см литой стали. Возле - лежит пушка – 75 мм, у нее даже ствол бронирован. Интересно то, что пушка финская, а

плита, в которую она шарнирно вставляется – русская. Очевидно, она выдрана из нашего дота, стоящего у новой границы. Доты все стоят на высотах, 200-300-500 м друг от друга. Удивительно, что между ними никаких дзотов и стрелковых окопов нет и, что они вооружены только пушками. Все доты находятся в одной стадии постройки – все сделано, только не поставлена пушка в каземат, и, т.к. она вставляется туда через крышу, не сделано перекрытие в нем; и они не обвалены землей. Внутри дота (в прихожую) может заехать автомашина, дверь из прихожей в коридор имеет толщину 15 см (она, конечно, из стали). При строительстве употреблялся небольшой деррик из бревен. Земли возле дота навалена такая гора, что если ее перевалить на дот, получится слой толщиной метров в 5. Доты мощные и взять их трудно, но пройти через линии дотов, если между ними нет никаких других укреплений и огневых точек, легко. Деревни все целые – ничего не пожжено и почти не разбиты артиллерией, и поэтому как-то странны для глаза, за три года привыкшему видеть только развалины.

Поистине – это страна дерева и его промышленности. Дома сделаны из бревен, но снаружи обиты досками, а внутри фанерой и картоном. Термоизоляция на дверях из толстого (2 см) рыхлого картона и т.д. Везде до черта навалено досок, бревен, брусков, фанеры и т.п.

Погода стоит пасмурная, то и дело дожди. Чуть только прояснится – летит наша авиация. Ни одного финского самолета пока не видал. (Вычеркнуто цензурой. Ред.) Или пусть Витька сам ответит на этот вопрос, т.к. он в этом вопросе самое заинтересованное лицо.

О том, чтобы попасть домой, каким-либо способом, конечно, нечего пока и думать. Но после окончания «компании», конечно, подумаю.

Сейчас мне приходится мало спать – много работы, но я уже втянулся в это и считаю не спать сутки пустяком, а двое суток – терпимым.

Сейчас, только что, над нами пролетело три группы бомбардировщиков по 27 штук. Летает здесь даже и старье – ДБ-3-Ф, которое на др. фронтах я ни разу не видал днем. Истребители вокруг этих тихоходных самолетов вьются как комары. И так далее.

Всего наилучшего!

Жду ваших писем.

19.6.44 г. Валентин.»

1 июля 1944 г.

«Здравствуйте!

В моем положении пока никаких изменений нет. По прежнему еще не воюю. Стоим в одной из деревушек уже больше недели. Привел служебные дела в порядок и теперь бездельничаю. Дела службы отнимают сейчас лишь 1-2 часа в день. Остальное время заполняю чтением, игрой в шахматы и «козла», при которой доходят до исступления, валяюсь на припеке, загорая, и т.д. Не война получается, а настоящий курорт. Климат здесь продолжает удивлять меня. После недели дождей, наступил период жары достойной юга. Вода в озерах прогрелась, и я часто хожу купаться. Возле нас есть большое озеро 3x5 км. Глубина его везде одинакова – по пояс и вода, поэтому, чертовски теплая. На нашем фронте наступило затишье, но наша авиация продолжает свирепствовать – каждый день над нами проходят 50-60 самолетов (до 120 иногда).

Послал вам недели полторы назад письмо (довольно откровенное), в котором послал финские почтовые марки. Интересно, получили ли вы его и их.

Жду реляций от Витьки об экзаменах. Сегодня же начинаю писать письмище с описанием окружающего. В нем опять попытаюсь переслать Витке марок.

Вы писали, что моим адресом интересуются какие-то девицы. Действительно, получил от них письма, поставившие меня в тупик, т.к. я их тоже не знаю.

Жду третье письмо от вас!

Желаю вам благополучного переезда и хорошей погоды!

1.7.44 г. Валентин.»

1-8 июля 1944 г.

«Где я нахожусь, вы наверное знаете. Обстоятельства, при которых я попал сюда, таковы. Стояли мы под Ленинградом, когда появились слухи о концентрации частей у места осуществленного прорыва. Возле нас был аэродром, активность которого отражала подготовку к наступлению. Начало греметь: авиация и артиллерия обрабатывала передний край. Потом вдруг все прекратилось. Зенитная артиллерия, авиация и все войска под Ленинградом были извещены, что в определенный час пролетят два самолета, по которым огня ни в коем случае не открывать. Они пролетели на довольно большой высоте, имея курс на юго-юго-восток. Через четыре дня они вернулись назад и началось артиллерийское и авиационное наступление. Через день оборону прорвали, а еще через день мы отправились за продвигающимися войсками. Шли по свежим следам, там, где вчера шел бой. Укрепления до линии Маннергейма – я вам описывал – почти все были не достроены. Сама линия Маннергейма выглядела так: гранитные надолбы в 4 ряда, проволока в 5 колов, противотанковый ров с бетонированной передней стенкой, имеющей в себе какие-то окна и ниши, линия траншей, линия дотов, второй противотанковый ров и вторая линия траншей. Все это на глубине 200 м. В километре от первой линии – вторая: контрэскарп, проволока, траншеи, дзоты. Все доты (и недостроенные) повзрывали. На дот 800 кг тола. Камни и бетонные осколки от такого взрыва летят на 300 м вверх и на 200 в стороны. От дота остаются только ножки, засыпанные сверху раздробленными рожками. Последние переходы по девственной местности – там, где наши войска еще не проходили. Жители все выселены, причем уезжали они довольно поспешно. Мебель в небогатых домах осталась. Остались почти нетронутыми продовольственные и вещевые воинские склады и совсем нетронутые магазины. Оказывается, магазины здесь на 80% торговали бумагой и фанерой. В деревнях и в лесу бродят коровы, телята, свиньи. Богатые хутора, которых здесь примерно 5%, эвакуированы под метелку, даже увезены сельскохоз. машины, остальными брошенные. В повальном увлечении трофеями ваш сын принял некоторое участие. Мои трофеи заключались в рулоне бумаги, двух листах фанеры (7-слойной) и замка (для сундука под карты) и 10 кг свежей рыбы, только, что засыпанной солью для смолки. Часто встречается зарезанный и пристреленный скот, но разрушений, произведенных населением или отступавшими войсками нет. Некоторые мосты подорваны. Встречались и заминированные участки дороги. В одном месте (на крутом спуске) вытащили 27 противотанковых и столько же противопехотных мин, а из-под моста, что был рядом, извлекли 200 кг тола, 7 снарядов и 3 противотанковых мины. Когда после разминирования по дороге пошли части, на одной оставшейся ПТ мине подорвался 120 мм миномет. Он наехал на нее колесом передка и т.к. мины (20 шт.), находившиеся в нем, сдетонировали, взрывом убило весь расчет, поддерживавший на спуске миномет, и еще некоторых. В районе нашего расположения до сих пор бродят по лесам солдаты противника. Здесь их до 500 человек рассеявшихся после разгрома одного из полков. Каждый день приводят по несколько человек сдающихся в плен, т.к. они не в силах продолжать голодать. О себе они рассказывают охотно. Их дивизия была переброшена сюда из под Медвежегорска и, не успев выгрузиться на станции, попала под удар наших танков. Потом они были обойдены и остались в нашем тылу. При попытке прорваться назад их распушили. Говорят, что немцев на перешейке нет, что дисциплина в войсках

строгая – чуть что - расстреливают, что население немцев ненавидит и в тылу часто убивает немцев из-за угла. Питание их за последнее время улучшилось. Сейчас солдаты и офицеры (они питаются все из одного котла) получают 800 гр. хлеба и 2 раза в день горячую пищу из одного блюда. Население получает по 500 гр. хлеба. С обмундированием плохо. Солдаты получают новое, когда старое изорвется в пух и прах. Офицеры получают раз в год новое за наличный расчет. Нательная рубашка стоит 250 марок (ком. роты получает 1100 в месяц).

Раньше мы злорадствовали, слыша о партизанах в тылу немцев, сейчас сами без автомата никуда не ходим, опасаясь встречи с разбежавшимися финнами. За все время встретили только 5 финнов оставшихся после эвакуации: одну старуху и 4-х девушек.

Пленный финский офицер уверяет, что с пленными они обращаются хорошо. А, между прочим, в брошенном барахле какого-то русского попики я нашел 3 любопытных документа: план лагеря военнопленных, план кладбища при лагере и список похороненных. Лагерь небольшой – 2 барака, а на кладбище от «хорошей жизни» переселились 166 человек.

Белыми ночами я уже налюбовался вдоволь. Сейчас максимально светлые ночи уже прошли, но и сейчас всю ночь в комнате можно читать, чертить, писать, не напрягая особенно сильно зрение. Ходил я две ночи ловить рыбу на озеро (3x4 км). Озеро вырождающееся, на всех участках глубина 1 м. Ловля рыбы заключалась в том, что, пихаясь осторожно шестом, подъезжаешь к уснувшим щукам и стреляешь в них из автомата или пистолета. Неудачи бывают очень редко. Даже близкое попадание пули глушит рыбу. За ночь (с 10 ч. до 4-5) улов достигает 10-15 щук по 40 см. К тому времени, когда я пишу эти строки, подобные сельские развлечения прекратились. После нескольких переходов вплотную подошли к передовой. Здесь шли уже серьезные бои. Местность приобрела привычный облик – разбитые дома, скошенные и израненные деревья, и обычное несметное количество воронок всех размеров. Начались бессонные ночи. Встречаются финские танки. Напоминают они танки 20-х годов. Узкие, высокие, с узкими гусеницами, с «фанерной» броней. По сравнению с нашими новыми танками КВ - выглядят игуандонами какими-то. Почти вся их техника отстала от современной на 10 лет. Исключение составляют только привезенное из Германии – его около 30%. В последние дни на нашем участке появилась немецкая артиллерия, заметная по стилю работы: усиленная стрельба ночами, ведение огня бешеными налетами, засечка наших батарей и т.д. Это, очевидно, результат деятельности Рибентропа. Оказывается финны уже не те, какими были в 40 г. Воюют они гораздо слабее немцев.

В этом письме опять посылаю несколько почтовых марок – авось дойдут.

Жду писем от вас. Пока имею за все время одно письмо от Юрки и открытку от папы.

Всего наилучшего!

1-8.07.44 г. Валентин.»

Из воспоминаний: 13 июля я был ранен в спину осколками разорвавшейся на дереве бомбы. Дело было так. Я играл с товарищем в шахматы. В это время началась бомбежка, самолетов 30 зашло на нас, и мы оба прыгнули вдвоем в одну «могилку».

А там, на Карельском Перешейке прошел ледник, и слой земли был всего сантиметров 70, а дальше гладкий отполированный гранит. И вот, докапываемся до этого гранита - дальше некуда. Сверху клали жердочки, потом землей все это забрасываешь, точнее зернистым песком с гравием.

Втиснулись мы в «могилку» с трудом, потому, что рассчитана она не на двоих. Слышу, бомбы рядом падают. И одна бомба разорвалась на дереве прямо над нами. Осколком товарищу перебило позвоночник. А мне попало по мягким частям спины,

пробило их насквозь. И плюс к тому, когда осколки пробивали то, что было насыпано сверху, то по дороге увлекали за собой мелкие камешки, и мне еще штук 50 дырок наделало в спине. Большую часть камней вытащили в медсанбате, а более мелкие после войны сами выходили несколько лет.

До этого я довольно равнодушно относился к бомбежкам. Ну, бомбят и бомбят. Ложился на спину, чтобы стрелять в самолеты. Охамел, как говорится. Но после этого ранения, чуть слышу издали гул немецких самолетов, уже «начинают на сердце кошки скрести».

Август 1944 г.

«Здравствуйте!

Решил дать вам весточку проездом из Ленинграда. Сразу же после того, как я оказался разбомбленным, мы снялись и отправились назад уже не маршем, а по ж.д. Эшелон, в котором я еду – последний из эшелонов дивизии. Поэтому 3 дня просидели на станции в ожидании своей очереди. Накануне отправки меня чуть было не отправили из санбата в госпиталь. Упросил с большим трудом оставить до прибытия на новое место. Сейчас, как мне кажется, врачи смягчились, и, может быть, удастся остаться. Большую роль, конечно, в этом имела компания, которую я провел: упрашивал все встречаемое мной в эти дни начальство ходатайствовать о моем оставлении. Из-за чего я хлопочу, вам, надеюсь, понятно: уйди я в госпиталь – я не попаду назад и все мои «интриги» пойдут прахом.

Проезжал на автомобиле Выборг. Красивый город! Сильно разрушенных зданий мало, но почти все стекла выбиты взрывами и даже вручную. Следов осколков на стенах зданий нет. Следовательно, разрушения произведены не боями, а подрывом. Перед Выборгом идет неоконченная линия обороны. Доты только начаты.

Поезд скоро отходит, поэтому особо много написать вам не имею возможности.

Рана на спине заживает вполне благополучно. Царапины на спине тоже совсем зажили. Т.ч. о моем состоянии не беспокойтесь.

Писем от вас пока не имею. Чем это объяснить, я не знаю. «Курс метеорологии» тоже не пришел.

Напишите – какие мои письма получили и были ли в них марки, как обстоит дело с переездом, как поживают огороды, как обстоят дела у Юрки, Витьки, продолжает ли работать мама и т.д.

Всего наилучшего!

Валентин.»

22 августа 1944 г. Эстония.

«Здравствуйте!

Потеряв надежду кончить начатое полмесяца назад письмо, решил послать сию открытку.

Вышел из санбата, не пролежав и месяца, с еще открытыми ранами. Сейчас они почти совсем зажили. Снова на старом месте. Времени свободного почти совсем нет. Сплю по 4-5 часов в сутки, но, отдохнув в санбате, пока переносу это легко. Много работы накопилось за время моего отсутствия, но, главным образом, задавила работа по подготовке. Буквально через каждые 2-3 дня приходится начинать все сначала. А каждый вариант – 50-60 часов работы для меня над схемами, выдача новых карт и еще черт знает сколько работы. Надеюсь, вы простите мне длительный перерыв в письмах, учтя все вышеизложенное.

Получил, придя из санбата, два письма от папы и одно от Витьки (с его фото). Поздравляю с благополучным переездом. Опишите, как выглядит новая квартира. Желаю

Витьке успехов в учебе. Пусть пишет еще. Его письма мне очень нравятся. Жду обещанного письма от мамы. Всего наилучшего!

22.8.44 г. Валентин.»

9 сентября 1944 г.

«Недавно случайно узнал, что на имя к-ра части пришли 2 запроса о моей судьбе. Это доказывает, что те письма, которые я вам отправлял, довольно регулярно, до вас не доходят.

14 августа, пробыв в санбате 1 месяц и 1 день, вернулся на старое место. К этому времени раны у меня, правда, не совсем зажили, но не мешали мне. Дней через 10 они окончательно зажили. На спине у меня осталось 50 штук царапин всевозможной формы и один шрам от разреза, сделанного, чтобы достать глубоко ушедший осколок камня. Выздоровление прошло в срок удивительно короткий даже для врачей. Они приписывают это оправданию какой-то новой теории трудотерапии. В санбате я хорошо отдохнул, поправился и растолстел. Вдоволь наигрался в шахматы с довольно сильными игроками и «понахватался теории как сучка блох». Из санбата написал вам большое письмо, которое вы очевидно не получили.

Едва я вернулся, как меня завалили работой, которой накопилось прорва. Все дела учета расхода топокарт, приведенные мной перед самым ранением в порядок, опять полностью запущены и опять придется месяц-два распутывать их.

Сначала гуляли по резервам, а теперь уже с неделю сидим в обороне. Я вам писал о боях за сопки около месяца назад. К этим высоткам мы и попали сейчас. Конечно, спокойней, чем тогда, но и сейчас это наиболее «оживленный» участок. Эти высоты возвышаются над окружающей болотной равниной на 40-50 м и очень круты. Идут с востока на запад. Их три штуки: восточная - наша, западная - немецкая, средняя - на $\frac{1}{4}$ наша, на $\frac{3}{4}$ - нет. Западная высота имеет обрыв высотой 35 м и длиной больше км. К нему примыкает вал постройки 1704 г, идущий вплоть до берега моря. Эта позиция была создана Петром I в эпоху русско-шведской войны. Внутри высоток прорыты штольни и имеются помещения той же эпохи. Немцы в них свили довольно прочное гнездо. Автомшины у них въезжают внутрь холма и делают там свои грязные дела. Нужно оговориться, что здесь стоят не немцы, а норвежская, датская, голландская и т.п. танковые дивизии и бригады СС, лишившиеся своих танков. Называют они эту позицию Таненберг. Я живу сейчас в 3-х км от передка в здоровенном блиндаже, сделанном самими немцами. Блиндаж такой, что устоит против бомбы в 250 кг. Правда, здесь падают 360-420 мм снаряды, способные пробить и более солидные перекрытия, но вероятность попадания такого снаряда очень мала.

Пленные рассказывают, что немцы собираются применить для обстрела Ленинграда самолеты-снаряды U-2 и подвозят их к нашему участку. По-моему это утка, которой немцы стараются поднять дух своих солдат. Солдаты их почти каждую ночь по одному приходят сдаваться к нам. Приходят все национальности Европы.

Таковы общие новости. О большем я писать не буду - боюсь, как бы письмо не погибло из-за него. Дня 3 тому назад переболел гриппом. Болел всерьез. Температура доходила до 40. Три дня пролежал на нарах, не поднимаясь, и все три дня ничего не мог есть. Накопленный в медсанбате жир сошел, и я стал даже тощим. Надеюсь быстро возвратиться к номиналу. Вчера ночью пытались «нахально» захватить вторую высоту. Один наш полк более недели готовился к этому в тылу. Я построил из песка макет всех трех высот с обрубками деревьев и пр. реквизитом, с траншеями, дзотами и канавами. На этом-то макете я и пострадал. Строил его с 4 утра до 10 под дождем, стараясь успеть к

приезду генералов и, конечно, простудился. Наступали ночью после 5 минут артобстрела. Было, правда, около 300 орудий и минометов со всей возможной для них скоростью, но для этой высоты этого все же мало. Удалось продвинуться только на 150 м – занять первую линию траншей, но потери у противника большие. В 1 траншее осталось 60 его трупов, а днем более 30 санитарных машин выехало из недр третьей высоты, увозя раненых.

Жду обещанную вами книгу «Курс метеорологии» и никак не могу дождаться. Очевидно, она потерялась почтой. Давно нет никаких писем от вас. Последнее было до возвращения моего из санбата. Дожидаюсь подробностей о переезде и, главное, описания новой квартиры. Мама тоже, кажется, собиралась писать. Наверное, она может написать мне что-нибудь во время своих дежурств, коротая этим время. Интересуюсь – скоро ли я стану дядей? Новые марки Витьке посылать я опасюсь – они пропадут. Лучше я вручу их при возможном скором свидании после окончания войны. В связи с тем, что наши союзники начали воевать по настоящему, можно надеяться, что война кончится еще в этом году.

Всего наилучшего! Море шумело...
0 ч. 50 минут. 3 км. от какого-то моря.»

4 октября 1944 г.

Приветствую!

Причиной довольно длительного моего молчания послужило постигшее меня несчастье. Я написал 10 дней назад письмо и ... потерял. Немедленно сел за другое. Писал его 6 дней и, не дописав, опять потерял! Разозлившись на судьбу, сел за третье письмо, чтобы описать то, что писал я в предыдущих письмах. Но не подумайте, что эти утери результат моего легкомыслия. Первое письмо потерял человек, который понес их сдавать на почту. Второе сперли вместе с блокнотом, в котором я его писал, польстившись на хорошую бумагу его.

Не знаю, получили ли вы письма, которые я писал вам, находясь в обороне под Нарвой, у самого берега моря. Подтверждения получения их вами у меня нет, т.к. писем за это время от вас не было.

Мы стояли у трех высот, одна из которых была нашей, а 2 др. немецкими. Т.к. вокруг равнина, а эти высоты возвышались над ней на 60 м, то они были ключевыми и за них в свое время шли жесточайшие бои. Находясь в обороне, мы пытались захватить одну из них внезапным ночным штурмом, но, заняв только подножье ее, успеха не имели. Эти высоты вообще были одним из наиболее оживленных участков нашего фронта и стоять под ними было довольно «весело».

16 началось наступление от Тарту, а через 2 дня немцы начали драпать, опасаясь окружения. О подробностях преследования удиравших немцев я расскажу вам после войны, т.к. описать в письме все это невозможно, но некоторые эпизоды можно поместить в письме.

Мы наступали вдоль побережья со всей возможной скоростью. Немцы удирали на Таллин, чтобы там погрузиться на корабли и уехать «nach Vaterland». Несмотря на арьергардные бои, на взорванные мосты (были взорваны все мосты имевшиеся на нашем пути), минирование и т.п., проходили в день по 50 км. Т.к. при таком стремительном продвижении неизбежна путаница, то раз мне пришлось участвовать во взятии города. Наша пехота двигалась верхом на танках, самоходных орудиях и на подручных средствах: на лафетах пушек прицепленных к автомашинам, на «Катюшах», на машинах с боеприпасами и т.п. Наша полutorка на второй день наступления обогнала основную массу наступавших, и штаб дивизии, ехавший вместе с нами, вырвался вперед. Как потом

выяснилось, впереди нас были только несколько танков. Они, не задерживаясь, проскочили г. Раквере и мы, въехав на его окраину, оказались первыми, кого увидело население. Вообще, эстонское население, при нашем приближении к ним пряталось или уходило в лес, боясь оказаться среди боя. Нас встречали повсюду только русские эвакуированные ранее из оккупированных немцами р-нов. Встречали с огромной радостью. Если раньше я мог сомневаться в полной справедливости актов комиссии по расследованиям немецких преступлений, то теперь, выслушав рассказы из первых рук, я полностью убежден в их правильности.

После остановки на окраине, где нас встретило население, мы въехали в город. Остановились на перекрестке. Развернули рацию, я начал прямо на машине клеить карты. Вдруг впереди послышалась стрельба. Через минуту оттуда прискакал офицер, оставшийся с несколькими солдатами ожидать нас, чтобы передать донесение из головных танков. «Немцы на машинах! Окружают!» - прокричал он. Тут все стали разворачивать машины и уезжать. Мы не могли уехать, т.к. наш шофер ушел снимать радиатор с трофейной машины в соседний квартал. Около машины остались только 4 человека: 2 радиста, я и один капитан. Все они, кроме меня, не имели автоматов, а были с пистолетами. Через несколько минут к нам пришло 10 человек на помощь и мы, кроме радистов, оставшихся охранять машину, пошли вперед. Из-за угла увидели: впереди на перекрестке стоят 3 автомашины с прицепами и возле них около 40 чел. немцев. По задворкам вышли на пересекающую улицу и с помощью еще 6 человек, подоспевших к нам, взяли 10 человек в плен, а остальных убили. С триумфом приехали к своим на автомашине ведомой пленным шофером. Другие две подобных автомашины с немцами и танкетка, стоявшая на следующем перекрестке, удрали. За это «дело» меня наградили медалью «За боевые заслуги». Вчера я прочитал об этом в нашей дивизионной газете.

Наша дивизия заняла город Талин. Немцы в основном успели погрузить войска, но оставили огромное количество не уничтоженных складов, груженных эшелонов и даже 13 кораблей в порту. Не успевшие погрузиться удрали на следующий порт – Пальдиэки (Балтийский порт), но и там им не дали погрузиться и они «разбежались по местности». Сейчас стоим в Талине. Я живу в доме министра эстонского правительства, существовавшего при немцах. Это правительство, между прочим, осталось в Талине. Немцы отказались везти их с собой в Германию. Дом расположен 22 км от окраины города. В самом городе я жил 2-е суток. Успел осмотреть его.

Замечательные условия, в которые я попал, и радуют и печалят. После 3-х лет жизни в грязи – попал в квартиру с ореховой мебелью, мягкими креслами и т.п.

Эстонцы не дали взорвать электростанцию - работает, живем при нормальном электроосвещении. Слушаем радио – трофейный немецкий радиоприемник. Живо вспоминается довоенная жизнь. Охватывает такая тоска, что готов повеситься. Как хочется скорее с вами увидеться! Я и раньше верил в нашу встречу, теперь вера эта совсем окрепла, и я уверен на 95%, что в будущем году приеду к вам совсем. Благодаря захваченным огромным запасам немецких прод. складов, питание наше не оставляет желать лучшего. Когда я думаю о вашей жизни – кусок не лезет в горло.

Вы в каждом письме зовете меня приехать, взяв отпуск на несколько дней, домой. Я часто мечтаю об этом, но осуществить, к сожалению, не могу. Ездят в отпуск на большое расстояние лишь большие ловкачи из большого начальства или их холуи. Как только обстановка позволяет отпустить на побывку, к комдиву толпой приходят все штабники – проситься. Явиться мне вместе с ними? Вызовет только смех. Остается опять только ждать и ждать. Часто появляются у меня черные мысли от том, что и выбравшись отсюда я буду чувствовать себя плохо. Вряд ли окажется возможным продолжать учебу из-за материального положения, да и притупившиеся способности не позволят. Хотя и пытаюсь

не дать заплесневеть мозгу, но чувствую, что очень туго воспринимаются отвлеченные математические понятия. Пугает.

Надеюсь, что вы не обижаетесь на большие перерывы между письмами. Наверное, привыкли к ним. Времени свободного до 1-го у меня было очень мало.

Всего наилучшего!

Жду писем от вас. 4 октября 1944 г.

Валентин.

11 октября 1944 г. Талин.

«Здравствуйте! 23.9-11.10.44 г. Талин.

Вы, надеюсь, получили мои письма, в которых я рассказывал о своей жизни в период обороны. В этом случае, прочитав о наступлении в Эстонии, вы ожидаете, наверное, моего письма из госпиталя. На этот раз обошлось без этого, т.к. наступление было особенным. Ночью 16 сентября пришла шифровка, что наши войска сев. Тарту начали успешное наступление. В связи с этим ожидался отход противника с нашего участка фронта, где ему угрожало окружение в случае выхода войск, наступающих на Тарту на побережье. С утра немцы открыли бешеный огонь из всей своей артиллерии. Все 47 артиллерийских и 37 минометных батарей, засеченных еще до этого батареями звуковой разведки против нашего участка, вели беспорядочный огонь по всей глубине нашей обороны. Ночью огонь не утих, а еще больше усилился. Ожидали контратаки. Это было вполне естественное предположение, тем более, что немцы из окопов своего переднего края кричали: «Русь, ночь спи, утром держись!». Весь следующий день немцы то в одном, то в другом месте ставили дымзавесы, огонь еще более усилился. У нас в штабе мнения разделились – одни утверждали, что это признак приготовления к отходу, другие с пеной у рта заявляли, что немцы такие сукины коты, которые без боя не уходят. К 22 ч. огонь совсем прекратился. Послали разведку. Она донесла, возвратясь к 24, что в первой траншее сидят только одиночные автоматчики. От нас была видна интересная картина. С переднего края из одних и тех же мест непрерывно пускались ракеты. Не успевала пущенная ракета погаснуть, как взлетала новая. Тут уже никто не спорил. Было ясно - немцы удирали. В 2 ч. наши части начали продвижение вперед. Соппротивление оказывали только отдельные автоматчики, но все было сплошь заминировано, и в кромешной темноте лезть через минные поля и заминированные траншеи дело не пустяковое. В 2 ч. я выдал карты для преследования вперед на 70 км. В 6 ч. на автомашине я приехал к подножью первой высоты и просидел в ней на нейтральной полосе 2 часа. Какой вид у ничьей земли у ключевых высот в письме описать невозможно. Расскажу когда увидимся. Немцы удирали во всю прыть. Незадолго, мы получили данные агентурной разведки, что обороняющиеся против нас части получили дополнительно к имевшимся столько автомашин, что могут целиком погрузиться и уехать на них. Правда, и у нас с моторизацией было не плохо. Почти вся пехота влезла на танки и самоходки. Оставшиеся ехали на «подручных средствах» - на лафетах орудий, на машинах с боеприпасами и т.п. Начались гонки. Вся немецкая армия собралась на два параллельных шоссе и уходила на Таллин, взрывая все мосты и оставляя засады и заслоны. Перед взорванными мостами образовались пробки, тянущиеся на десятки км. Хотя погода была самая замечательная, авиация пр-ка не появлялась, что было совсем удивительно. Пробки имели довольно живописный вид. В два-три ряда на шоссе стояли танки, самоходки, трехосные курносые Студебеккеры РС, или, везущие орудия автомашины всех систем с прицепными пушками, тяжелыми минометами и противотанковыми орудиями, ревущие трактора орудий крупного калибра, юркие Виллисы с крупнокалиберными пулеметами, мотоциклы, машины с боеприпасами, рации и пр. Взорванные мосты объезжаются проселками, на которых мосты не взорваны,

или рядом со взорванным мостом переезжают реку вброд. На наше счастье речки в Эстонии оказались очень мелкими – не глубже 50-70 см. Там, где мотор заливало водой, приходилось соскакивать и с воплями тащить машину на берег. За первый день мы прошли около 30 км. На ночь остановились в только что занятом городе. Спать, конечно, не пришлось, так же как и в предыдущую ночь. В 6 часов двинулись дальше. Только в этом городе встретили первых эстонцев. Прифронтную зону немцы целиком очистили от жителей. На второй день «наступления», вернее преследования, темп его ускорился. Проехав около 50 км, к вечеру подъехали к городу Раквере. Наша полуторка, везущая только сундук с картами, сейф с документами, две рации да 6 человек, как легко нагруженная, все время перегоняла другие машины. Под конец мы перегнали основную массу танков и самоходок и вырвались, не заметив этого, вперед. Вместе с нами ехала машина комдива и начштаба. Вплотную за нами шли штук 10 «Катюш» на Студебеккерах. Как потом выяснилось, впереди шли только 4 танка. Они проскочили город, и пошли дальше, не задерживаясь. Шли они лишь в нескольких км сзади арьергарда взрывающего мосты. Въехав в окраину города, остановились и слезли с машины. Остальные машины застряли метров 500 сзади. Впереди показалась толпа людей бегущих к нам. Так как головные танки прошли незамеченными из-за шума немецкого отхода и взрывов на станции, то нам пришлось стать в роль первых въехавших в город. Толпа состояла из русских, увезенных из оккупированных областей при отступлении немцев. Мужчины, обросшие бородами, размазывая слезы, лезли целоваться. Девчата гирляндой вешались на шею... Через минуту мы уже бегали за немцами не успевшими уйти со всеми и попрятавшимися по задворкам. Поймали двух. Проехали два квартала и остановились на перекрестке. Сняли рации, расставили антенны. Подъехал комдив и еще две машины. Вдруг впереди послышалась стрельба. К нам карьером прискакал лейтенант, оставшийся из танкового десанта с четырьмя бойцами ожидать нас. «Немцы на машинах! Окружают!!» - крикнул он и промчался дальше. Легковые машины начальства мгновенно развернулись и укатили. Наш шофер ушел, и мы не могли последовать за ними. Я, один капитан и два радиста остались у машины. Уйти от нее, оставить немцам было нельзя – я отвечал бы за пропажу важных оперативных документов. Из всех четверых только у меня был автомат, у остальных пистолеты. Стрельба приближалась. Через минуту сзади прибежало 10 человек присланных из расчетов «Катюш» нам на помощь. Оставив у машины радистов, пошли во главе с капитаном вперед. На следующем перекрестке, высунувшись из-за угла, увидели две здоровенные автомашины с прицепами и штук 40 немцев вокруг. По задворкам вышли на пересекающую улицу с обеих сторон от перекрестка. Из «тыла» пришло еще человек 7 подкрепления. Услышав голос наших танков, подошедших к окраине, немцы загалдели и собрались в кучу. По ней мы и ударили из автоматов. Оставшиеся 10 человек, во главе с шофером одной машины, сдались в плен. Две другие машины, стоявшие за поворотом улицы, удрали, услышав стрельбу. Мы с триумфом приехали к «основным силам» на автомашине, которую вел пленный шофер.

На ночь остановились в городе. Нельзя было беспрерывно продвигаться вперед, т.к. этим мы бы оторвались от своих тылов, от тяжелой артиллерии, от вторых эшелонов пехоты, идущей пешком, и, наконец, от своих кухонь. Нужды, правда, в них мы не ощущали. Хотя немцы и готовились к отходу, но почти все склады они побросали, не успев их даже поджечь или подорвать. Остались огромные штабеля снарядов, склады продовольствия, огромные бунты прессованного сена. На дорогах стояли брошенные автомашины, половина которых была исправна, на станциях стояли эшелоны с тяжелыми орудиями. Город, в котором мы ночевали, горел. Горел он, правда, от бомбежки, которой подвергся накануне. Жители (русские) рассказывали об мучениях, пережитых за время

оккупации. Им действительно пришлось очень плохо. Многие (до 50%) не дождалась нас (погибли в лагерях, тюрьмах и «просто так»). Жаловались на плохое отношение к ним туземцев, которых они называли «куратами» (в переводе на русский – «черту брат»). Опять ночь без сна и утором в 6 ч. выехали из города. Проезжая по шоссе, идущему по берегу моря, встретили несколько береговых батарей. Осмотр установил: снаряды были подложены под орудия и взорваны, приборы побиты дубиной. В тылу у немцев до последнего дня работали на строительстве укреплений рабочие батальоны, состоящие из русских жителей Эстонии. При отступлении немцев они поразбежались и группами выходили на дорогу «сдаваться». Одеты они были в немецкую форму и поэтому боялись, как бы их сгоряча не кокнули. Забирали в плен и группы подрывников. Местами, где, очевидно, работали подрывники-педанты, на многие километры все телефонные столбы были подорваны. И странно было видеть брошенные, наряду с этим, исправные автомашины, огромные склады сена, для которых было достаточно одной спички, чтобы уничтожить. Перед самым Таллинном столкнулись с интересными случаями. Эстонцы не давали взрывать шахты, заводы, мосты и т.п. Немцы спешно грузились на пароходы и удирали в Германию. Как мы не торопились, мы не успели помешать погрузке основных сил. Войдя в Таллин, выбили оттуда несколько тысяч немцев...

Нашел это неоконченное письмо через 5 дней после отправки письма, описывающего эти же события, но в более сокращенной форме. Написал его т.к. это письмо было утеряно. Думаю, что вы с удовольствием получите и прочтаете и это письмо.

На днях удалось побывать в лагере истребления Клоога. В армейской нашей печати о нем писалось подробно. Я послал бы вам вырезки из нее, но их у меня только 1 штука, которую я берегу на память, чтобы быть позлее, когда попаду на территорию Германии. Лагерь на 3-4000 человек. Как говорят оставшиеся в живых заключенные (их спаслось 84 чел.), с которыми я разговаривал, - сравнительно небольшой по сравнению со множеством других. Проволока, через которую перебраться нельзя. Вывеска над входом «Предприятие Клоога». Там действительно заключенными изготавливались бетонные надолбы, колпаки, разборные доты. Бараки сожжены. В двух бараках размером 30х60 м весь пол сплошь покрыт останками сгоревших людей. В одном остались только белые кости слоем 20-15 см., покрывающим всю площадь барака. Свидетели рассказывают, что их сожгли живьем. Два огромных костра из бревен сложенных по всем правилам науки, в них слоями лежат голые люди. Их приводили за 500 м из других бараков, в 30 м от костров заставляли раздеваться, потом лечь каждого на полагающееся ему по порядку место лицом вниз. Предварительно каждый, уже голый, приносил дрова, которыми покрывал нижний слой трупов, приготавливая место для себя. Лежащих поочередно расстреливали в упор в затылок. Костры были подожжены, но, т.к. немцы удрали и не поддерживали огонь, потухли. Что переживали обреченные – представьте себе сами. Большинство в лагере – евреи из Украины и Белоруссии. Остальные – русские, поляки и прибалты. Возможно, что некоторые не верят в то, что немцы планомерно истребляют огромные массы людей. Я своими глазами видел кремационную печь и яму возле нее с несколькими десятками м³ пепла сожженных людей. Описываю все это специально для папы, зная, что он скептик. По-моему, нужно организовать специальные массовые экскурсии в такие места. Солдат, побывав там, становится не солдатом, а тигром.

Как заметили вы, наверное, уже по чернилам, письмо писал за несколько приемов. Можете судить поэтому о моей загруженности. Но скоро свободного времени будет больше, я опять буду писать вам письмище с подробностями о моей жизни сейчас, о которых в этом письме поэтому ничего не пишу.

Радуюсь за Тамару, Юрку, маму и папу. Поздравляю себя с тем, что я уже дядя в полном смысле этого слова. Витьку от своего имени уполномочиваю за меня поцеловать племянницу. Всего наилучшего! Жду писем. Валентин.»

Из воспоминаний. При въезде в Талин один лейтенант, напившись, свалился с нашей машины и танк шедший в 10 м от нас наехал ему на голову. Никто и ахнуть не успел.

17 октября 1944 г.

Здравствуйтесь!

В письме от 25.9-11.10 я остановился на моменте, когда мы прибыли в Таллин. Продолжу описание событий.

Наша дивизия вошла в Таллин не первая. Вперед нас, на полтора часа с юга от Тарту прискакал эстонский корпус и вошел на окраину города. Мы двигались с востока по побережью и, войдя в город, не остановились в нем, как они, а прошли его насквозь. Часть оставшихся немцев удрали к ближайшему порту – Пильдиски, находящемуся в 45 км западнее, часть «разбежалась по местности», часть, переодевшись в гражданскую одежду осталась в городе. Интересно то, что в порту нами было захвачено 13 судов (грузовики, буксиры с десантными баржами и т.п.), причем без особенного сопротивления. На предпоследней переправе произошло следующее. Мост через широкую, но мелкую реку был взорван. Все, торопясь скорее проехать, въезжали в реку, но выехать на противоположный берег было не легко. Сначала машины разбрелись на км. По руслу реки, ища удобного для выезда места, потом, когда вся река оказалась запруженной несколькими сотнями машин, начали вытаскивать их на руках. В этот момент впервые за все время, над нами показался немецкий бомбардировщик. Летчик, очевидно, не знал обстановки. Он долго летал над нами на бреющем полете, стараясь разглядеть, кто под ним и, наводя на всех ужас. Каждую секунду он мог начать штурмовку и бомбежку и наворотил бы черт знает сколько. Но, или у него не оставалось боезапаса, или он принял нас за своих, т.к. сделав 5-7 кругов над нами, он, ни тронув никого, улетел. Я въехал в Таллин часа через 2 после вступления в него передовых частей. Проезжая по окраине, вдруг увидели, что тот самый бомбардировщик, который на переправе пугал нас, летит на посадку на аэродром, очевидно не зная, что город уже занят. Через 15 минут он, однако, удрал от команды посланной для его захвата.

Еще за 25 км от Таллина мы видели столбы черного дыма. Вблизи картина была еще более печальной. Всю ночь накануне занятия наши бомбардировщики бомбили порт. Удирая, немцы привели в действие приготовленную ими заранее систему мин замедленного действия. Порт горел. Мы остановились в четырехэтажной школе недалеко от вокзала. Я с несколькими ребятами отправился «устанавливать советскую власть», т.е. ловить попадающихся немцев. Если сидеть на месте, то они скорее нападут. Пошли к вокзалу и аэропорту. На улицах попадалось много эстонцев, все тащили что-нибудь. На станции и в порту оставалось очень много эшелонов и складов с продовольствием, товарами и вином. Буквально весь город был пьян. Каждый встречный, как минимум скалил зубы и кричал «тере-тере» (здравствуйтесь), а половина мужского населения, качаясь, лезла целоваться. Все с удивлением смотрели на наши автоматы. Немцы им внушали, что у нас в армии остались лишь старики, вооруженные винтовками. На станции кипела работа. На ней стоял эшелон с винами (довольно хорошими – французские, итальянские, коньяк и пр.) и население, успев до нашего прихода растащить уже $\frac{3}{4}$, доканчивала остальное. При нашем приближении все разбежались, думая, что мы начнем их карать за грабеж. Мы милостиво разрешили им продолжать. Вокруг аэродрома стояло несколько десятков зенитных батарей. Все орудия были подорваны в казенной части.

Немцы не смогли их увести, т.к. окопы, насыпанные вокруг них, не имели проходов для того, чтобы вывести их. На станции стояли эшелоны, разгруженные лишь на половину. Один эшелон был набит авто и мотто покрывками. Один - с оборудованием узкоколеек (паровозы, скаты вагонов и вагонеток, сигнализация и т.п.), эшелоны с мукой, мебелью, неисправным вооружением привезенным для ремонта и т.п. На аэродроме ангары были сожжены, стояло около десятка целых самолетов вроде наших У-2 и с десятков крупных самолетов – сожженных. Захватив в столовой аэродрома 3 банки величиной с ведро мармелада, отправились домой. Немцев нам не попало. Ходившие в другую сторону, попали на спиртзавод. Оттуда тоже тащили. Наши славяне воскресили картины эпохи 17 года, когда люди тонули в спирте. Жаль, что мне не удалось присутствовать там. Отправился во вторую экспедицию в порт. Там было весело. Во всю бушевали пожары. Каждые 10-15 минут взрывались мины зам. действия. От мола и причала остался только щебень и щепки. Краны скрутило в бараний рог. Пакгаузы почти все горели, из оставшихся и догорающих вытаскивали содержимое. Интересовались шоколадом, которого притащили с пуд. Наши кухни безнадежно отстали и мы два дня питались шоколадом, мармеладом и некоторые – спиртом. Первая ночь была особенно тревожной. Трезвых людей у нас не оставалось, часовые, напившись, засыпали. По городу все время перекачивалась стрельба. Стреляли из-за угла по нашим, стреляли наши подвыпившие солдаты. Убили командира одного из нашего полков. Какая-то сволочь из окна пустого дома застрочила из пулемета по танку, на котором он ехал. Мне, как единственному трезвому, пришлось почти до утра успокаивать, разводить и мирить схватывающихся между собой. На следующее утро переехали за город. Остановились в 3 км от города в дачах или вернее виллах, принадлежавших министрам эстонского правительства, существовавшего при немцах. Министры эти не были взяты немцами с собой и тоже «разбежались по местности». Министр связи ходил с нашим начальником связи дивизии и передавал ему все, что относится к связи в городе – телеф. ст., почтамт, радиостанцию и т.п. На всех предприятиях (за редким исключением они были полностью целые) сразу же без нашего вмешательства сами рабочие установили свою охрану. Через два дня они уже работали. Во многих местах рабочие спасли свои предприятия – тушили, только что начавшиеся пожары или истребляли факельщиков.

Описывать дом, в котором я живу не стоит. Достаточно того, что это дом министра. Жить так, как я живу сейчас, я даже не мечтал. Вряд ли я мог предположить, что во время войны я буду жить в доме с роскошной обстановкой, со всеми удобствами, с электричеством и первоклассным приемником. У нас стоит английский приемник «Филипс», не уступающий СВД. Электростанция работает с второго дня после занятия города. Плохо только то, что не удается слушать музыку по своему вкусу. У живущих со мной вкусы диаметрально противоположны. Но я захватил власть над приемником, после того как исправил небольшие дефекты в цоколях ламп, и на 70% музыка идет по моему выбору. Приемник собираемся при переезде взять с собой и, если поедем через город, в котором живет семья кого-нибудь из нашего отделения, тот счастливеец оттащит его домой. Завтра и мы грузимся и едем. Куда не знаю – на какой-то др. фронт, т.к. наш фронт отмер. Может, будем проезжать через Москву. Постараюсь заскочить к Будниковым или Ганцевым. Может быть, увижу хоть их.

Всего наилучшего! Напишу еще с дороги.

Rewal. 17.10.44 г. Валентин.

11 ноября 1944 г.

Здравствуйтесь!

Вы, наверное, получили открытки, посланные мной в пути, и поэтому для вас не будет неожиданностью услышать. Что я нахожусь сейчас на другом фронте. Переезд произошел благополучно, если не считать того, что мне пришлось 1/3 каждых суток дороги мерзнуть в кабине автомашины, находившейся на платформе, охраняя барахло и документы.

Высадились ночью в иностранном городе, находящемся в 120 км от фронта. Немного постояли близ него. Сейчас идем на запад. Последние дни немцы предпринимали на нашем участке безуспешные попытки выбросить наши войска со своей территории. Несколько дней 4 дивизии при поддержке более сотни танков ходили в атаки по 5-10 раз в сутки – днем и ночью, устраивая артподготовки до 2-х часов. В результате их усилий, они, продвинувшись на участке 5 км на 2-3 км, заняли небольшой городишко, находящийся у самой передовой. Сейчас они выдохлись.

Стоим в домике, находящемся в 3 км от немецкой границы. Здесь проходит предполье линии государственной обороны Германии. Местность холмистая. По гребням высот идут траншеи в полный рост. В ответвлениях траншей бетонированные укрытия, много бетонных колодцев для бронеклопов. Впереди сплошные минные поля, причем мины только частично заложены. В большинстве они лежат штабелями перед окопами. Сделаны ямки, в которые вставлены чурбаки размера мины, с тем, чтобы можно было бы, быстро ставить мины. Но ... на этих рубежах боев не было, не видно ни одной воронки от снарядов. Минные поля ограждены проволокой и на столбах дощечки: «Minen».

Последнее время в печати дискутируется вопрос: что делать с немцами? Для нас этот вопрос очень интересен. Все настроены довольно воинственно. Хотя все немецкое население убегает при нашем наступлении, но случаи встречи славян с немецким населением были. Во время последнего наступления наши танки прорвались в немецкий тыл и неожиданно ворвались в немецкий город. Танки пронеслись по улице наводя панику и сея смерть. Трамваи со всем содержимым таранились и опрокидывались. Некоторые танки вернулись залепленные мясом – они ворвались через стены в немецкие казармы и поутюжили находившийся там резервный полк. Тотальные немцы, прибывшие на передовую, страшно боятся русских. Наши наступления проходили следующим образом. Только начинались артподготовки, немцы драпали до следующей своей линии обороны км на 50. Чувствуется близость конца.

Ваши уверения, что ваше продовольственное положение вполне благополучно, успокаивают, мою совесть, но по опыту я знаю, что вегетарианство не особенно приятно. Утешает лишь то, что «все относительно», а ваше относительное положение хорошее.

Ценю ваши заботы о мне и о моей жизни, но принять ваш совет идти в училище на курсы не хочу. В случае если я последую ему, я ничего не выиграю, а наоборот. В случае затяжки войны я попаду на место комвзвода – довольно жалкая судьба. В случае скорого окончания войны, обучение затянется до 2-3-х лет, с оставлением в кадрах. На том месте, где я сейчас нахожусь мне (относительно конечно) очень хорошо и безопасно и искать худо от добра я не намерен. О пользе дисциплины я уже составил довольно определенное представление. Она не улучшает людей, делает их безинициативными, забитыми людьми. Попади я еще раз в руки военных воспитателей, от меня нельзя было бы ожидать никаких подвигов в будущем на любом поприще. Я уже достаточно дисциплинирован и научился владеть собой. За все время войны я только один раз потерял власть над собой на 2 секунды и заорал на своего подчиненного.

Все когда-либо бывшие у меня иллюзии о получении наград исчезли еще в начале войны. Я не ношу ни медалей, ни планок, и никто не знает в этой части, что я был ранее награжден.

Очень признателен папе, что он признал невозможность поездки в отпуск. Ходили у нас слухи перед отъездом, что нас повезут под Москву на отдых, но они оказались очередным

вымыслом воспаленного воображения масс. Очень хотелось верить в них, и я уже запасся «трофеями», чтобы привести гостинцы, но... Вряд ли сейчас до конца войны удастся попасть к вам. Из действующей части солдату легче попасть в игольное ушко, чем попасть в отпуск домой.

Вчера был праздник. Стояли сутки на одном месте. Шел дождь пополам со снегом, продолжающийся и сейчас. В комнате 6х4 нас 15 человек. Мы счастливые. Остальные (тысячи солдат) находятся в лесу. Алкоголики пьют свои 100 гр. водки. Потом все рассаживаются группами и играют в карты – в «козла» и «501». Я тоже. Научался на днях играть в «501», с тем, чтобы легче научиться играть в преферанс. Играют, конечно, не на деньги. Играет патефон. Пластинки собраны со всего мира, начиная от Японии и Америки и кончая Финляндией и Италией.

О трофеях, которыми можно было бы украсить праздничный обед, нельзя уже и вспоминать. Остатки доедены еще в поезде. Потому обед самый повседневный – щи да каша. Надеюсь, что вы проведи праздник лучше.

Для получения медали «За оборону Москвы» нужно знать, какой № дивизии, в которой я был в 41-42 г. Она преобразована в гвардейскую в 43 г, в промежутке март-август (точно не помню). Кажется ее № 70 или 71. Прежний ее № 130 сд. Просмотрев комплект газет 43 года, вы сможете найти ее гвардейский номер. Тогда я через внутреннюю военную почту добьюсь справки, что я там был, и дело в шляпе.

Т.к. немцы прекратили свои атаки, мы так и не дошли до передовой, застряв на полпути. Стоим у самой границы, вокруг лишь обороны самых различных времен постройки. Как большие деревенские дома стоят доты нашей, периода 40 г., постройки. Траншеи немецкой современной обороны, проволока, мины и т.п. В 50 м от дома на минном поле лежат три подорвавшихся поросенка. Вчера ночью возле них подорвалось 3 наших бойца. Две ноги и рука оторваны. Ходим как туземцы в Индии, только змей заменяют мины.

В письме вы пишете, что хотите организовать мне посылку. Это излишне. Я ни в чем не нуждаюсь. Воюем мы сейчас уже на немецкой территории. Здесь тепло и ни свитеров, ни теплых носков не нужно. Если потребуются, то я легко их достану. Складов на пути к Берлину хватит!

Всего наилучшего! 11.11.44 г.

P.S. Конвертов не шлите. У меня в сундуке лежат 4 пачки конвертов пол 1000 шт. в каждой.

4 января 1945 г. Польша.

«Здравствуйте!»

Ваше письмо меня действительно сильно взволновало. Хотя я и привык за время войны к человеческим несчастьям и страданиям, но к тому, чтобы люди сходили с ума, привыкнуть не успел. В моих воспоминаниях о Тале – она веселая, жизнерадостная девушка, беззаботности которой я завидовал. Это можно было бы ждать от Шуры, которая действительно самый странный и нервный человек из всех встреченных мной, но не от нее. Много я насмотрелся реальных опасностей, но об опасности потерять власть над собой я и не задумывался никогда. А ведь это ужасней всякой инвалидности, лучше быть безногим и даже безруким, чем влачить такое существование. Представляю, какое впечатление это произвело на вас.

Очень жаль, что я не получил ни одного письма написанного мамой. Те немногие строчки, которые она приписала к письму, были для меня праздником. Должен признаться, однако, что моя реакция на них была противоположной той, которая была у мамы на мои письма – проливал я не слезы, а слюну, читая о кушаньях, вкус которых я

уже давно забыл. Интересно, что музыкальная память оказалась (вывод из личного опыта) самой сильной памятью, а вкусовая – самой слабой. Я до сих пор помню мотивы, слышанные более трех лет назад, почти не вру, когда, оставшись наедине, устраиваю для себя концерты.

Прошлое письмо, отправленное мной с нового места, было довольно кратко – не было времени и условий для написания подробного письма. Постараюсь в этом письме описать упущенные там подробности.

Живу я по-прежнему мирно. Стоим в лесу в землянках. Когда приехали сюда, до постройки землянок жили в деревне. Жители – бедняки, окончательно разоренные немцами. На земляном полу хаты, в которой мы жили, создались, очевидно, очень благоприятные условия для жизни блох. Хозяйева, очевидно привыкшие, мирно спали, а мы все ночи напролет чесались, ругались и проклинали свою несчастную судьбу. Время от времени кто-нибудь, дойдя до иступления, вскакивал и с тихим воем выскакивал на улицу, где, раздевшись догола, вытряхивал из одежды и одеяла блох. Лишь выбившись из сил, к 6-7 часам утра засыпали. В 8 часов у блох начинался завтрак, и мы вынуждены были подниматься. Блохи гуляли по нам толпами, и за 4 дня мы расчесались до болячек и окончательно выбились из сил. Дело доходило до того, что из одного только сапога вылавливалось до 19 блох (рекорд). С огромной радостью мы под дождем удрали в неоконченные еще землянки в лесу. Лес здесь, как ни странно, исключительно сосновый. Объясняется это тем, что он искусственно посажен. Везде, начиная от метрового молодняка и до вековых сосен, заметны ряды. В лесу много кабанов, диких коз и оленей. Удивительно, т.к. население вокруг очень густое. Объяснить это можно лишь тем, что леса были частные и никто в них лесниками не допускался. Около дорог все взрослые деревья имеют отметину – черные кольца вокруг ствола на высоте роста. Наши славяне, конечно, взяли за дичь и скоро, наверное, приведут ее к общему знаменателю. Мой начальник – капитан Поварков, оказавшийся страстным охотником, 3 ночи сидел на дереве у нашей кухни над кучей капустных отбросов. Свиньи приходили, копались в ней, но стрелять он не решался, т.к. ночи были темные. На четвертую ночь, когда взошла луна, он подстрелил из моего автомата молодого кабана (с метр длиной). Поразила меня его живучесть и щетина. Его буквально изрешетили, а он еще хрюкал и вращал глазами. Щетина же его напоминала своей густотой мех, а толщиной – сено. Этим кабаном мы отметили наступление нового года. Офицеры дополнительно к нему достали местной самогонки и перепились в дым. Я, как непьющий, дабы сделать в новогоднюю ночь что-нибудь выдающееся, слопал четверть кг американского шоколада, полученного мной как некурящим, за месяц взамен табака. Не знаю как у вас, но здесь буквально каждый гонит самогон. Польская полиция пытается бороться, но это дает мало эффекта. Основным потребителем самогона является, конечно, наше воинство. Покупают на злотые, меняют на утащенное откуда-то барахло и т.д. Цена его 400-450 злотых за литр, что, при большой дороговизне остального, довольно дешево. На базаре конверт стоит 5 злотых, коробка спичек – 15 и т.д. Интересная картина получается с польской валютой. Имеют хождение довоенные деньги, злотые краковского правительства (которое при немцах было в Варшаве) и люблинского. Все они ничем не обеспечены, однако имеют хождение, причем новые злотые, отпечатанные нашей типографией (на таких деньгах польский орел имеет на крыльях едва заметную пятиконечную звездочку) принимаются наименее охотно.

Живу я по-прежнему хорошо. Плохо лишь то, что часто происходят авралы, во время которых приходится недосыпать. Вообще, штабная работа характерна ночной работой. Мне же приходится работать круглые сутки, причем каждый начальник считает своим долгом, ложась спать, подкинуть мне работы. Завтра опять начнутся штабные учения и

опять несколько суток придется покорпеть. К этому я уже приспособился давно и не поспать сутки для меня сейчас совершенно безболезненно.

С 1.1.45 г. разрешено посылать посылки с фронта. Мне можно будет посылать посылку до 5 кг весом каждый месяц. В посылку принимаются только трофейные вещи. Продукты питания и вещи нашего производства не принимаются. Это разрешение застало меня врасплох, и я не знаю, что смогу вам послать, т.к. не запасся в предыдущем наступлении ничем подходящим. Напишите, что вам необходимо в первую очередь и, если начнется наступление, то я постараюсь раздобыть и отослать вам это. Если будут разрешены посылки на фронт, то ничего не посылайте. Я всем обеспечен в более чем достаточном количестве. Не нужно мне сейчас и теплых вещей. Зима здесь такая, что реки даже не замерзают. Снег выпал здесь только 28.12. и сейчас слой его имеет толщину около 1,5 см. До выпадения снега было тепло так, что можно было ходить по-летнему, в одной гимнастерке (5-15 градусов). Дни стоят на 85% ясные. В ясные дни все время над нами летают (почти беспрерывно) самолеты. В 1,5 км от нас полигон, на который они высыпают бомбы. Все время стоит гул моторов, разрывы авиабомб, пушечные и пулеметные очереди. Случается, что бомбы случайно роняют возле нас и выбивают из окон наших землянок бумагу, заменяющую стекла. Несколько дней назад днем сюда залетел 4-х моторный немец. Наши истребители посадили его неподалеку. Это первый 4-х моторный самолет, который я видел за время войны днем.

Кончаю письмо, т.к. скоро придет почтальон.

Поздравляю вас с наступившим новым годом!

Желаю вам всего наилучшего!

4.1.45 г. Валентин.»

2-5 февраля 1945 г. Германия.

«Здравствуйте!

С прошлого года не получаю от вас ни одного письма. Не знаю, получили ли вы мои письма, написанные за этот период. Поэтому начну издаleка – с начала наступления.

Мы стояли месяц на восточном берегу Вислы у Сандомирского плацдарма. В прорыве мы не участвовали. Начали воевать, пройдя км 50 за наступавшими впереди. До Одера дошли довольно быстро. Взяли 6 городов: Пилица, Заверце, (Стерто цензурой. Ред.). Впечатлений столько, что описать все происшедшее за наступление невозможно. Поэтому не буду даже и пытаться сделать это.

Сейчас нахожусь за Одером. С большим трудом расширяем плацдарм. Вначале было 10-20 контратак за сутки. Сейчас их только 2-3 за день. Против нас обороняются последние резервы Германии: полицейские; власовцы (до сих пор на передовой не появлявшиеся); сводные батальоны и боевые группы, состоящие из остатков разбитых частей; батальоны фолькштурма, состоящие из одноглазых, близоруких... и т.п. Немецкое население, при приближении наших частей, почти все удирает. Остаются только те, кто, зная польский язык, могут выдать себя за поляков (такие вывешивают над своим домом польский флаг), те, кто не знает его, но уехать не смогли, вывешивают белый флаг. Городское население германских городов полностью эвакуировалось. Эвакуировавшиеся забирали, наверное, только по паре чемоданов. Все имущество ими брошено. Славяне удовлетворяют жажду мщения. Бьют стекла, зеркала, посуду, ломают мебель, жгут города. Город Гросс Стрелитц, через который мы проходили два раза, был цел в первое посещение, через 2 дня он был на 90% сожжен. Удержать солдат от этого невозможно. Оставшиеся немцы приторно вежливы с нами. Как исключение, в одной из деревень, во время боя за нее, какой-то старик бросил гранату в наших бойцов. Все население деревни вплоть до грудных младенцев (а население было много, т.к. из-за Одера немцы не

удирали, не ожидая нашего прибытия к ним) было уничтожено. Такого ужаса, какой выказывают немцы, когда к ним заходят русские, я никогда не видал. Пленных очень мало – не берут. Сдающихся убивали, не желая возиться с ними (отводить их в тыл). Потери убитыми, поэтому, со стороны немцев раз в 10-15 больше наших. Все города брались обходом. Немцы, пытаясь пробиться на запад, гибнут в атаках на заслоны. Оставшиеся сдаются в плен и тоже истребляются. Я участвовал в одном таком обходе. Меня послали провести батальон в обход города Заверце. Артиллерии с собой взять не могли – ее невозможно было провести по лесу. Шли без дорог 14 км. Благополучно пересекли шоссе и железную дороги идущие на юг. Когда вышли на шоссе, идущее на запад, по ней шла колонна на запад. Пошли в атаку на нее и засели по обеим сторонам шоссе. Поставили две захваченных пушки (75мм) и 5 часов отбивались от наседавших немцев. Наколотили сотни 3, разбили штук 20 автомашин и тягачей. Кончились патроны и воевали немецкими оружием и патронами. В это время, наши с фронта нажали на город. Немцы кучами начали сдаваться. Собрав их, построили на краю противотанкового рва и из пулеметов и автоматов расстреляли (все 130 человек). В этом бою был убит какой-то генерал (авиационный). Его чуть было не упустили. Он появился уже после окончания побоища, причем ехал на точно таком же шевроле, как и у нашего командира дивизии. Я выскочил на дорогу и сигнализировал рукой «остановиться». Машина, не уменьшая хода, пролетела мимо меня и я успел заметить, что в ней немецкие офицеры. Выстрелить я не успел и только заорал: «Немцы едут! Бей их!». По машине полоснули пулеметом, и она слетела в канаву. Генерал, к сожалению, был сразу убит. Так был взят город, в котором было 15 фабрик и заводов. Интересно, что заводы работали вплоть до нашего входа в город. Немцы вообще не разрушали ничего при своем отходе (очевидно не имея ВВ), лишь иногда поджигая склады. Во многих случаях они не успевают даже сделать этого. В городе Гоголин на станции мы захватили два эшелона с бензином (вернее с эрзацгорючим – бутаном, спиртом, метилом и т.п.) Надо признать, что эта адская смесь, предназначавшаяся у них для самолетов, не такое уж плохое горючее.

Опишу вкратце, что я видел в Германии. В первую очередь бросается в глаза высокий уровень культуры. Руслу крупных рек обнесены дамбами, их резкие изгибы и петли спрямлены каналами, через каждые 5-10 км устроены шлюзы, поднимающие уровень воды для судоходства. Леса только саженные, даже кусты подлеска посажены рядами. Сеть шоссе очень густая. Через редкую деревню не проходит шоссе. 80% шоссе асфальтированы, остальные выложены брусчаткой. Все дороги (даже проселочные) обсажены фруктовыми деревьями. Автострад пока увидеть не удалось. Правда, мы несколько раз пересекали автостраду значащуюся на карте, но в действительности на местности не оказалось даже намека на нее. Ни одного деревянного дома в Германии я не встретил. Электричество проведено в каждый дом, даже в отдельные фольварки, отстоящие на 2-3 км от окружающих деревень. И в городе и в деревнях живут довольно богато. Крестьяне имеют минимум 3-4 коровы. Мебель повсюду отличная. В Оппельне мы два дня стояли в квартире инженера. Такой роскошной обстановки я не видел даже в министерской квартире в Талине. Такая обстановка фигурирует только в американских кинофильмах. На автозаводе Опеля побывать не удалось. Немного побродили лишь по северной окраине города (автозавод – на южной окраине). В банке у директора его я отыскал большую коллекцию марок, забрал ее. На западном берегу Одера в древнем замке каких-то баронов нашел еще одну коллекцию. Забрал. Всего набралось 3 шапки марок. Думаю послать их Витьке в следующей посылке. Для компактности я их посдирил из альбомов. Сами альбомы тоже, конечно, представляю большую ценность. В них показаны все марки, выпущенные каждым государством. Каждый альбом охватывает определенный период: 1840-1900, 1900-1920, 1920-1040 гг.

Первую посылку я уже собрал и приготовил к отправке, но отправить никак не могу, на нашей почте сломалась машина и посылки пока не принимают. В трех письмах я спрашивал, что именно вам необходимо в первую очередь. Но, т.к. от вас писем нет больше месяца, не имею по этому вопросу никаких данных. Упаковал две пары ботинок (примерно № 41-2), рихтеровскую готовальню, плащ, немного марок и брюки для Витьки (довольно плохие, правда). Начну собирать следующую. Возможно, сумею отослать за месяц 2-3 посылки. В январе это невозможно было сделать, т.к. почта наша отставала километров на 30-40.

Живем сейчас очень хорошо. Немцы оставляют весь скот и птицу, и мы имеем в отношении мяса неограниченные возможности. В каждом доме до черта (банок по 50) консервированных фруктов. В складах мы набрали сливочного масла, мармелада, сахара и т.п. (можно послать посылку из одного масла, если оно для вас ценнее, чем промтовары). Напишите, стоит ли? В общем, 1941 г. - наоборот. Продолжая аналогию, можно сказать, что, двигаясь назад по времени, мы находимся сейчас в августе. Еще 2 месяца и мы увидимся!

До свидания!»

28 февраля 1945 г.

«Здравствуйте!

Вчера 27.2. наконец-то удалось отправить первую посылку, т.к. сам я не мог поехать на почту, чтобы лично отправить ее, отправляющий, которому я доверил это дело, при отсылке совершил глупость и посылка пошла, имея гораздо меньший вес, чем разрешенные 5 кг. При упаковке я вешал на весах оказавшихся неверными. При приемке оказалось, что вес ее 5100 гр. Принимают посылки, очень строго придерживаясь правил. Заставили распаковать ее и вытащить что-нибудь. Вместо того, чтобы вытащить какую-нибудь мелочь на 100 гр. весом, он вытащил банку с марками весом около 1,5 кг. Кроме марок в банке были 7х и 15х окуляры и 40х и 90х объективы к микроскопу. Вынь он их и все было бы в порядке. Таким образом, в посылке должны прийти следующие вещи: плащ, две пары ботинок, брюки и готовальня. Придет она приблизительно через 20-30 дней.

Живу я по-прежнему. Сейчас пока не воюем. Изменение лишь в том, что начал побаливать. Болит сердце. К врачам я пока не обращался. Считаю, что это выходят остатки эндокардита, о котором у меня остались воспоминания. Пока было только два случая боли. Первый раз схватило без всяких причин. При движении и волнении боль усиливалась. Продержавшись часов 15 на одном уровне, боль стала стихать. Когда начался обстрел и пришлось немного побегать, я чуть не получил сердечного припадка. Не знаю, могут ли быть у меня сейчас припадки подобные бывшим когда-то? По-моему, не с чего. Второй случай боли был пустяковый по сравнению с первым. Плюс к этому просыпается в левой ноге ревматизм, полученный зимой 42 года. Особенно больным я, правда, сейчас себя не чувствую.

Не удалось послать марки Витьке – хочу попытаться отсылать их по частям в конвертах. Для пробы посылаю в этом конверте немецких марок. Их не жалко если они пропадут. Если дойдут благополучно, буду посылать остальные. Советую Витьке не включать их сразу в коллекцию. Когда придут все марки по частям или в посылке оптом, можешь их сортировать и пристраивать по местам – они будут в почти полном комплекте.

Очень рад, что у вас относительно благополучно с продовольствием. Если в следующей посылке нечего будет посылать из ценных вещей, пошлю все же сахара и масла.

Здесь сейчас уже кончается весна. Тепло, как у нас в мае. Земля начинает просыхать, зеленеют поля и луга (последних, правда, здесь почти нет).

Т.к. завтра собираюсь отослать еще одно письмо, особенно распространяться не буду.
Желаю вам всего наилучшего!
28.2.45 г. Валентин.»

2 марта 1945 г.

«Здравствуйте!

Выполняя взятые обязательства, пишу письмо на другой день после отправления предыдущего. Опишу то, что бросается в глаза в Германии.

За все пребывания в Германии не видел ни одного деревянного дома. Даже курятники и те каменные. Все дома имеют острые высокие крыши, настолько высокие, что на чердаках имеются 2-3 комнаты. Поэтому все дома можно считать двухэтажными. В любой деревне можно найти 3-4 этажные дома. Интересно, что в деревнях почти все дома старой постройки и выдержаны в готическом стиле, а в городах большинство домов имеют вид наших современных домов новой постройки (примерно 30-х годов). Заметно, что наибольший расцвет государства был у них до 33 года. Все насаждения фруктовых деревьев на дорогах имеют давность 12-20 лет. Не удивительно, что везде в изобилии встречаются фруктовые консервы – огромное количество фруктовых насаждений на дорогах должно давать большой урожай. Контрастом к фруктовому изобилию является полное отсутствие в частных домах круп всех видов. За все время я не видел нигде сколько-нибудь значительных запасов круп. Один раз попался на глаза кулек бобов да другой раз кулек макарон. Не видно брошенного хлеба. На чердаках крестьянских домов можно, правда, встретить зерно, но помалу. В магазинах полки завалены эрзацкофе и произведениями германской химии. Однажды я нашел интересный набор синтетических запахов. Штук 30 пробирок наполнены жидкостями, имеющими запах всех известных мне фруктов и даже неизвестных.

Несмотря на бедность, в отношении продовольствия в домах, мы, питаюсь сейчас исключительно их местных ресурсов, имеем очень хорошее питание. Продукты, главным образом, берутся из брошенных гос. и военных складов. Огромное количество брошенного немцами скота дает возможность, неудовлетворенным качеством обеда с кухни, приготовить себе по своему вкусу. Т.к. коров собирают и отправляют в тыл, их не бьют на кухнях, используя на мясо главным образом, свиней. Жирная свинина уже настолько приелась многим, что ее совсем не берут с кухни. Какой контраст с блокадным 42 г. в Ленинграде! Дивизия, в которой я нахожусь, пробыла всю блокаду в Ленинграде, и в ней много сохранилось свидетелей этой кошмарной эпопеи. Их воспоминания даже для них самих сейчас кажутся дурным сном.

В многих домах встречаются радиоприемники. Большинство - всеволновые супера. Металлических ламп не видно. Встречаются лишь с металлическим дырчатым предохранителем. Встретил интересный тип динамика. Диффузора у него нет. Головка пристроена к центру гипсовой улитки, из раструба которой выходит звук. Интересно к какому типу говорителей отнесет его Юрка!

Не хочу особенно распространяться, т.к. завтра опять буду писать вам письмо. Посылаю с этим письмом немного немецких марок Витьке в коллекцию. Вчера отослал письмо, тоже с немецкими марками. Надеюсь, что дойдет.

Сегодня получил вашу открытку с упреками за молчание. Вину мою смягчает лишь то, что во время боев у нас плохо работала почта. Я, вместе с вами, уверен в скором окончании войны, но опасаясь, как бы не получилось волокиты с демобилизацией. Но в мае-июне все же надеюсь прибыть к вам на помощь. Об моем здоровье не беспокойтесь – чувствую себя сейчас великолепно. Последние ранения никаких последствий кроме

шрамов не оставили. Беспокоюсь за ваше здоровье, особенно за маму. Желаю вам всего наилучшего!

2.3.45 г. Валентин.»

18 марта 1945 г.

«Здравствуйтесь!

Посылаю третье письмо с марками.

Все еще шатаемся по тылам. Недавно, поехав за картами, проезжал мимо Бреслау. Город горит. Дым пожара стелется на 50 км от города. Регулярно наши пикировщики добавляют жара. По ночам над нами беспрерывно гудят Ю-52 - везут снаряды в город. Вчера ночью в наше расположение был сброшен грузовой парашют с пятью 150 мм снарядами. Очевидно пилот, не сумевший сбросить его в Бреслау, решил освободиться от свидетельства своей неудачи.

Пока нет боев, занимаюсь приведением в порядок своих «дел», запущенных за время боев. Научился ездить на мотоцикле и в свободное время катаюсь на нем. У нас есть трофейный мотоцикл «DKW» - вроде нашего «Красного октября», но помощней и повоеенней. Недавно поехал на нем с шофером нашей машины за, найденным нашим офицером, мотоциклом в соседнюю деревню. Т.к. прямая дорога была труднопроезжей, поехали вокруг по шоссе. Нашли его и т.к. он не заводился, прицепив на проволоку, я поволок его на буксире. Несмотря на то, что найденный мотоцикл был почти вдвое тяжелей моего, ехали на 30-40 км/час. Проехать по хорошей дороге не удалось – пока мы ездил на дороге поставили КПП (контрольно пропускной пункт), одной из функций которого является изъятие трофейных мотоциклов. Пришлось возвращаться обратно и 3 км тащить мотоциклы по разбитому проселку. Нечего и говорить, что от экспедиции этой остались самые «приятные» воспоминания.

Продолжаю письмо через неделю. Прервал из-за начавшегося наступления. Пока о нем в газетах не сообщалось, но, пока оно будет идти до вас, вы узнаете все подробности. Особенно о нем ничего рассказать не могу. Опасаюсь, что излишняя красочность приведет к тому, что письмо будет задержано.

Отослал 12.3.45 вторую посылку, т.к. это было до наступления, ничего особенного в ней не послал. Послал банку с коллекцией почтовых марок, пару объективов и окуляров микроскопа, около двух кг сливочного масла, кусок серого шелка 2х4 м и белый женский шелковый плащ для Тамары. Хотел положить кусок коричневой шерсти, но она показалась мне очень плохой (такая редкая, что просвечивает как сито). Думаю отослать, при подтверждении получения посылок, с очередной посылкой часы. Они у меня уже полгода стоят. Последнее время они замусорились и ходили с перебоями, а потом я вообще погубил их, потеряв головку. Привести их в действие здесь я не могу, а вы их легко вылечите.

Посылаю с этим письмом немного марок, найденных после отосланной посылки – турецкие, японские и США. Посылаю также несколько открыток с видами Гамбурга. «На память».

Возможно, что я напугал вас своими болезнями. Спешу успокоить. Ничего подобного больше не повторялось, т.что можно считать случайностью.

Получил сегодня вашу открытку. То что долго не получаете писем не удивительно. В январе я не мог отослать, а февральские наверное еще в дороге. В конце февраля у нас тоже было похолодание, но дело ограничилось тем, что выпал снег продержавшийся около 3-х дней. Сейчас опять тепло.

Интересуюсь, стоит ли загрузить посылку кварцевой лампой для домашнего соллекса. Такие встречаются. Для коллекции электроприборов, пожалуй, стоило бы иметь такую

вещь. Плохо, что послать целиком нельзя – вес силовой части 10-15 кг. Послать один рефлектор с лампой опасаясь, как бы не получилось, что, получив его, Юрка не сумеет восстановить силовую часть, тем более, что параметры лампы невозможно узнать. Если Юрка сможет по образцу отечественных установок восстановить силовую часть, напишите, я при первом удобном случае подберу такую. Пусть Юрка напишет, нужны ли ему какие-нибудь радио и электродетали. Послал я для пробы кнопочный электровыключатель. При поощрении шлю еще. В замке одного графа, где мы простояли сутки, видел замечательную радиолу 1,5x1,5x0,7 м. Кроме патефона, в ней есть электророяль. В ней я насчитал 27 ламп. Ручек 8, кнопок 4. Увидев ее, я почти завизжал от восторга. В том же замке видел две кварцевые лампы «горное солнце». Описание всего заняло бы несколько листов, поэтому оставляю «на после войны»

Вы, конечно, в праве беспокоиться, не получая писем от меня. Не хочу врать, уверяя вас в полной своей безопасности, но «по теории вероятности», до смерти мне еще очень далеко.

Хотелось бы писать вам почаще, но не хватает времени. Работы очень много. Спать удается лишь по 4-5 часов в сутки. Написать письмо для меня довольно сложно. Только успею написать абзац – кто-нибудь оторвет.

Вы пишете, что ошиблись в оценке срока окончания войны. Я продолжаю придерживаться мнения, что конец войны будет в мае. Не помню, писал ли я вам на эту тему, но это убеждение у меня уже больше двух лет. Если оно оправдается, я загоржусь, и буду считать себя пророком.

Жму вам всем руки!

Жду писем от Витьки с отзывом о марках. От Юрки с заказами на радиодетали, от мамы с заказами на занавески, штаны, рубашки или что-нибудь подобное.

До скорого свидания!

Германия. 18.3.45. Валентин.»

24-25 марта 1945 г.

«Здравствуй братишка! 24-25 марта 1945 г.

Сегодня получил от тебя письмо. Очень обрадовался ему. Вообще, письма от тебя для меня очень интересны. В моем представлении ты по прежнему «поросенок», каким оставил тебя в 41 г., и, получая от тебя «взрослые письма», я удивляюсь: неужели ты уже такой большой?

Читал твое письмо в довольно боевой обстановке. Сегодня заняли город Н... Посмотрев сводку за 24, ты узнаешь какой. Передовые наши подразделения ворвались в него утром, я въехал в него часов в 10. Ночь провел над схемами, поспать удалось часа 3. Утром, часов в 7 снялись со старого КП и через деревни, разбитые в пух и прах вчерашним боем, въехали в город. У ворот между бастионами (строение города – крепости я изучил, вычерчивая для размножения трофейный план города) увидел оригинальную баррикаду. Поперек дороги стояла старинная – времен прошлой войны 300 мм крепостная мортира. Баррикада эта была усилена наваленными плугами, боровами и т.п. инвентарем. Под аккомпанемент близких разрывов, объезжая воронки, медленно пробивались среди проходящей мимо по улицам пехоты. Вчера и позавчера город усиленно бомбили ПЕ-2. Улицы, напоминающие московские (величиной домов и бывшей чистотой) густо усыпаны стеклом и кирпичной крошкой. Некоторые дома горят. Те кварталы, в которых находится горящее здание, или уже выгорели или обречены на это, т.к. никто пожар не тушит. Неповрежденных домов почти нет. Черепичная чешуя, сбита взрывами, сползает и гремит о тротуары. После недолгой езды приезжаем к дому, в котором выбрано место для нового КП. Воспользовавшись тем, что пока нет работы, иду трофеить. Хожу по безлюдным домам, в

которых все настезь, все барахло уже выкинуто на пол, где сквозняк носит по комнатам листки писем, пух и т.п. Отъезд жителей, как и везде, очевидно, был довольно поспешным. Встречаются упакованные сундуки, оставленные, очевидно, из-за невозможности отправить. Брошено почти все – одежда, мебель, белье, посуда, радиоприемники, часы и т.д. Уходили, очевидно, с одним чемоданчиком. В одной из квартир нашел патефон с набором пластинок. Больше часа наслаждался оперной музыкой, которой не слышал очень давно. В результате экспедиции «затрафеил» 200 лезвий безопасной бритвы, два серых, кажется, шерстяных костюма, несколько смен белья для себя, пару хлорвиниловых плащей (из тех, что можно спрятать в карман) и несколько шелковых платьев. Все это собираюсь отослать. Должен признаться, что особых угрызений совести я при этом не испытывал. У меня за войну пропало очень много «предрассудков», и я не считаю предосудительным взять то, что все равно заберут, не я, так другие. Барахла так много, что я просто теряюсь, не зная, что забрать. Обидно становится при мысли, что большинство имущества погибает, сгорая. Почти все немецкие города выгорают, т.к. пожар, начавшийся в одном доме, перекидывается на другие, а возникновение пожаров при бое и обстрелах неизбежно.

Сейчас 1 час ночи. Тепло, несмотря на выбитые окна. Здесь уже почти лето, начинают распускаться деревья, днем печет солнце. Притихло. Лишь изредка слышно, как потрескивают в километре от нас автоматы. Каждые 30 минут немцы устраивают артналеты по городу. Днем они чуть не влупили в наше здание. Сейчас снаряды ложатся квартала за три. Ты интересуешься, насколько опасна война для меня. Сложный вопрос. Дней пять тому назад она была довольно опасной. Мы окружили большую группировку юго-западнее того города, который брали в январе. Немцы стали пробиваться на запад. Шли по 200-300 человек, иногда с фердинандтами и танками. Наша пехота была повернута фронтом на запад и была занята отражением атак немцев, стремившихся пробиться на помощь окруженным. Другие части еще не успели подойти. В 500 м от деревни, где стоял наш штаб, был лесок 3х1 км. В нем обосновалось штук 300 фрицев с одной самоходкой. Два дня всем находившимся на КП (связистам, саперам, химикам и т.п.) пришлось держать оборону. Я, по старой памяти, сделался пулеметчиком и двое суток просидел с «Максимом» в канаве за деревней. Немцы 3 раза ночью делали попытку вырваться из леска на запад, но у них ничего не получилось. Расстреляв все снаряды и мины, они начали потихоньку сдаваться в плен. Переводчик из политотдела через рупор (граммофонная труба) произнес получасовую речь и через несколько часов к нам явились 12 человек сдаваться. Пять из них послали обратно – уговаривать оставшихся. Каждый из них привел по 10-15 человек. Днем подошли танки и «Катюши» и начали «агитировать». Это окончательно убедило оставшихся и организованное сопротивление прекратилось. Батальон, пошедший на прочесывание леса, подобрал остатки. Правда, этим не кончилось. В этом леске еще и после этого появлялись немцы-одиночки и мелкие группы (10-30 чел.). Прочесывание леса каждый день давало 50-100 человек пленных. Несколько раз находили немцев в самой деревне. Но это уже прошло. На фронте (в первой линии) каждый подвергается опасности. Убивает маршалов, не то, что нас – простых солдат. Но если рассуждать, основываясь на теории вероятности, то попадание снаряда в ту комнату, в которой я сижу, учитывая, что город имеет площадь 6 км² и немцы стреляют не по какой-нибудь цели, а «просто так», маловероятно. Правда, за время наступления не одна 1000 снарядов упала поблизости, но прямых попыток убить меня не было, если не считать одного случая, когда немецкая самоходка начала палить по нашей машине, попавшей в поле ее зрения. (Местность здесь холмистая, т.к. вблизи горы, и почти все переезды наши происходят под наблюдением немцев).

Описать свои приключения за эти 10 дней наступления невозможно, т.к. все 10 дней сплошное приключение. Рассказать их после войны тоже трудновато – забудутся. С удовольствием последовал бы твоему совету «переплюнуть Барбюса», но времени для того, чтобы фиксировать происходящее, нет. Все свободное время я заполняю исследованием «заграничной жизни». Просматриваю и пытаюсь читать журналы и газеты, читаю заголовки книг, хожу по улицам или просматриваю квартиры и т.п. Любопытный я, оказывается, страшно.

Кончаю письмо на другой день. Не знаю, дошли ли посылки, но представляю твой испуг, если ты не нашел в первой посылке марок. Они придут во второй посылке, вместе с маслом, которое я все-таки догадался выслать. Боюсь только, как бы оно не испортилось в пути. Оно не соленое и у нас в ящике начало покрываться какими-то черными пятнами. Единственная надежда на мороз у вас. В следующий раз пошлю сахара для Лёли. В отношении каталогов марок, не знаю, как поступить. Они очень здоровые - примерно 7 см толщины и весом больше 5 кг. А бандероли принимают только не больше 2-х кг. Придется посылать их по частям. Не знаю, правда, примут ли их на почте, т.к. они на немецком языке. Это, во-первых, а во-вторых, у меня их сейчас под руками нет. Надо еще будет их найти. Дело это не особенно сложное, т.к. немцы, оказывается, большие любители собирать марки, особенно родовитые. Во всех замках, где мне приходилось быть, я находил эти альбомы. В отношении формирования новых посылок. Следует ли послать лезвий бритв, посылать ли кварцевую лампу «горное солнце», посылать ли драповое пальто или женские платья, посылать ли туфли, если не знаю их № (Немецкие номера не сходятся с нашими. Прошу написать какая длина подошвы соответствует носимым вами туфлям), что предпочтительней посылать – готовое платье или материал?

В отношении твоего неверия в скорую встречу могу сказать только то, что даже немцы уверены в этом.

Закругляюсь, т.к. хочется еще немного побродить по городу. Жму твою руку и желаю успехов в благополучном окончании школы!

До свидания.

Валентин.»

27 марта 1945 г.

«Здравствуй Рая!

Очень удивился, получив от тебя письмо. Уже около года не получал писем ни от кого кроме родителей. Давно уже убедился, что старые товарищи забыли обо мне. Писал до мая прошлого года письма тебе, Люсе, Женьке. Долго ждал ответа, не дождавшись, возгордился и решил не навязываться.

Ты интересуешься причинами того, почему я прекратил писать письма тебе. Я получил сообщение, которому поверил, о том, что ты любишь другого. Между строчками твоих писем я умудрился прочитать то же. Продолжать переписку, имея убеждение в этом, я считал бессмысленным. Не знаю как тебе, но мне она причинила бы только боль и страдания. Сыграло свою роль и то, что в последних письмах несколько раз просил тебя откровенно ответить на задаваемый мной вопрос: «любишь ли меня?», но ни на одно из писем, отправляемых в течении двух месяцев, не получил ответа.

Не собираюсь тебя ни в чем упрекать. Трудно и даже невозможно любить человека, любовь к которому проснулась лишь после разлуки. Мне еще можно было сохранить свое чувство, т.к. оно было единственным светлым пятном в моей настоящей жизни, тем более оно было сильное у меня, значительно сильнее, чем у тебя. Большую роль сыграло и то, что я не встречал за это время девушек, могших увлечь меня. Твое положение, особенно в

последнем, было обратным. Соображения эти подтверждают сложившееся в результате толчка – получения письма с сообщением об изменении в твоих чувствах – убеждение.

Гордость не позволяет мне много говорить о моей сохранившейся любви. Сообщаю лишь то, что она существует.

Удовлетворяю твой интерес к моей жизни рассказом о произошедшем за год.

После выхода из госпиталя в апреле 1944 г. попал на Ленинградский фронт. Воевал наводчиком 76 мм пушки на плацдарме под Нарвой. Потом встретил своего прежнего начальника-топографа и он перевел меня работать на то место, где я нахожусь и сейчас – помощником начальника топографической службы дивизии. В Финляндии был ранен. Получил на спину 51 шрам. В наступлении на Талин получил медаль «За боевые заслуги». Побывал в Эстонии, Латвии, Литве, Вост. Пруссии, Польше. В последнем январском наступлении получил медаль «За отвагу». Сейчас воюю за Одером. Вчера о нас упоминалось в приказе Главнокомандующего.

Очень много за это время видел интересного и нового. Набрался ярких впечатлений на десяток обычных мирных жизней. Это довольно неудобно. Приходится считать себя стариком, а мне уже хочется молодиться. Жаль молодость, жаль, что ее лучшее проявление у меня вылилось в бесплодную, мучительную любовь. Утешаюсь в духе Толстого - «самоусовершенствовался» зато.

Рад за тебя, за то, что с учебой у тебя все вошло в колено. Я теперь не смею мечтать об этом. Далеко отстал от всех вас. Боюсь, что останусь недоучкой.

Ты спрашиваешь, ехать ли вам к моим родителям. Советую поехать. Ваш приезд как знак внимания ко мне будет очень приятен моим родителям.

Желаю успехов.

До возможного свидания!

Валентин.

27.3.45 г. Германия.

15-25 апреля 1945 г.

«У нас затишье. Союзники жмут на восток, и им осталось уже только 125 км до соединения с нашим фронтом. С севера до нас доносится отдаленный гул, а мы все стоим. Ходят фантастические слухи об успехах справа и у всех чешутся руки. (Вычеркнуто цензурой. Ред.) у нас на этот счет есть свое мнение. Стоим недалеко от последнего из городов окруженных еще в феврале. Там все еще идут бои (Вычеркнуто цензурой. Ред.)... Немцы все еще возят через нас боеприпасы. Днем их сбивают, по ночам – тоже. Сейчас они уже не возят грузы на Ю-52, те, очевидно, вывелись, перешли на боевые (Me-110, Ю-88 и 288).

Здесь уже лето. Цветут яблони, и дороги, обсаженные ими, прекрасны. Вчера прокатился на велосипеде к радиостанции окруженного города. Возле нее шли когда-то бои при замыкании кольца вокруг города. На дорогах до сих пор валяются раздувшиеся трупы лошадей, в кюветах почерневшие, рассыпающиеся трупы немцев. Деревни прямо-таки классически разбиты. У дорог и на дорогах стоят разбитые и сгоревшие танки. На участке 500 м я насчитал 26 раздавленных или сгоревших машин, 4 фердинанда, 4 самоходных зенитных пушки калибра 105 мм. У входа в деревню стоит наша 150 мм самоходка, погибшая в борьбе с тигром, стоящим без гусеницы поперек улицы в 200 м от нее. Некоторые танки разбиты в щепки. Куски их брони разбросаны на 200 м вокруг.

Подержался рукой за башню радиостанции, подумав, что буду потом, слушая ее, гордиться, что она была у меня «в руках». Несколько корпусов, с целиком сохранившимся оборудованием станции, охраняют 2 часовых. Они не пустили меня побродить по ним.

Позавчера нам воткнули очередной укол. Одновременно делали прививку и лошадям. Лошадям - 1 смЗ, людям – 2. Все обижены. От этой прививки все делаются больные. Многие ложатся на сутки, остальные ходят томные. Спина у меня распухла и болит, как будто за спину уцепилась собака и висит, ощутимо болтаясь при движениях. Единственное утешение, что это поливакцина (черт бы ее побрал) предохраняет и от холеры.

Получил письмо от Витьки с долгожданными заказами. Жаль только, что оно немного запоздало. Только вчера отправил третью посылку. В ней два мужских костюма (один даже с жилеткой), женская блузка и хлорвиниловый плащ (из тех, что носят в кармане). В карманах марки. То, что посылки еще не получили не удивительно. Если письма отправленные одновременно с ней только-только доползли, то первую посылку надо ждать только в следующем месяце. Напишите – получают ли окружающие? Пока к нам сюда ни к кому не приходило извещение о получении.

Напишите, как думает папа, - можно ли будет после войны получить разрешение на мелкокалиберную винтовку. В Нейсе я нашел великолепную спортивную винтовку международного класса и, законсервировав, вожу ее с собой. Надеюсь привести с собой.

Очень завидую вам, слушающим хорошее радио. Я пока утешаюсь патефоном. Часто на этой почве у меня огорчения, т.к. окружающие не выносят моих любимых пластинок (на увертюру из Тангейзера уже сели). Пускаю их когда все уйдут или заснут. К сожалению, у моих товарищей довольно пошлые вкусы, и верхом красоты они считают или хор Пятницкого, проникающего даже и сюда, или (Зачеркнуто цензурой слово «Лещенко». Ред.).

Тех марок, что были вынуты из писем не жаль. Дубликаты их есть в посылке. Полный набор старогерманских марок у меня есть. Они в книжонке, которую я мечтаю отправить вместе с книжонкой-каталогом Франции, бандеролью. В ней не хватает только одной марки (утеряна до того как попала в мои руки). Во французском же наборе не хватает очень многих. Ценность предоставляет каталог. Как я убедился пудовые каталоги все же не полностью перечисляют марки отдельных государств.

Впервые за всю войну увидел позавчера хороших артистов. Приезжала бригада Моск. театра оперетты под предводительством Новиковой. Отдохнул душой от халтурщиков, которых встретил за это время неисчислимое количество. Посмотрев, расстроился – люди из другого мира напомнили об культурной жизни, которой я не видел более 3-х лет.

Последнее наступление наших войск еще более укрепляет уверенность в скором окончании войны. Наверное, этот вопрос времени одинаково разрешается и на фронте и в тылу, поэтому не собираюсь на эту тему распространяться. Витька, конечно, выиграет пари.

Желаю вам успехов!

До свидания!

25.4.45 г.»

28 апреля 1945 г.

«Здравствуй.

Это очень хорошо, что ты написала мне. И подпись – «твой друг Р.» - как раз то, что я хотел и ожидал.

Ты права, мы обязательно встретимся. Тогда договорим о всем недоговоренном в письмах, расскажем о своих надеждах, о чувствах, об пережитом и пережитом...

В нашу эпоху, такой маленький винтик как человек, конечно, не может по собственному желанию сделать свою жизнь. Очень ярко подтвердился закон «бытие определяет сознание», чувствуешь это ты, чувствую и я. Хотя я очень много приложил усилий (за

время войны), чтобы сохранить то, что во мне было хорошего, за успешность их я ручаюсь. Иной раз я чувствую то же, что и ты, - что мне 40 лет. А иной раз мне кажется, что все хорошее еще впереди. И тот опыт, который я получил ценой крови, страданий и прочего, заставит меня более разумно и правильно использовать свои возможности.

О себе. Живу сейчас очень хорошо. Работаю чертежником в оперативном отделении и одновременно топографом. Работы заключается в вычерчивании схем положений частей, расположений, решений командира выраженных на карте, отчетных карт о проведенных боях. Через меня проходят топокарты для всех офицеров и командиров соединений. Работа почти тыловая. Правда, в нашем понятии тыл расположен в 1-2 км от немцев, но все же в атаки я не хожу. Приходится, правда иногда полазить по переднему краю, привязывая (определяя место на карте) боевые порядки или инженерные сооружения или засекая огневые точки противника. Но это пустяки, т.к. с большой опасностью не связано. Работа не тяжелая физически можно сказать писарская (хотя я не люблю, чтобы этот термин применяли ко мне, но прикидываться героем не хочу). Правда убивает и здесь, и часто приходится сидеть под снарядами, но это неизбежное зло тоже пустяк, не сравнимый с жизнью солдата переднего края.

Работы у меня обычно много. Но работа носит авральный характер. В период подготовки операции она достигает мах. Приходится работать день и ночь. Иной раз не приходится спать сутками, а обычно в такой период спишь 3-4 часа в сутки. В бою, конечно, тоже достается, но все же меньше. Во время длительных перерывов между наступлениями, когда гонишь все запущенное и неоформленное за время боя, наступает время, когда я почти целые дни бываю свободен. Но таких все же мало, т.к. на отдыхе занимаются подготовкой войск к очередному наступлению или разрабатывают варианты новых наступлений. Сейчас я нахожусь в Силезии. Здесь воюем уже около трех месяцев. Нагляделся на «заграницу» уже достаточно. Побывал в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Вост. Пруссии, Польше, сейчас в Германии, и, может быть, попаду в Чехословакию, т.к. до нее не так уж далеко и наступать больше некуда.

Не сомневаюсь, что это письмо дойдет до тебя после окончания войны. Ждем этого со дня на день. Интересно раскрывается секрет немецкого «фанатического» сопротивления. Один пленный так объяснил это: «Если я сдамся русским в плен, они пошлют меня на работу, может быть даже в Сибирь (самое страшное место на земле для них, наверное), а если я дотяну до конца войны, то я брошу оружие и уйду домой».

В общем, рассказать обо всем новом и интересном, встреченном за это время нет никакой возможности. При встрече можно будет поболтать обо всем.

Мне кажется, что этот момент не так уж далек. Есть у меня, конечно, опасения, что или затянется оккупация, или сама демобилизация или какие-нибудь денонации помешают, но надеюсь, что они неосновательны.

До встречи милый друг!

До свидания!

28.4.45 г. Валентин».

Из воспоминаний: В городе Магдебурге, где мы были 9-го мая, были горные шахты. И там оказалось много русских, которые вылезли неизвестно откуда (из барачков, из шахт). Они просили у нас оружие, чтобы рассчитаться с теми, кто их угнетал. Я не помню, дали им оружие или нет. Наверное, дали, потому что оружия было тогда навалом.

Мы разговаривали с этими русскими, которые были в плену. Они говорили, что эксплуатировали их со страшной силой: 15 часов в шахте, сон очень ограничен, плохо кормили. Причем, была явная дискриминация. Там были англичане, французы. А на спине и груди были крупными буквами надписи. На наших – R, у французов – F, у англичан – G.

Они сетовали на то, что этим иностранцам посылки посылали через Красный крест и пр. Немцы с ними как-то лучше обращались и пр.

Любопытный разговор у меня состоялся с одним русским (9-го утром), который спрашивал, что с ним будет. Будут их в лагерь определять? Немцы их запугивали, и может быть основательно. Они уже знали, что их могут послать в Сибирь и пр. Он по душам говорил со мной: то ли ему идти на запад, то ли оставаться у нас. Не знаю, как он решил, но я пытался его убедить, что ничего страшного не произойдет. Что те, кто попал в плен, воюют сейчас с нами в одной дивизии. Так, что война кончалась интересно.

12 мая 1945 г. Германия-Чехословакия.

«Здравствуйте!

Сегодня 3-й день мира. Наконец-то свершилось то, о чем мечтали все 4 года. Нет слов, могущих охарактеризовать величину счастья, которым наполнены все мы, и я в частности.

8-го мая мы начали наступление. В отличие от прошлых наступлений успех обрисовался очень быстро. Заняли город, находящийся в 10 км от нашего переднего края к середине первого дня наступления. На второй день сопротивление немцев еще более ослабло и, заняв еще 2 города, мы вошли в горы. Поехав утром в корпус за картами, я узнал о том, что война кончается в этот день. Сообщили об этом, правда, под секретом, - нельзя извещать войска о близком обязательном мире – ведь мало найдется охотников умирать в последний день войны. В 23 часа наши войска прекратили артогонь и наступление. Немцы все еще стреляли, как из пулеметов, так и из пушек. Утром ответа немцев о предложении капитулировать, переданное им нашими радиостанциями, не было. Интересно, что текст акта о капитуляции передавался не только всеми ширококвещательными радиостанциями, но и всеми войсковыми, вплоть до батальонных раций. Пошли дальше с боем. Но вскоре (через 2-3 часа) большинство немцев бросило оружие и разбежались. К 3 часам мы двинулись с большим трудом по извилистым горным дорогам, из-за того, что они были на несколько десятков км. загромождены пушками, повозками, брошенными автомашинами и т.п. Немцы хотели отходить для того, чтобы сдать англичанам или американцам, но наши танки, зашедшие им в тыл, заставили их отказаться от этого намерения. В обратную сторону тянулись длинные многокилометровые караваны гражданских немцев, покинувших с началом наступления свои дома, а теперь возвращающихся домой. На этот раз эвакуация у немцев не была такой массовой как прежде. Многие немцы (большинство) остались на месте. Сначала немцев, бросивших оружие, собирали и вели под охраной, а когда их стало очень много и сопротивление их совсем прекратилось, на них плюнули и толпы разоруженных немцев шли, перемешавшись с нашими войсками, в одном направлении с нами. Трофеи, конечно, были огромные. Только самолетов взяли более 100. Освободили несколько тысяч русских военнопленных из лагеря в одном из городов. Скоро вошли в Чехословакию. Т.к. сопротивление прекратилось, двигались очень быстро. Чешское население встречает нас восторженно. В деревнях все население стоит на улицах, приветствуя наших бойцов. Над каждым домом советский и чехословацкий или чешский флаг (чешский флаг отличается от чехословацкого окантовывается). Проходящих бойцов угощают яблоками, пивом и т.п. В городах устраиваются поистине триумфальные встречи. Встретились здесь с местными партизанами. В большинстве это русские военнопленные, бежавшие из лагерей. Все они страшно озлоблены на немцев и сейчас расплачиваются с ними. Многие немцы, имеющие грехи перед нами (СС, СД, СА, гестаповцы, власовцы, полицейские и т.п.), удирают с оружием, стараясь добраться до союзников, чтобы сдать им. Партизаны закрыли все дороги и истребляют их тысячами. Сейчас мы уже за Эльбой. Останавливаясь в городах, живем в отелях, местные власти

устраивают банкеты в нашу честь. Торжественные встречи, гостеприимность и уважение чехов, все это достойная награда за все перенесенные трудности. А радость от предвкушения возвращения домой!...

Трудно описать все, что происходит, переживания и чувства всех нас, нашу радость и надежды.

Обо всем этом придется рассказать при встрече, которая недалека.

Интересно, как встретили мир в тылу. Мне кажется, что у вас радость должна быть еще больше, чем у нас.

Вечер, ставший для меня историческим и памятным на всю жизнь, окончания войны, прошел так. Взяли горный промышленный немецкий городок и, встреченные огромной толпой замученных, одетых в рваные куртки с крупными буквами SU (Soviet Union) на груди и спине, военнопленных, остановились в нем. Поместились в здании полицейского управления. Пойдя вечером в дом напротив (немцы из него удрали), нашел там радиоприемник. В городе, взятом почти без боя, работали заводы, водопровод, электростанция. Слушал радио и часа в два ночи поймал передачу из Москвы текста акта о капитуляции. До этого разговорам об окончании войны не верилось все-таки. Поэтому это вызвало у окружающих самую резкую реакцию. Начались пляски, поцелуи, появилось на столе вино и т.д. В эту ночь никто не спал, несмотря на то, что перед этим не спали две предыдущие ночи. Сейчас 3 часа ночи. Теплая южная ночь с крупными звездами. Ложусь спать на перины, предоставленные нам любезными чехами.

До скорой встречи.

Валентин.»

P. S.

31 мая 1945 г.

Привет из Чехословакии.

Выслал вам 4-ю посылку. Надеюсь прибыть к вам одновременно с ней. Пака перспектив на скорое возвращение не заметно. У меня все по-прежнему.

До свидания!

31.5.45 г. Валентин.

1 июня 1945 г.

Здравствуйте!

Теперь, конечно, мое молчание не будет пугать вас, как это было раньше. Вы, наверное, получили письмо, написанное сразу же после окончания войны, и то, что я благополучно окончил войну, теперь вам известно. Надеюсь, что, получив вновь перевод оформленный начфином, (Расчет за границей производится только иностранными деньгами, основной оклад, выплачиваемый советскими деньгами. Переводится самим начфином по данному ему адресу), вы не будете посылать открыток-запросов вроде полученной мной недавно.

С завистью смотрел я на уехавших домой, вскоре после окончания войны, русских, угнанных при оккупации. Когда-то раскачаются нас демобилизовать?

Мне пришлось участвовать в последних боях этой войны, возможно, что некоторые будут этому даже завидовать. Я, в свою очередь, завидую тем, кто был 9-го в Москве и видел праздник Победы. Для нас его не было. Война кончилась как-то постепенно, и не было такого взрыва радости как у вас. 9-го и даже 10-го нам приходилось боем заставлять некоторые группы сдать в плен. Даже и сейчас мы на боевом положении. По лесам еще бродят толпы СС-овцев, имеющих даже танки. Вообще немцы недобросовестно

выполнили условия капитуляции. Жгли автомашины, подрывали орудия, бросали боеприпасы в речки и т.п. Правда, все это производилось в единичных случаях, но все же подобные факты существуют. Вообще говоря, немцы, очевидно, собирались еще долго воевать. Все горы покрыты укреплениями, на которых немцы, очевидно, собирались обороняться после потери всей Германии. Дороги в горах через каждый километр имеют баррикады разнообразного, но, нужно признать, довольно остроумного устройства. Т.н. пачка толстых бревен съезжает с горы от незначительного толчка и закрывает оставленный на дороге проход. Входы в туннели имеют ворота на петлях сваренных из метровой высоты двутавров. Много эскарпов, окопов, проволоки. Очень мощная линия обороны, проходящая по старой Чешско-германской границе, превосходит все виденное мной ранее. Здесь доты всех размеров стоят в 70-100 м друг от друга. Глубина этой линии несколько км.

Не могу удержаться от того, чтобы еще раз не похвалить чехов за их искренне-дружелюбное отношение к нам. В одном городке, куда заехал один наш офицер, сказавший жителям, что мы пройдем через их город, все жители стояли с утра до 2-х часов ночи на улицах, ожидая нас (мы не прошли через него, т.к. изменили маршрут). При встрече были прямо-таки трогательные сцены. Чешский старый полицейский, просидевший 3 года в концлагере, и только утром вышедший из него, одел свою старую форму и, торжественно стоя на перекрестке, указывал своей палочкой путь, проходившим мимо машинам и танкам. Очень дружелюбно относятся к нам они и сейчас. В школах введено преподавание русского яз. Взрослые усердно изучают его. В одном из окон я видел объявление: «Здесь с 10 до 16 часов принимают в коммунистическую партию!» Чехи в разговорах заявляют, что все идут сейчас за компартией. Вся молодежь уже записалась и теперь уверяет, что Чехия будет «иметь главой Сталина». Не знаю, сообщалось ли в газетах (я их в то время не читал), что в Праге и во многих других городах за неделю до нашего прихода вспыхнуло восстание против немцев. Чехи говорят, что при этом в Праге было убито 30 тыс. немцев и 40 тыс. взято в плен. Немцы двинули на Прагу несколько дивизий. Бои шли до нашего прихода. Сейчас Прага довольно сильно разбита. Чехи сильно обижены на англичан, которые во время боев стояли в 50 км от Праги, не желая продвигаться вперед.

Недавно я ездил за картами на мотоцикле через все горы обратно в Германию. Дали самый мощный мотоцикл с коляской. Набрал я с водителем гранат, патрон, взяли запас бензина и буханку хлеба, и двинулись. Всю дорогу мотор барахлил – один цилиндр через каждые 10 км переставал работать. Продували карбюратор, меняли свечи, даже клапана регулировали, а причин отказа найти не смогли. Только на обратном пути случайно обнаружили обрыв одного проводника. Из-за этой канители проехали с раннего утра до 1 ч ночи. Несмотря на то, что часов 5 проехали под дождем, удовольствие я получил огромное. Дорога идет по горам на уровне облаков. Места очень живописные. Германия на этот раз мне очень понравилась. Во время войны мы шли по земле загаженной войной, население или убегало или пряталось, т. что вид был запущенный и необитаемый. А сейчас я видел чистые прибранные города, почти без следов боев. На дорогах группы немцев занимаются зарыванием окопов у обочин, ломают баррикады. Работают шахты и заводы. Правда, по дорогам еще тянутся беженцы, возвращающиеся домой, но они, очевидно, идут куда-нибудь далеко – к Одере, т.к. в последнее наступление наше эвакуировавшиеся, которых мы быстро догнали, сразу вернулись домой. Некоторые идут налегке – с узелком и левреткой на веревочке, некоторые толкают детскую коляску с вещами, некоторые едут в телегах, прицепленных штук по 5-10 к трактору. Глядят на нас сумрачно, но, когда у них что-нибудь спрашиваешь, отвечают охотно и предупредительно. В городах у магазинов стоят очереди. Разговаривал с некоторыми

поляками еще не уехавшими домой. Они говорят, что немцы сейчас живут даже лучше, чем при Гитлере. Не верится, что можно существовать на те нормы, о которых писалось в газетах, но оказывается, что они называли точные цифры. Видя в крестьянских хозяйствах по 5-10 коров, трудно предположить, что их владельцы жили плохо, а оказывается, что молоко, мясо, яйца почти подчистую забирались государством. Особенно плохо жило городское население.

На обратном пути первую улыбку я увидел на лице чеха-пограничника, стоявшего на восстановленной чешко-германской границе 38 г. Интересно, что в армию у чехов мобилизованы не молодые, а 1912-15 гг. рождения – они проходили когда-то обучение.

Конец поездки мне не понравился. Стало темно, холодно, сыро. Ехать со скоростью 60 км/час сквозь густое облако вечером – довольно скучно. Растрясло меня за 380 км дорог всех сортов основательно. По Чехословакии ехали уже ночью, никого не встречая на дорогах. Чехи ложатся как куры – как только станет темно. Интересно, что почти все они по-прежнему аккуратно маскируют окна, хотя на улицах во всю горят фонари.

Но обстановка, в которой я сейчас живу, уже совсем все же мирная. Армию тоже перевели на мирный режим. Каждое утро полтора часа под оркестр «рубим» на строевой подготовке. «Рубят» все от подполковников до последних ординарцев, обычно избегавших все проходившие мероприятия. Опять постригли мою шевелюру. В общем, гайки подтягивают. Сейчас я стал большим начальником, но от этого мне лучше не стало. Перевели моего начальника капитана на другую работу, и я сейчас исполняю его обязанности плюс к своим старым. Конечно, я от этого не унываю. Боюсь только, как бы это не задержало мне демобилизацию, т.к. могут не отпустить из-за того, что некому будет остаться за меня.

Живу пока хорошо, сделал всю работу по обобщению и приведению в порядок своих дел и опять бездельничаю.

Отправил 13.5. четвертую посылку. В ней брюки, шерстяной отрез на платье, штуки 3 женских платья, куртка, белье и еще что-то. Заранее прошу извинения за то, что послал вам белье, после того как носил его, это очень некрасиво, но ограниченные возможности не позволяют набирать и возить много барахла. Поэтому, не имея под рукой свежего, решил, чтобы добро не пропадало, засунуть его в посылку. Вообще я доверие в это дело уже немного потерял. Хотя некоторым и пришли письма с извещением о получении посылок, но это получали большей частью почему-то только на Украине (т.е. близко отсюда, дальше посылки еще не дошли ни у кого).

Посылаю в конверте вместе с письмом серию видов Берлина. Пусть это будет памятью об этой войне, об ее победном окончании, символом которого служит падение Берлина.

Всего наилучшего!

Жму ваши руки!

1.6.45 г. Валентин.

8 июня 1945 г.

Здравствуйте!

Получил письмо папы с соображениями относительно моего скорого возвращения. Оба способа, конечно, очень хороши, но могут все же не осуществиться. Дело в том, что сейчас происходит переформировка. Нас расформировывают. Куда и кем попаду, не знаю. Скорее всего, буду гвардии старшиной где-нибудь в пехоте. Старики и нестроевые поехали домой, а таким как мне служить еще как медному котелку. Нечего и говорить, что я готов рвать на себе волосы. Жаль только, что их у меня опять остригли. До своей новой части придется шагать км. 300-500. Такая туристическая прогулка в полной выкладке при теперешней жаре мало интересна. Может быть удастся перейти в наш арtpолк, который во

первых не расформируется, а во вторых на мех. тяге, так что ноги будут спасены «для лучшего», как говорил Лука у Горького. Просился об этом у нашего нач. штаба, но он пока не разрешил этот фокус. Пообещав, что найдет мне место получше. Боюсь, что он наметил меня кандидатом на какие-нибудь курсы или училище. Успокаиваю себя мыслями, что это плод воспаленного воображения, хватит, наверное, готовых офицеров. Разгонять начнут дней через 5.

В связи с этим изменится мой адрес и вызовы, которые пойдут по старому адресу, пропадут втуне. На утряску уйдет, наверное, дней 10-15, так что боюсь как бы вообще из-за этого не прошли все сроки вызова. Завтра почта наша прекращает свое существование. Поэтому пропадут письма, написанные вами в июне. Смущает меня и проблема имущества. Приходится бросать много великолепных вещей. Солдату много на себе не унести. Попытаюсь обменять их на часы у чехов. Придется обменивать замечательную спортивную винтовку, бинокль, около 30-40 кг сахара, пистолет. Некоторое барахло, которое я намерен был послать в этом месяце. Можно будет унести только мин... (Оборвано. Ред.).

Сейчас я кончаю оформление дел к сдаче их. Времени свободного сейчас много. Днем загораю у речки, конечно купаюсь. Вечером гуляю со знакомыми чехами, ведя разговоры на философские темы. Живу, в общем, как на курорте.

Попытаюсь сегодня добиться справки о невозражении. Если удастся выдрать ее, то пошлю немедленно ценным письмом. Мне кажется, что если я и изменю адрес, то эта устаревшая тогда справка все же останется в силе. Трудно, правда, будет изменить в ходе волокиты адрес на другой, но может быть удастся все же.

Если не удадутся эти попытки, то придется мне проторчать в оккупационной армии еще довольно долго. Есть надежда на то, что пойдут навстречу не окончившим ВУЗы из-за войны и как в 41 г. демобилизуют их, но их маловато.

Ходил к начальнику штаба. Просил. Получил отказ. Буду ждать удобного случая и попробую еще попросить.

Всего наилучшего!

P.S. Писем до выяснения не пишите.

8.6.45 г.

17 июня 1945 г.

Здравствуйтесь!

Мои перемещения наполовину закончились. Спешу сообщить вам о себе. (Вычеркнуто цензурой. Ред.). В прошлом письме я высказывал опасения перед этим, оказалось же, что я не упал, как ожидал, а еще более возвысился. Вместо пехоты, я попал в штаб, который стоит на 2 ранга выше того, в котором я находился. Буду работать здесь чертежником. Считаю, что мне все же повезло.

Вам, наверное, известно, что пожилых и не годных к строевой службе отправляют из армии по домам. Я считал себя абсолютно здоровым и конечно не думал, что могу получить «нестроевую службу». Поэтому я очень удивился, когда наш начальник санитарной службы сказал мне, что я могу получить ее, придя на комиссию. В это день комиссия уже окончила свою работу, а на другой день вообще прекращала свое существование (врачи, входившие в нее, должны были уехать работать в др. место). На другой день я на мотоцикле поехал на комиссию (она работала в медсанбате, находящемся от нас за 30 км). Не проехал я и 4-х км, как мотоцикл закапризничал и «сдох». Провозившись с ним полчаса, я покати́л его назад. Взял другой мотоцикл и погна́л его со всей возможной скоростью. Дороги здесь очень извилистые и идут то вверх, то вниз. Даже при американской езде с риском сломать себе шею, я не мог ехать быстрее 60-50 км/час. В

общем, я опоздал на полчаса. Комиссия уже разошлась и тем самым пути из армии закрылись. Из-за такой мелочи, как подгоревший контакт в магнето, погиб год жизни. Никогда в жизни не испытывал я еще такого чувства обиды на свою судьбу.

На другой день я узнал, что меня вызывают в вышестоящий штаб со всеми потрохами. Три дня ждал попутной машины, т.к. ехать нужно было за 150 км, и на попутных случайных машинах добраться было невозможно. И опять мне не повезло. Накануне отъезда я узнал, что из остатков врачей опять собирается комиссия. Начала работу она в 12 ч дня, я же уехал в 7 часов. При всех моих стараниях ничего нельзя было сделать, чтобы отсрочить поездку. Рассчитывать на получение нестроевой здесь я не могу. Все-таки я чувствую себя абсолютно здоровым, и только благожелательно настроенные врачи, могли бы натянуть мне ее. Попытаюсь можно, конечно, но толку в этом будет мало. Лучше будет пройти комиссию по приезду в Советский Союз. До этого ждать не так уж долго. Пока писать об этом нельзя, но вскоре после преобразований, которые еще будут, напишу.

Остается надежда на вашу помощь. Адрес мой пока постоянный и может быть им и останется. Может быть поможет затребование посланное по адресу: полевая почта 28304-А, где я сейчас нахожусь, но может быть оно придет, когда адрес после преобразований изменится. Новый адрес будет дней через 20-30. Надежд на получение справки о «невозражении» теперь конечно нет.

Сейчас я опять в Германии, вернее в Польше. Эту часть Германии отдали полякам. Они, наверное, и не мечтали о таком «куске». Пределом их мечтаний была граница по Одере, отсюда же до Одера больше сотни км.

Этот город мы брали 8-го мая – в последний день войны. Я писал уже о нем. Сейчас я увидел его живущим мирной жизнью. Т.к. работы у меня сейчас немного, гуляю по городу. Здесь есть замечательной красоты места. Город раскинут по долинам между высоких (примерно 800-900 м) гор. Много зелени. Дома обвиты плющом, всюду цветы. Улицы блещут чистотой. В общем, от него я в восхищении. Трудно описать все интересное, что есть в нем, да и таланта на это у меня нет. Как-нибудь потерплю с рассказами об этих впечатлениях до встречи.

Перед уходом из дивизии послал вам пятаю посылку. В ней между прочим и каталог марок, который, как бандероль, от меня не приняли. Главная ценность в посылке солидные ботинки, которые я правда немного носил, но способные выдержать еще год. Остальное – мелочь.

На днях получил письмо от вашего хорошего знакомого – Вальки. Он пишет, что тоже переформировался и скоро едет на Украину, где будет работать в штабе военного округа. Высоко забрался – еще одно повышение и он будет где-нибудь в генштабе.

В последнее время, в связи с издевательством судьбы надо мной у меня все время плохое настроение. Не клеится что-то и письмо. Кончаю писать, а как-нибудь на днях сяду за другое – подробное.

Желаю вам всего наилучшего!

Поздравляю Витьку с благополучным окончанием школы! Скоро он чертенок перегонит меня – уж «больно» я здесь заржавел.

До свидания!

17.6.45 г. Василий.

P.S. Не пугайтесь если получите мои фотографии в конверте написанном не моим почерком. Я в Чехословакии сфотографировался, но, не успев получить готовые фото, уехал. Их должен выслать на ваш адрес оставшийся товарищ.

20 июня 1945 г.

Здравствуйте!

Наконец-то выяснилось, на какой срок можно рассчитывать «спасательные операции». Мой адрес остается неизменным до середины августа, возможно и несколько более – до конца. Вызов, посланный по этому адресу, должен возыметь действие. Все зависит от того, удастся ли направить вам его по новому адресу в часть числа до 5-го июля. Если - да, то его успеют направить сюда. Сомнительно только, успеет ли он к этому сроку.

Носил сердце на осмотр. Сказали, что это пустяки – последствия переутомления. Побывал в немецком театре – на концерте. Каждую ночь до 2-3 часов слушаю радио.

Надеюсь все же, что удастся освободиться, что мы скоро увидимся. Пока подготавливаюсь к мирной жизни. Штудирую учебники, но одолевает лень и любопытство. Оно толкает бродить по городу.

Спешу отправить письмо с очередной почтой. Поэтому не пишу много. Может быть успех «спасательной операции! Будет зависеть от времени. Печальный опыт «цейтнота» о котором я писал в прошлом письме, заставляет меня ценить время.

Жду ваших писем по новому адресу.

Напишите об успехах посевной. О планах Витьки. О перспективах раскрывающихся перед Юркой.

Желаю вам всего наилучшего!

До свидания!

20.6.45 г. Валентин.

24 июня 1945 г.

Милая Рая!

Почему ты не отвечаешь на мои письма?

Правда из последнего твоего письма я узнал, что ты не все мои письма получила, но неужели ты не получила письма написанные мной за эти два месяца. В последнем своем письме Люся писала, что ты очень ждала моих писем. В моих письмах не было ничего, что заставило бы тебя отказаться от переписки. Остается только одно предположение – письма или застряли в цензуре или утеряны каким-нибудь почтовым чертом.

Сейчас мое место службы переменилось. Работаю чертежником оперативного отдела крупного соединения. Попал сюда недавно – дней 5 тому назад. Опять нахожусь в Германии. Живу очень хорошо, даже неудобно как-то обладать таким огромным количеством удобств. Живу в доме, имеющем электричество, водопровод, канализацию, газ и даже душ. И все это работает! Ты, конечно, улыбнешься этому наивному восхищению, но для меня это стало настолько необычным, что я нахожусь от обладания всем этим, по крайней мере, на пятом небе.

Живописный немецкий городок раскинулся среди невысоких гор. В городке трамвай, троллейбус, электрическая ж.д. Это уголок большого современного города, по которому я стосковался за годы дикой жизни. Город утопает в зелени и цветах.

Сажу на скамейке в парке, устроенном на довольно крутой горе. По спиральным дорожкам прогуливаются немцы и немки. Внизу слышен шум города. Торопливо звенит колокол кирхи. Мирная жизнь! 8-го мая я был в этом городе. За него был последний бой, в котором я участвовал, - последний бой этой войны. Какой контраст представляет сегодняшний день с тем днем!

Работы у меня сейчас немного. В свободное время слушаю по радио музыку, ставшую для меня источником огромного наслаждения. Просиживаю у приемника, не имея сил оторваться, до 3-х часов ночи ежедневно.

Для полного счастья не хватает уже «немного» - полной свободы, книг, семьи, друзей. Надеюсь, что время, когда я получу все это не за горами. В худшем случае пропадет еще

год жизни, в лучшем – увидимся через несколько месяцев. Это состояние ожидания решения судьбы – довольно мучительно. Что ж не, не то вытерпели!

Жду ответа на это письмо. Уж такое-то невинное письмо должно, по-моему, пройти. Напиши о твоих успехах в институте, о мирной жизни в Москве, о всем, чем ты живешь. Всего наилучшего! 24.6.45 г. Валентин.

7 июля 1945 г.

Здравствуйте!

По моим расчетам я уже должен получить от вас письмо по новому адресу. Но его уже нет. Мной овладевает беспокойство: дошло ли оно до вас.

Живу сейчас очень хорошо. Работы немного. Бывают дни, в которые мне не приходится даже палец о палец ударить. Свобода у меня почти полная. Нельзя, правда уходить на долго в рабочее время, т.к. может найтись какая-нибудь работа, но т.к. есть кроме меня еще 3 чертежника, то можно уходить, когда другие дома. Ежедневно по вечерам хожу гулять по городу. Город классический немецкий. Дома добротные, все серого или черного цвета с острыми черепичными крышами. За исключением центральных улиц везде перед домами палисадники, в которых произрастают розы, жасмин, салат и картошка на крохотных грядках. Несмотря на изобилие шахт и заводов и непрерывный дождь угольной пыли, улицы блещут чистотой. Хозяйки регулярно подметают тротуары обыкновенными половыми щетками. Новые кварталы, кварталы коттеджей, отдельные дома – почти целиком увиты плющом. Некоторые дома заросли им так, что только окна и крыши не покрыты густым слоем листьев. Часто можно видеть ветки черешни, задевающие за головы прохожих, сплошь покрытые уже перезревшими плодами, на которые никто даже и не покушается. Т.к. город расположен на высоте 600-700 м, то во время дождей облака проходят на уровне крыш. Так и сейчас, когда я пишу это письмо, время от времени окна застилает туман.

Сейчас в городе хозяева поляки. Эта территория (почти вся Силезия и Памерания) отошли им. Сейчас их пока здесь немного, но они все время прибывают. Они уже успели переименовать улицу Гитлера в улицу маршала Сталина, но на нашей улице все еще висят таблички извещающие, что она называется улицей Германа Геринга. Это, правда, можно объяснить тем, что в этот квартал не пускают ни немцев, ни поляков. Ими начато выселение немцев из своей зоны, причем довольно капитальное. В связи с этим положение немцев становится все мрачней. Промышленность вывозится нашими подчистую, то, что остается, переходит в собственность Польши. Голод в городах существовал еще при Гитлере, сейчас он усугубился. Возле наших кухонь стоят толпы детей, ожидающих раздачи, остающейся после раздачи солдатам. На улице подходит трехлетний ребенок и просит «Камерад! Марка!». Деньги сейчас здесь ходят всех сортов: старые немецкие, новые – «оккупационные», новые польские злоты, берут и советские рубли, но их в ход наши солдаты все же не пускают. До инфляции еще не дошло, (кружка пива стоит 30 пфенингов) но, что-либо ценное на деньги не купишь, оно идет в обмен на продовольствие.

Сейчас я являюсь счастливым обладателем почти всех удобств цивилизованной жизни. А моем распоряжении находится великолепный французский приемник, на комнатную антенну принимающий всю Европу (включая и Советский Союз). Приемник этот взят в трофейном отделе. У немцев все приемники отобраны и, по-видимому, возвращать их не собираются. Поэтому, наверное, соскучившись по музыке, немцы, несмотря на трудность жизни, очень охотно идут в театр, имеющийся здесь и кино. Я побывал уже на 3-х немецких концертах, в которых принимают участие хорошие артисты, удравшие в свое время из Берлина. В кинотеатре демонстрируются наши кинофильмы, но так как

аппаратура и сам кинотеатр превосходят все виденное мной прежде, тоя смотрю их в 3-й и даже 4-й раз с большим удовольствием.

Помимо того, что к моим услугам пылесосы, газовая кухня и газовая же ванная, всевозможные электроприборы, вплоть до электрогрелки, я завладел «горным солнцем», втуне пропадавшем у ее невежественного владельца. После того как один майор, решивший «попробовать», сжег им себе пузо до волдырей и остальные с ужасом отказались от него, я забрал его в свою комнату и ежедневно поджариваюсь под ним. Думаю, что мне удастся, вынув кварцевую лампу и силовую часть, привезти их в Советский Союз. Во всяком случае, кварцевую лампу я протащу через все невзгоды, ожидающие меня на пути до дома. Месяца через полтора – два мой адрес, наверное, опять изменится. Опять будет расформировка, и надежд на то, что я попаду туда, куда предполагаю попасть, маловато. Я думаю, что за два, а может быть немного больше, месяца, удастся провести операцию с вызовом. Если это не удастся, тот придется мне служить не меньше года.

Теперь я даже немного рад, что не попал в разряд нестроевых, т.к. их, кажется, не отпускают по домам, а в этом случае могут упечь в какую-нибудь трудармию.

Сегодня отправил шестую посылку. Положил в нее две замечательных готовальни. Одна из них имеет 20 шт. инструментов и сменных частей к ним, другая из двенадцати. Кроме них у меня остались еще 2 готовальни. В посылке настольные небольшие часы, 10 м. шелка и 2 м. муара. Остальное барахло. Это наверное последняя посылка. Хочется послать всем занавесей, но наверное не удастся. В эту посылку я их положить не мог, т.к. не достал их в свое время. Сейчас их уже достать невозможно, - пустующих домов, где бы можно было их снять, уже нет. При отъезде с этого места постараюсь снять их в очищающихся домах, но доставить их вряд ли удастся.

Риск, что пропадут готовальни конечно есть, но, говорят, что при переезде границы отбирают все, что не входит в определенный список вещей, дозволенных иметь при этом. Поэтому я решился отослать лучшие из имеющихся готовальни. Есть у меня, правда, подозрения, как бы их не извлекли из посылки, т.к. в перечне полученных вами в первой посылке вещей не было готовальни, отосланной, как мне помнится, в ней. Сейчас я почти освободился от «недозволенного». Осталась только малокалиберная винтовка.

Меня интересует много вопросов, ответов на которые в ваших письмах я не встречал. Прошу написать мне о перспективах, открывшихся после окончания войны. Долго ли мама будет еще работать? Что собирается делать Витька? Какие перспективы у Юрки для перехода на мирную жизнь? Какие вообще у него намерения? Каковы виды на урожай в связи с дождливой погодой? Здесь, по показаниям туземцев, лето исключительно холодной и дождливое. А у вас? Дошли ли еще посылки? Была ли в первой посылке готовальня? Получили ли мои фото из Чехословакии. Получил ли Витька в письме американские, турецкие и китайские марки. Жалею, что сглупил, послав во второй посылке марки вместе с маслом. Она, наверное, пропадет. Хотя масло плотно завернуто в хлорвиниловую пленку и не протечет, но испортившись, размякнет, наверное, а мягкую посылку могут под предлогом ее мягкости вскрыть. Получили ли вы обратно, сданные в начале войны ЭЧС и малокалиберную винтовку? Где и как живут Ганцевы? Каково положение Нины и Павки? Исправился ли он? До чего дошел у Клавы Колька?

Жду ваших писем с огромным нетерпением. Разрешение вопроса о возможности вызова по моему адресу, в ту или иную сторону, разрядило бы то напряженное состояние, в котором я нахожусь сейчас. При общем благополучии существования, с точки зрения условий его, имеющемся сейчас у меня, 4 моральных фактора не дают мне покоя и понижают радость от обладания райскими, с недавней точки зрения, условиями жизни. Не хватает уверенности в будущем, вас, полной свободы, книг.

До свидания.
7.745 г. Валентин.

28 июля 1945 г.

Здравствуйтесь!

Вчера приехали на новое место. За трое суток с середины Германии приехали на автомашинах в Западную Украину. Несмотря на то, что сжег физиономию солнцем и неоднократно промокал насквозь под дождем, это путешествие мне очень понравилось. Удалось посмотреть много городов, которых в пути на запад я не видел. Проехали через знаменитые Освенцимские лагеря. Они действительно грандиозны. Ряды бараков, огороженные 2 высокими проволочными заборами, по одному из которых пропускаться электроток, тянутся километров на 6. бетонные стены высотой около 8 м. делят их на клетки, заключающие в себя 4-6 барака. Через каждые 50-100 м. железобетонный колпак со множеством амбразур. Я видел бараки, имеющие номера более 5000. Завод, на котором работали заключенные, производящий железобетонные части укреплений (колпаки, балки и т.п.), тянется на 10 км и имеет ширину примерно 3 км. В нем около 1600 цехов. Это «заведение» ярко подчеркивает любовь немцев к колоссальности. При взгляде на него действительно кажется, что через эту мясорубку могло быть пропущено не 3 млн., а значительно больше.

Сейчас живу в захолустном городишке неподалеку от Львова. Здесь, наверное, пробудем около месяца, а потом поедem в Харьков. Сегодня после почти полумесячного перерыва пришла почта, но писем мне в ней не оказалось. Удивляюсь. Ведь уже больше месяца, как я послал вам свой новый адрес. В ожидании известий от вас о ходе операции с вызовом написал рапорт с просьбой об отпуске на учебу и вчера подал его своему начальнику. Начальник мой (полковник, с которым я по вечерам играю в шахматы), полностью на моей стороне и, может быть, ему удастся убедить генерала в основательности моей просьбы. Надежды, правда, на это у меня маловато, но «попытка – не пытка».

Вчера послал с одним товарищем, поехавшим в командировку в Москву, чемоданчик с основными деталями соллекса – трансформатором, кварцевой лампой и отражателем. Он оставит его у себя дома (он москвич), и вы по адресу, который я вам сообщу после его возвращения, найдете его жену и заберете этот чемоданчик. Большого отправить не удалось, т.к. он повез много своих вещей, и на этот согласился с трудом. Возможно, что удастся таким же путем переправить еще кое-что. Выбор мой пал именно на эту вещь потому, что один трансформатор весит почти столько же, сколько остальные вещи.

Через границу нас пропустили без всякого осмотра, т.ч. все опасения на этот счет оказались напрасными.

Возможно, и даже наверное, что после приезда в Харьков нас расформируют, тогда я не смогу таскать такую тяжесть как трансформатор, и поэтому я оправдываю то, что не послал вам вещей более нужных в настоящий момент, тем, что соллекс для нас пропал бы.

Привез с собой из Германии очень удобный миниатюрный пылесос. Может быть удастся привезти и его. Мог привезти и хороший радиоприемник, но, вспомнив заявление Витьки о том, что Юрку не удивишь радиоприемником, и, не имея запасного комплекта ламп к нему, а основные лампы в нем уже поношены, не взял его.

Жизнь на новом месте будет казаться неплохой. Созревают фрукты, а садов здесь очень много. Для начала съел за сегодняшний день 2/3 ведра вишни. Ее я собственноручно нарвал утром на окраине города, где много садов беспризорных, т.к. дома, у которых они были посажены, разрушены за время войны. Т.к. молоко стоит 10-12 р. Литр, придется

пропить свой небогатый капитал, состоящий из сотни рублей, 200 марок, 70 злотых и 1000 крон (в сумме 500 руб.).

С огромным нетерпением жду ваших писем. Ведь так много изменяется или должно измениться в связи с переходом на мирное положение. Пишите полнее и не только о настоящем, но и о перспективах всех членов нашей семьи.

Желаю вам всего наилучшего!

До возможно скорого свидания.

28.7.45 г. Валентин.

3 августа 1945 г.

Сегодня, наконец-то, после долгого перерыва получил ваше очередное письмо. Шло оно ровно месяц. Нечего и говорить, что пришло оно поздно. Уже неделя, как я нахожусь на территории Советского Союза и поэтому просьбу Юрки о лампах удовлетворить не могу. Приди это письмо на 10 дней раньше, я сумел бы достать большинство из просимых ламп. В частности лампы к Вlauruncst'у были полностью.

В отношении вызова. Вы правы, что при наличии вызова согласия начальства на демобилизацию не требуется, все дело в том, что вызова добиться трудно. У нас есть приказ о демобилизации мне подобных, выпущенный, между прочим, еще в феврале. В нем говорится, что демобилизация производится если вышестоящее начальство выражает свое согласие на это. А это происходит только тогда, когда место, занимаемое им, может быть покинуто им без вреда для службы. Я уже писал, что непосредственный мой начальник никаких возражений не имеет. Дело только за согласием начальника штаба. Сегодня вечером начну новую атаку на своего начальника. Попробую для этого использовать письмо, дабы он убедился, что только стечение «роковых» обстоятельств препятствует законному оформлению демобилизации вызовом.

Не знаю пока, повторили ли вы операцию с вызовом по тому адресу, который я имею сейчас, и поэтому настроение у меня довольно угнетенное. Этот адрес останется у меня еще дней 40-50. Если вы послали вызов сразу же после получения моих первых писем, то они успеют, если нет ... Не знаю тогда ничего о своей дальнейшей судьбе. Если есть уверенность о оперативности (быстроте), не поздно послать вызов и сейчас, но только тогда, если этот повторный вызов не исключит возможности третьего вызова по будущему новому адресу.

Живу пока по-прежнему. Несколько дней был завален работой, но сейчас этот период прошел и я опять свободен целый день. Днем читаю, ем вишню и пью молоко, вечером играю в преферанс или в шахматы со своим патроном. Ему около 50-55 лет. Он начальник отделения использования опыта войны, в котором я чертежник. Звание его полковник. Человек высококультурный, окончивший университет и академию. Сын его, тоже Валентин, окончил Бауманский институт во время войны. Очевидно, поэтому он и симпатизирует мне.

Продолжаю письмо на следующий день. Вчера вечером выяснил, что «дело в шляпе», но демобилизация по нашей армии начнется лишь после 20 августа. Т.к. неизбежно расформирование, то возражений начальника штаба не предвидится. Рапорт, который я подал своему начальнику еще дней 5 тому назад, все еще находится у него, буду ждать, чтобы рапорт скорее попал в руки нач. штаба.

Можно надеяться, что если не будет непредвиденной случайности, то через месяц я, может быть. Буду дома.

Очень рад. Что дошла посылка с марками. Под влиянием их у Витька наверно опять вспыхнет любовь к филателии. Пусть только он не увлекается классификацией их и

подождет с расклейкой месяца полтора. В предпоследней (июньской) посылке придет каталог, с помощью которого он проведет классификацию гораздо успешней.

Желаю вам успехов!

3.8.45 г. Валентин.

18 августа 1945 г.

Здравствуйтесь!

Вчера и сегодня получил кучу писем от вас. Сразу пришли 4 секретки и одно письмо от вас, открытки от Лиды, письма от друзей. Очевидно, где-то на почте прорвало плотину.

Полученные от вас известия в общем внесли успокоение в мою смятенную душу. Все эти дни я то впадал в уныние, то наоборот. Я вам писал уже, что подал рапорт обо отпуске на учебу. Мой непосредственный начальник ходатайствовал за меня. Нач. штаба положил резолюцию: «т. ... (нач. отделения укомплектования), если есть положение (т.е. приказ об отпуске), то надо демобилизовать». Подпрыгивая, я направился к т. ... Прочитав, он подумал и заявил: «Официального приказа у нас нет. Я пошлю запрос в военный округ». Вот уже неделю хожу в ожидании отказа. Вернее, до получения ваших писем, я был убежден в существовании приказа о демобилизации, о котором ходили среди нас настойчивые слухи, но и это убеждение не давало мне уверенности в успешности затеянного. Потом началась новая война, я повесил нос. Через день пришли слухи о капитуляции. Нос поднялся на 30 градусов выше нормы. Потом последовало опровержение Антонова и нос опять упал. На следующий день я, услышав о согласии микадо капитулировать, поднял с пола нос и придал ему горизонтальное положение. Вчера, прочитав из нескольких писем, что приказа о демобилизации нет, я отбросил надежды связанные с рапортом, избавив этим свой нос от обязанностей барометра войны.

Сейчас не имею никакого мнения о том, «что день грядущий мне готовит». Мой взор проникает только до 25.8. Дальше чернильная тьма. О перспективах сообщу, когда они появятся.

Живу пока как легкомысленнейший поросенок из известной вам троицы. Вишня и черешня кончились. Внимание перенес на груши, сливы и некоторые яблони. Сплю на сене в сарае. Сны вижу только на военные темы, - со стрельбой из всех видов оружия, обязательно с бомбежкой. Яркость снов объясняю присутствием в сене блох, не дающих крепко уснуть. В хатах на земляных полах их, конечно, еще больше, поэтому я на свое сено не обижаюсь. Просыпаюсь обычно в 8-9 часов. День начинаю с вытряхивания излишков блох из простыней, потом умываюсь и пью молоко парное. Днем пасусь в саду под сливами или грушами. В промежутках читаю медицинские книги – единственные книги, которые можно здесь найти не на польском языке -, или смотрю книги по искусству, привезенные из Германии. Вечером пьем кислое молоко и идем играть с коллегой из топоотдела к знакомому врачу играть в бридж. Т.к. продуктов здесь изобилие (предложение превышает спрос) то частые ужины у него не обременяют его.

Вы посылаете мне деньги напрасно. Фрукты мы едим бесплатно, а деньги на молоко наша компания зарабатывает фотографированием (работа одного коллеги чертежника), починкой часов (моя область), распродажей барахла привезенного с собой (специальность третьего коллеги – коммерсанта). Вещи здесь ценятся дороже чем в Москве, но денег у населения очень мало. Сделки главным образом проходят как обмен (без участия валюты).

Культурных развлечений (театр, кино, книги, радио) нет, но зато в окрестностях много было банд бендеровцев. Сейчас они почти не проявляют деятельности, но перед нашим приходом неистовствовали здесь. Половина города (все здания городского типа) сожжено ими. Сейчас лишь изредка в окрестных деревнях убивают кого-нибудь из наших солдат или ответ. работников. Нужно сказать, что в Польше бандитизм развит еще сильнее. Так

например я случайно наблюдал как из деревни, в 200м возле которой мы стояли, починяя автомашину, стреляла гаубица по Кракову.

Очень рад, что Витька попадает в такой экзотический институт. То-то у него будет лет через 10-15 марок! Сказать по совести меня даже грызет зависть. Бывший «поросенок» кандидатом в дипломаты за эти 4 года, а я ... теряю еще год. Надеюсь, что к моменту получения этого письма он уже будет студентом, чего я горячо ему желаю.

Передайте Нинке мою просьбу о присылке мне в письме ее фотокарточки. Опасаюсь, что она настолько изменилась, что я не узнаю ее при встрече без этого. Будет конфуз.

Съездите за соллексом по след. Адресу Москва 69, Конюшевская ул. д.18, кв.9. Спросите чемоданчик для вас у Антонины Сергеевны Протасовой. Возможно, что к этому времени будет дома и сам Виктор Ив. Смирнов (ее муж), отвозивший чемоданчик. Если никого не застанете дома, то справки о хозяйке можете навести в кв №2 у Цветковой. Если и ее не будет, то на след. день вы кого-нибудь застанете, т.к. у Протасовой выходной через день. Легче всего найти эту улицу с трамв. остановки «Зоопарк». Пользование соллексом начинать с 5 мин. Мах = 15 мин.

Буду ждать последствий вашего повторного вызова. Если не случится третьей войны, он может быть удастся. Во всяком случае надежд на скорую встречу у меня сейчас нет, т.ч. не ждите с минуты на минуту.

Жду дальнейших сообщений с реляциями Витьки и Нинки.

Желаю вам всего наилучшего!

Прошу маму написать о своем здоровье. Мысленно целую тебя, мама.

Привет родичам. 18.8.45 г. Зап. Укр.

29 августа 1945 г. От Николая Ивановича Фоменко.

Здравствуй Валек!

Снова приходится тебя упрекать за отсутствие писем. Правда, это вселяет в нас, возможно, ложные надежды на то, что вот-вот явишься домой собственной персоной, поэтому и не пишешь. Был я в твоём институте и мне обещали послать тебе вызов (2-й). Там же мне сказали, что, несмотря на большое количество посланных вызовов, около 100, ни один человек по этим вызовам еще не приехал. Некоторые воинские части отмалчиваются, некоторые отвечают письменно, что для этого требуется распоряжение отдела кадров Н.К.О. В случае если будет распоряжение отдела кадров Н.К.О. об отпуске студентов на учебу то, по моему мнению, воинские части будут в затруднительном положении, т.к. многие будут называть себя студентами и действительным студентам без наличия документов трудно будет это доказать. Поэтому тебе полезно будет иметь вызов на руках; если он сейчас не подействует, то могут тебе впоследствии пригодиться как документ, указывающий твое «студенческое состояние». Кроме того, нельзя и игнорировать вызов, который должен последовать по линии Текстильной промышленности.

Мы так истосковались по тебе, живя в большой семье; воображаю как тебе хочется домой и на учебу теперь, когда твое пребывание в армии ничем не оправдывается. Война фактически закончена и пребывание в армии тебе подобных является инерцией большого аппарата. Так я это понимаю. Будем надеяться, что тебе осталось быть вне дома считанные дни. Мы, например, каждый день, почти, тебя ждем.

Начали краснеть помидоры, и мы держим на твою долю некоторое количество красных, чтобы тебя сразу можно было угостить ими. Собрали мы их уже около 90 кг. Надеемся собрать еще 100-200 кг. В зависимости от наступления осенних заморозков. Если заморозков не будет м-ца 1,5, то и 200-250 еще соберем.

Получили мы 5 посланных тобой посылок в полной сохранности и невредимости, так что остается получить еще 1 шестую по счету.

Возвращаясь к первой теме: ты как-то в последнем письме написал о том, что имеется распоряжение в части об отпуске студентов на учебу и тебе требуется согласие генерала на это. Что это за распоряжение? Почему оно не выполняется? Напиши об этом поподробнее, если что-либо сможешь узнать об этом.

Наши новости:

1. Юрка приобрел за 1 радиоприемник и 1500 рублей мотоцикл ИЖ 8 подержанный, собранный из разных частей. Мотоцикл на ходу, хорошо тянет и находится в довольно хорошем состоянии. Езду Юрка освоил в первый же день. На второй день возил Витьку в качестве пассажира, а на 4-1 день меня возил со станции Монино в Обухово по размытому дождем проселку. Я, правда, очень боялся, что мы расшибемся и считаю, что с моей стороны это был очень легкомысленный поступок, к счастью не окончившийся какой-либо поломкой моей особы. Теперь Юрка увлечен мотоциклом. Т.к. ты освоил мотоцикл, то и для тебя это занимательная игрушка будет при твоём возвращении домой. Документы на мотоцикл не оформлены и езда на нем возможна лишь по просекам, где нет контролеров и ОРУДа. Пока он разъезжает в лейтенантской форме его, конечно, не тронут. Учитывая, что мотоцикл советской марки, оформление его будет легче, чем импортного. Вопрос стоянки пока разрешен так: при пожарном депо ФКИ имеется гараж, где Юрка на ночь оставляет свою адскую машину. Она ужасно стучит и дымит и другого пока названия не заслуживает. Электрооборудование мотоцикла в плохом состоянии. Магнето самостоятельно не дает зажигания, придется ему в помощь давать аккумулятор; динамо машины для освещения нет, передняя фара без стекла, ламп в них также нет. Все это. Конечно, постепенно исправится и приобретется. Хорошо было бы приобрести к нему коляску, чтобы он стал 3-х машиной.

2. Витька после получения твоих марок сделался владельцем очень большой коллекции. Вчера я узнал, что его приняли в институт международных отношений. Теперь у нас в семье будет дипломат. Он пока еще своему счастью не верит. Завтра он едет в Москву, чтобы лично убедиться в том, что его приняли. Когда я был в Москве, то подписанных официальных списков еще не было. О том, что он принят, мне сказала секретарь приемной комиссии, которая, заглянув в приготовленные к подписи списки, сказала мне, что Витька принят. Теперь Витька говорит, что возможно она заглянула в список не принятых, и сказала, что принят. Знаки от полученных им побоев прошли, и теперь он может показываться на глаза людям.

3. Нина держала экзамен в Москв. Авиационный институт и вчера звонила по телефону, что ее в институт приняли, но не известно еще на какой факультет. Она подавала на «приборостроение и оборудование».

3. Мама по-прежнему еще работает, т.к. я никак не могу найти на ее место человека. Демобилизованные из армии отсиживаются дома и на работу пока не поступают. Как только найдется человек, то маму от работы освободят. Ей придется очень много работать, т.к. семья у нас большая и мама старается поддерживать высокий и культурный образ жизни, а это требует большой работы и она старается из всех сил. Сейчас, например, половина первого, а она затеяла стирку. Ей хватит этого часов до 3-х, а в 7 должна идти принимать смену. Правда, она придет на работу на ½ часа и снова уйдет домой часа на 2,5-3, потом снова уйдет в насосную на 1 час и снова вернется. За ½ часа до сдачи смены она снова уйдет в насосную. Но все время ей придется работать домашнюю работу и беготня в насосную и домой ее сильно изнуряет.

Есть у нас еще маленькая внучка, а тебе племянница Лелька. Замечательная девочка – с 10 месяцев начала ходить. 5/IX ей минет 1 год, а она свободно бегаёт по всей комнате в

погоне за котенком. Теперь только гляди за ней, чтобы она что-либо не разбила. У нас квартира плохо приспособлена для таких ребят, т.к. везде имеются вещи, которые нельзя давать ребятам такого возраста.

Тамара не работает нигде и очень много времени занята ребенком и понемногу помогает маме по хозяйству.

Нам предстоят трудности с уборкой картофеля, т.к. Витька самый главный наш сельскохозяйственный работник во время уборки будет учиться в Москве. Юрка же больше по радиоприемникам, а теперь с мотоциклом. Здоровье у него очень неважное и большую физическую работу он выполнять не может. Потеет и очень скоро сдает. Вдруг ты сумеешь к этому времени приехать. Это было бы замечательно. Вероятно, и ты теперь много работать физически не сможешь в связи с твоими многочисленными ранениями. А я с мамой стали плохими работниками для сельскохозяйственных работ.

Производительность моя не более $\frac{1}{2}$ - $\frac{1}{3}$ Витьки, а у мамы и того меньше. Если тебе не удастся освободиться от военной службы для учебы, то к 15/IX просись в отпуск домой для уборки урожая. Это теперь модно и по этому поводу можно получить отпуск на месяц «для уборки картофеля в Моск. обл., где картофель основная сельскохозяйств. культура». Ведь ты за всю войну ни разу не дома не был. Твое начальство это должно учесть.

И так, Валек, до скорого свидания. 29/VIII 45 г.

Привет от мамы и всего семейства.

P.S. Фотографии из Чехословакии так и не прибыли, так что ты зря доверил это дело почте.

Хотели мы послать тебе денег на покупку молока и фруктов, но не послали в связи с войной с Японией. Сообщи, нужно ли выслать? Деньги имеются и выслать тебе нам очень хочется.

1 сентября 1945 г.

Здравствуй Рая!

После довольно долгого перерыва получил от тебя письмо (на листочках блокнота), из которого узнал, что можно писать тебе письма, невзирая на твой отъезд из Москвы. Почти месяц назад я получил известие из дома, что ты уезжаешь или «кажется уже уехала». Поэтому я почти месяц не писал тебе.

Выражаю свою глубокую благодарность за заботу обо мне, за то, что ты добилась вызова от института. Правда, он пропал «втуне» из-за перемены места моей службы, но это неважно, т.к. он, наверное, все равно в тех условиях не подействовал бы. За то, что он оказался достаточным для моей демобилизации сейчас шансов много, но вряд ли его возможно, наверное, повторить.

Поздравляю тебя с замечательными результатами сессии. Для тебя, имевшей год перерыва, этот успех считаю блестящим. Буду надеяться, что хотя бы половина способностей проявленных тобой осталось у меня. Тогда я наверное сумею раскататься. Благодарю тебя за успокоение в отношении того смогу ли я заниматься. Оно для меня очень кстати, т.к. беспокойство за это основательно отравляет безмятежную для меня жизнь. Т.к. надежд начать занятия в этом году у меня теперь уже нет, то я бросил повторение сопромата и высшей математики, которым занимался до этого. Сейчас бездельничаю «изо всех сил». Работы у меня сейчас почти нет. Примерно через неделю приходится делать гигантские схемы для лекций о проведенных операциях. В промежутках я совсем свободен. Посовету отца, предложившего считать себя в вынужденном отпуске (и даже на курорте), сибаритствую. Сплю под навесом на сене, питаюсь молоком и фруктами, а время убиваю преферансом.

Наличие кажущейся возможности демобилизоваться заставило меня последний месяц провести в напряженном состоянии, со своей стороны я делал все что мог. Теперь я успокоился. К сожалению, все мои попытки не увенчались успехом. Добился я только обещания начальства дать мне отпуск дней через 10-15. Но пока и это «журавль в небе». Хочу, воспользовавшись отпуском, достать что-нибудь вроде затребования и привезти его сюда, минуя все бюрократические инстанции и каналы.

С нетерпением жду теперь желанного дня, когда увижу Москву, тебя. Много раз я пытался представить себе нашу встречу. Последнее время я отталкиваю эти мысли, - трудно предугадать то, что произойдет, трудно придти к выводу: что осталось между нами. Уж после окончания войны в Вальденбурге, на концерте я увидел немецкую девушку похожую на тебя. По тому, какое впечатление на меня это произвело, я понял, что время подействовало на меня слабее, чем это мне казалось.

Прервал письмо и теперь не могу его кончить. Несколько раз садился, чтобы дописать и каждый раз обнаруживал полное отсутствие вдохновения. Не обижайся за краткость письма поэтому. Через пару недель мы наверное встретимся и тогда поговорим обо всем. (Родителям моим не сообщай о том, что я приеду. Пусть это будет для них сюрпризом).

До скорого свидания!

1.9.45 г. Валентин.

17 сентября 1945 г.

Здравствуйтесь!

Вчера приехал в Харьков. Адрес в ближайшие дни изменится.

Получил от института затребование, но тем не менее перспективы темные. Письма пока пишите «до восстр.» или совсем не пишите. По мере выяснения обстановки буду сообщать.

Поздравляю Витьку!

Всего наилучшего!

Валентин

17.9.45.

27 сентября 1945 г.

Здравствуйтесь!

Кончились мытарства и я опять на твердой почве. Работаю чертежником в оперативном отделе штаба Харьковского военного округа.

Приехали с Зап. Украины поездом. Первое время жил на частной квартире. Сейчас получили койки в казарме, где размещается рота охраны. У 9 часам езжу на работу за км. На трамвае. Должен отметить, что такого заполнения трамваев как в Харькове я еще не видел нигде. Ездить приходится на колбасе или возле. Но часто и эти места не вакантны. Работаю 8 часов. Потом свободны. Работа заключается в приеме дел (карт, литературы и т.п.). После окончания этой работы буду бездельничать. За неделю прошедшую до поступления на работу обегал все увеселительные заведения (кино, театры).

Вы, конечно, уже читали о новой демобилизации, под которую попадаю и я. Нечего и говорить о том, что я на 8 небе. Через месяц максимум буду дома.

Буду стараться вырваться пораньше, чтобы помочь вам в уборке урожая. Демобилизация начнется с 1-го октября, но сразу наверное не пустят, т.ч. ожидайте через 2-4 недели.

Ура-а-а !!!

27.9.45 г.

Валентин.

